

Мелинда Салисбери



Доэль

Пожирательницы грехов

[vk.com/kurotranslations](https://vk.com/kurotranslations)

Шестнадцатилетняя Твайла живет в замке. Но, хотя она помолвлена с принцем, никто не разговаривает с ней. Никто даже не смотрит на нее. А все потому, что Твайла не из придворных. Она — палач. Как воплощение богини, Твайла убивает одним прикосновением. Каждую неделю ее приводят в темницы и заставляют касаться тех, кто осужден в измене. Никто ее не полюбит. Кому нужна девушка с ядом в крови? Даже принц, на которого из-за родословной не действует яд, избегает ее. Но затем прибывает новый страж с задорной улыбкой и опасными навыками обращения с мечом. И он, в отличие от остальных, видит в Твайле не только убийцу или богиню, но и девушку. Но эти отношения — меньшая из проблем Твайлы. Королева хочет уничтожить врагов, и этот план требует жертв. Сделает ли Твайла все, чтобы защитить королевство? Или она предпочтет любовь долгу?

---

**Мелинда Салисбери «Дочь Пожирательницы грехов» («Дочь Пожирательницы грехов» — 1)**

**Перевод: Kuromiya Ren**

*Бабушке,  
Флоренс Мей Курнан*

### **Глава 1:**

Даже когда узников не было, я все еще слышала их крики. Они жили в стенах, как призраки и эхо шагов. Если спуститься глубже в замок, под казармы, где спали стражи, под Комнату предсказания, их можно было услышать в тишине.

Впервые попав сюда, я спросила у стражей, что они делали, чтобы заставить их так кричать. Один из них, Дорин, посмотрел на меня и покачал головой, поджав губы так сильно, что они побелели, а потом ускорил шаги на пути к комнате Предсказания. Помню, была дрожь от страха, настолько ужасная мысль, что даже мой спокойный сильный страж не мог ее озвучить. Я пообещала себе, что узнаю саама, раскрою темный секрет, скрытый под землей. В свой тринадцатый год я была наивной. Безнадежно и слепо наивной.

Когда я впервые оказалась в замке много-много лун назад, я была восхищена им, его красотой и роскошью. Не было участка на полу, мелочи, не укрытой лавандой и базиликом, чтобы все сладко пахло. Королева требовала, чтобы для нее специально ткали ковры, покрывала и пледы, чтобы приглушать наши шаги.

Стены под роскошными красными и синими гобеленами были из серого камня с вкраплениями слюды, что мерцала, когда слуги раздвигали гобелены, чтобы вымыть стены. Позолота и золото украшали витые люстры над головой, подушки были бархатными и с кисточками, их меняли, как только какая-то из кучи сбивалась. Все было безупречным и нетронутым, все было в порядке и прекрасно. Розы в высоких хрустальных вазах были одинаковой длины, одного цвета и одинаково расставлены. В этом замке не было комнаты, где все не было расставлено идеально.

Мои стражи осторожно шли по бокам, оставаясь настороже и держась на приличном расстоянии от меня. Если я протяну к одному из них руку, они отпрянут в ужасе. Если я споткнусь или упаду в обморок, если они поддадутся рефлексу, то это станет для них

смертным приговором. Они окажутся с перерезанными глотками в акте милосердия. По сравнению со смертью от моей ядовитой кожи, это было бы везением.

Тиреку так не повезло.

\* \* \*

В комнате Предсказания мои стражи остались у двери, и королевский фармацевт Ральф кивнул на стул, где мне нужно было сесть, а потом отвернулся, чтобы проверить инструменты. Стены были в полках, полных склянок с мутной жидкостью, странными порошками и безмянными листьями, они стояли без определенного порядка. Ярлычков не было, по крайней мере, я их не видела в тусклом свете свечей, ведь так низко под замком окон не было. Сначала я подумала, что это странно, что что-то такое как Предсказание исполняется здесь, в скрытых комнатах, вырезанных под землей, но теперь понимала. Если я не справлюсь... Лучше, чтобы двор или королевство не видели этого. Лучше пусть это случится в этой скрытой комнатке на половине пути в преисподнюю, в подземелье, а не в относительном раю Большого зала.

Я разложила юбки вокруг себя на стуле, один из стражей, младший, чиркнул каблуком по полу, звук был слишком громким для каменной комнатки. Ральф повернулся, пронзил его взглядом, а потом посмотрел на меня. Его взгляд был пустым, когда скользнул по мне, лицо было маской, и я подозревала, что даже если бы он не был немым, ему было бы нечего мне скачать.

Он улыбался и качал головой, когда Тирек рассказывал мне о деревьях, на которые лазал, о выпечке, которую ворочал с кухни. А потом он махал ему рукой, чтобы Тирек перестал рисоваться, хотя в глазах сияла любовь к единственному сыну. И хотя Предсказание длилось несколько мгновений, я задерживалась на час, а то и два, сидела напротив Тирека на расстоянии двух вытянутых рук, и мы болтали. Мои стражи при этом возвышались рядом, поглядывали с любопытством на Ральфа, пока тот экспериментировал, и на Тирека со мной, пока мы общались. Мне было некуда идти после Предсказания, кроме храма или своей комнаты, и ничто не мешало мне провести пару часов в Комнате предсказания под присмотром стражей. Но теперь все изменилось, теперь у меня были дела.

Я опустила глаза, пока Ральф исполнял Предсказание, надрезая мою руку, ловя несколько капель крови во флакон, что держал под раной, а потом нес ее через всю комнату. Он добавлял капельку крови к Утраве, смертельному яду, от которого не существовало противоядия, а потом приносил смесь мне. Я безмолвно ждала, склонив голову, а он смешивал кровь и яд, потом перелил все во флакон. Я замерла, а он подошел ко мне, опустил флакон мне на колени. Я подняла его, маслянистая жидкость была прозрачной в свете свечей, без признаков моей крови. Я сняла пробку и выпила.

Мы замерли, следя и ожидая, подействует ли яд в этот раз. Но он не сработал, и я доиграла роль. Я поставила флакон на столик рядом со стулом, пригладила юбки и посмотрела на стража.

— Готовы, миледи? — Дорин, старший из стражей, был ужасно бледным в свете факела. Предсказание было окончено, но у меня были другие дела, и я чувствовала на себе мрачный взгляд Ральфа, пока выходила из комнаты.

Я кивнула, и мы пошли к лестнице. Дорин шел справа, а второй страж, Ривак, слева. И мы спустились в подземелье, где ждали узники. Ждали меня.

\* \* \*

Мы шли мимо комнаты Утра, испугав этим слуг, убирающих остатки последнего приема

пищи пленника. Они прижались к стене, увидев меня, склонили головы, а костяшки их пальцев побелели на грязных тарелках и кубках, они поспешили прочь. Дорин кивнул Риваку и вошел в комнатку. Через миг он появился в дверях и кивнул, что все чисто.

За деревянным столиком сидели двое мужчин, укутанных от шеи до пят в балахоны черного цвета с длинными рукавами, их руки были привязаны к подлокотникам. Они медленно подняли головы, глядя на меня. Стражи остались у двери, выхватив мечи, хотя я была тут в безопасности, как и везде, даже если вокруг были преступники. Предатели короны и королевства.

— Как Донен Воплощенная я предлагаю вам очищение, — я старалась звучать величественно, что не сочеталось с тошнотворным состоянием. — Ваши грехи не будут съедены, когда вы умрете, но я попрошу для вас благословения у богов. И они простят вас со временем.

Они не были благодарны моим словам, и я не могла винить их за это. Слова были пустыми, и мы это знали. Без Пожирания они приговорены, независимо от благословения. Я ждала, что кто-то заговорит. Другие проклинали меня или молили о пощаде, о моем вмешательстве. Меня молили дать им умереть от меча или веревки, один отчаянный даже просил отдать его на растерзание собакам. Но эти молчали, глядя на меня. У одного из мужчин дергался левый глаз, бровь, но только это выдавало, что они замечали меня.

Они молчали и ничего не делали, и я склонила голову. Я поблагодарила богов за благословение, а потом заняла место за приговоренными, встала между ними. Я прижала ладони к шеям мужчин сзади, обхватила пальцами в поисках впадинки на горле, где чувствовала, как кровь пульсирует в венах под кожей. Их сердца бились почти в такт, я закрыла глаза и ждала. Когда их пульс начал ускоряться — снова в идеальной гармонии — я отступила, спрятав руки в длинных рукавах, сдерживая желание тут же вымыть их.

Долго ждать не пришлось.

Через мгновения после моего прикосновения они рухнули на стол, кровь полилась из их носов на уже запятнанное дерево. Я смотрела на красные ручьи, что стекали с края, заливали болты, которыми стулья были прикручены к полу. Если бы не эти болты, не веревки, что привязывали ноги мертвых к стульям, их тела были бы у моих ног. Утрава была жестоким ядом. Глаза мужчины, чья бровь дергалась, были открыты, и когда мои глаза начало покалывать, я поняла, что пялюсь на него. Не важно, сколько мужчин, женщин и детей я казнила, это всегда терзало меня изнутри. Но так и должно было быть, ведь каждая казнь была словно повторение убийства Тирека.

\* \* \*

Тирек был моим единственным другом, один из двух людей в замке, кто всегда был рад меня видеть. Мое место при дворе означало, что мы не можем быть в обществе друг друга помимо коротких встреч в Комнате предсказания. Но там я виделась с ним и мы могли говорить обо всем, что видели и, в его случае, делали. Я не встречала никого, похожего на него. Он был бесстрашным, со своим мнением, и дни между Предсказаниями длились долго. Они тянулись, пока стражи не вели меня вниз, где был он, ждал в дверях, улыбался и убирал светлые волосы нетерпеливо с лица.

— Вот и ты, — говорил он. — Скорее. Хочу кое-что показать.

Он хотел быть одним из моих стражей, когда вырастет, он радовался, когда сражался с ними деревянным мечом против стали. Я сидела на стуле и улыбалась их выходкам, пока его отец брал мою кровь для Предсказания.

— И выпад, — он махнул мечом, но Дорин легко его отразил. — Ясно же, что я даже не пытаюсь вас ранить.

— Ясно, — согласился Дорин, и я рассмеялась.

— Взмах и выпад, отскочить, а потом... ха! — он обрадовался, когда смог задеть руку Дорина. Я захлопала, а Дорин опустил меч.

— Я побежден.

— Видите, миледи, — повернулся ко мне Тирек. — Я смогу вас защитить.

В день, когда мой мир опустел, он не позвал меня спешить, не рассказал о тренировках, не посмотрел на меня. Впервые за два года, что я была в замке, он не улыбнулся мне. Он поклонился. Я должна была понять, что впереди опасность, но не заметила. Я думала, что это новая игра, что мы притворяемся. Я поклонилась в ответ, изображая леди, необъяснимо радуясь. Даже молчание Ральфа изменилось, и он отодвинул Тирека от меня, а потом взял у меня кровь, передал флакон Тиреку, чтобы тот отнес к столу Предсказания.

Когда дверь распахнулась, и вошли королевские стражи, я сперва подумала, что на нас напали, и вскинула руки в защите. Что-то разбилось, стражи двинулись мимо меня, а я вовремя развернулась на стуле, чтобы увидеть, что они схватили Тирека. Его лицо посерело от страха, отец рядом с ним не двигался.

— Что такое? — вскричала я, но солдаты проигнорировали меня, потащив моего друга к двери.

Я бросилась им наперерез, и этого хватило, чтобы они остановились.

— Отпустите его и объяснитесь, — потребовала я, но они покачали головами.

— Королева приказала арестовать его, — сказал один.

Я рассмеялась. Мысль, что Тирек сделал что-то неправильно, была смешной.

— По какой причине?

— Измена.

За ними раздался всхлип, и я невольно пошла туда, где стоял Ральф, хватаясь за грудь и деревянный стол. Когда я развернулась, солдаты уже шли. Тирека они держали как соломенную куклу, его голова качалась в стороны.

Я пошла за ними, но Дорин встал между мной и дверью, выхватив меч.

— Миледи, — сказал он с предупреждением во взгляде. И я замерла.

— Отведите меня к королеве, — сказала я, и он кивнул.

\* \* \*

Но в этом не было нужды, ведь когда мы покинули комнату, она появилась одна в коридоре, словно мой приказ призвал ее. Ее лицо было спокойным над бело-золотым шелковым платьем. Она напоминала невинную ангельскую невесту, и я была рада видеть ее, ведь это значило, что она поняла, что это ошибка, и пришла освободить Тирека сама.

Я открыла рот, чтобы поблагодарить ее, но она вскинула руку, вспоров ею воздух, заткнув меня.

— За мной, — приказала она, пройдя мимо нас, и нам пришлось поспешить за ней. Когда мы добрались до низа лестницы, она резко остановилась. Я чуть не столкнулась с ней и услышала резкий выдох стража за спиной, он тоже резко остановился.

— Оставьте нас, — приказала она моим стражам, и они тут же развернулись и ушли по ступенькам, по которым мы только что спустились.

Я смотрела на нее и ждала, спину гладил страх, предупреждая об опасности.

— Два года я скрывала часть твоей роли, Твайла. Я хотела убедиться, что ты поняла

свой дар и можешь вынести его, — она замолчала, разглядывая меня, и продолжила. — Потому что у дара есть плата. Цена, если хочешь, того, что ты особая, избранная. Но ты взрослеешь, и я не могу защищать тебя и дальше. Теперь ты должна вести себя как Донен Воплощенная.

Я смотрела на нее, не понимая ее слова о плате и цене. Я принимала яд, как она и велела, делала все, чего она хотела. Что еще?

— Мальчик в комнате в конце коридора совершил предательство, — сказала она, вскинув руку, чтобы я не перебивала ее, — хотя я знаю, что ты не веришь этому, я уверяю тебя, что провела расследование, и сомнений нет. Более того, ты была частью этого, — она дала мне время, понять это. — Он выпытывал твои секреты, наши секреты, изображал дружбу, пока продавал твои слова нашим врагам.

— Нет! Он не мог! Я ничего ему не говорила... Я не знаю секретов.

— Ты была его прикрытием и информатором, Твайла. К счастью, ты права, ты знаешь мало. Но ты все равно рассказала ему о своей жизни и обязанностях — секрет, священные ритуалы, что тревожат нас. Так что тебе вершить наказание. Быть Донен Воплощенной — значит не только петь и молиться. Не только показывать себя, принимая Утраву. У этого есть другая цель.

Я уставилась на нее, пытаюсь понять. Что еще? Каким может быть наказание? А потом я с ужасом и холодом поняла, что она приказывает мне коснуться друга.

Когда я прибыла в замок, я принимала Утраву каждый месяц, доказывая королевству, что я — Донен Воплощенная, выбор богов. Смесь яда с моей кровью, принятие яда и выживание показывали, что я необычная, не просто девушка.

Я подумала о цене, которую заплатила за новую жизнь во дворце. Я не могла никого касаться, ведь яд, что я принимала по своей воле, оставался в моей коже и мог убить всех, на кого попадал, кроме тех, у кого было божественное право: королевы, короля и принца. Цена не казалась настолько ужасной, не касаться и не давать себя коснуться, все же у меня не было человека, к которому можно было выказывать любовь. Но это не было ценой.

Ценой было прикосновение, и я должна была касаться сознательно. По приказу, понимая, что это убивает. От Утравы не было спасения, даже нежное касание моей кожи убивало взрослого мужчину за секунды. И такой была моя роль, цена, которую я платила за покровительство богов: я стану палачом. Убийцей. Оружием.

— Я не могу, — выдавила я.

— Должна, Твайла. Потому что я не могу обещать тебе спасение от яда в твоей крови, если ты не станешь исполнять долг. Это боги спасают тебя от него. По их воле ты будешь делать это.

— Но они точно...

— Хватит, Твайла, — рявкнула королева. — Это и есть роль Донен. Каждое воплощение Донен было надеждой и правосудием. Ты здесь, чтобы показать королевству, что мы живем в благословенную эпоху. И ты разберешься с теми, кто ранит нас. Пойдешь и выполнишь долг. Ты ведь не хочешь злить богов?

— Нет.

Королева кивнула.

— Твоя самоотверженность похвальна, Твайла.

— Нет, я не могу, — услышала я себя. — Не могу убивать.

— Прости?

— Не думаю, что я могу быть Донен Воплощенной, если таково истинное назначение. Я не для этого.

Королева рассмеялась тонко и неприятно.

— Думаешь, боги ошиблись в выборе? Думаешь, ошибка то, что ты выжила от Утравы на Предсказании? А твоя семья и сестренка? Ты пожертвуешь едой и деньгами, что я отправляю им, потому что тебе не нравится путь, что избрали тебе боги? — она покачала головой. — Ты знаешь, что не можешь вернуться, — тихо сказала она. — Боги тебе не позволят. Они дали тебя мне, Лормере, и я приняла тебя. Ты пришла без таланта и причин брать тебя. Но я приняла тебя, потому что ты рождена для этого, Твайла. Мы послушны богам. И ты должна.

— Но...

Ее глаза не дали мне ничего сказать.

— Я забуду то, что ты пыталась сомневаться во мне, — тихо сказала она. — Я забуду, что ты хотела отвернуться от моей щедрости и покровительства. Я забуду, что ты была неблагодарна. Я буду милосердной. Молись богам.

\* \* \*

Я сделала, как она просила. Я вошла в пустую комнату, где мой лучший друг был привязан к стулу, во рту его была темная ткань, что врезалась и в щеки, из глаз текли слезы. Его запястья уже покраснели там, где он тянул за веревки. Он обмочился. Темное пятно виднелось на штанах, и я покраснела, мне было стыдно за него. Он дико качал головой в стороны, пока я приближалась. Ему было пятнадцать, как и мне. Королева стояла в дверях и смотрела, как я касаюсь ладонями его шеи, единственного участка кожи, что я видела. Ничего не случилось, и я подумала, что боги вмешались, показали, что он невинен. А потом его затрясло, тело содрогалось, и я убрала руки, но было слишком поздно. Кровь текла из его носа и рта, и он был мертв передо мной. Я убила его меньше, чем за минуту.

Я смотрела на него широко раскрытыми глазами, не видя, а королева кашлянула.

— Тебе нужно делать это. Увидеть, что значит быть избранной. Ты не можешь теперь отвернуться. Это твоя судьба.

\* \* \*

Прошло два года после того, как я убила лучшего друга. Двадцать четыре Предсказания. Двадцать четыре раза я приходила в комнату, откуда вывели Тирека и принимала яд, из-за которого убила его. Я убила тринадцать предателей вместе с сегодняшними и Тиреком за двадцать четыре месяца. Ради Лормеры. Ради народа. Ради моих богов.

Потому что я Донен Воплощенная, перерожденная дочь богов. Миром всегда правили два бога — Дэг, хозяин солнца, который правил днем, и его жена Нэхт, императрица тьмы, что правила ночами. И много-много лет назад, когда Лормера была лишь скоплением феодальных деревень, жадная Нэхт решила, что ей мало править только по ночам. Она придумала план и соблазнила мужа, так утомив его, что он не смог встать. А потом она захватила небеса и правила одна, погрузив весь мир во тьму. Ничего не выживало, всюду была смерть без Хозяина солнца, что согревал и освещал мир, даря людям радость.

Но, соблазнив Дэга, Нэхт получила дочь Донен. И когда Донен родилась, ее песня при этом разбудила Дэга от спячки, и он поднялся на небо. Возвращение Дэга принесло свет и жизнь в Лормеру, и он в благодарность поклялся, что когда Лормера будет в этом нуждаться, он будет возвращать дух своей дочери в мир как символ надежды. Они узнают ее по рыжим волосам — цвета рассвета — и по ее голосу, такому красивому, что он мог разбудить бога.

Они будут звать ее Донен Воплощенной, и она будет благословением для земли.

Но Донен была дочерью двух богов, света и тьмы, жизни и смерти. Когда Дэг поклялся вернуть дочь в мир, Нэхт настояла, что Донен Воплощенная должна представлять и ее. И Донен стала равновесием между богом и богиней. Она была смертью в честь матери и жизнью в честь отца. Каждый месяц Донен Воплощенная должна доказывать себя, принимая Утраву и выживая. И она должна оставлять яд на коже, чтобы ее прикосновение несло смерть предателям, как прикосновение ее матери.

\* \* \*

Из двух стражей, что были со мной в день, когда королева заставила меня убить Тирека, один решил тут же оставить свой пост. Но перед этим он рассказал, почему узники так громко кричат. Он дождался, пока Дорин уйдет за моим ужином, а потом склонился так близко, как только осмелился, опасно улыбаясь.

— Хотите знать, почему они кричат? — он не ждал моего ответа. — Люди королевы режут их. Они берут самые тупые ножи, которые находят, и режут их, где пожелают, — он улыбнулся. — И порезы те очищают бренди. А это обжигает. Бренди пылает в горле, но на неровном порезе он горячее самого Дэга. Плохо. Очень плохо. А с плохими они повторяют это снова и снова.

Он замолчал, облизывая губы, глядя на мое лицо, чтобы понять, как сильно ранили меня слова.

— Но кричат они не поэтому. Они кричат из-за тебя. Потому что как бы ни пытали их, это не сравнить с тем, что сделаешь ты. Скажи, кроха, это объясняет тебе, почему они кричат?

Я никогда не рассказывала никому того, что он поведал мне. Я видела достаточно смертей. Порой я проявляла милосердие. Как королева.

## Глава 2:

Я стояла в комнатке, оттирала руки, ополаскивала их в маленькой миске и повторяла это снова и снова, пока не услышала стук в дверь.

— Входите, — я взяла полотенце, хотя руки все еще не ощущались чистыми, и повернулась к посетителю.

Дорин стоял передо мной, чуть склонившись.

— Простите за вмешательство. Созвали охоту, миледи.

— Сейчас? — я взглянула на него. Я не могла придумать, что я хотела меньше, чем преследование невинного зверя в лесу. Я вытирала полотенцем руки, надеясь, что он скажет, что мне не нужно идти, что он просто сообщает мне о планах королевы на день.

— Королева настояла, чтобы вы были.

Я отвернулась, закрыла глаза и тут же открыла, ведь увидела, как на меня смотрит мертвец. Почему охота сегодня? Мы редко проводили охоту, но сегодня...? Я хотела уйти в свой храм. Я хотела закрыть дверь и не думать ни о чем. Я хотела, чтобы руки были чистыми.

— Оставлю вас готовиться, миледи, — сказал Дорин и ушел.

Я смотрела ему вслед, мне было не по себе. Не было смысла посылать кого-то, чтобы сообщить о моем отсутствии, разрешить мне уйти в свой храм. Она знала, что я пойду. Я могла приговорить к смерти одного человека или сотню, но она знала, что я приду, потому



она приказала. Моя семья не могла потерять деньги и еду, что она отправляла им каждый месяц, а она перестала бы, если бы я разозлила ее. Так уже было. Она знала, что я не дам сестре страдать больше, чем она уже страдала, из-за меня. Она знала, что я чувствую вину за то, что оставила Мэрил позади. Она знала меня, и я была хорошей куклой, которой было легко управлять, если знать, за какие нити тянуть. И нить, ведущая к моей сестре, заставляла меня слушаться. А если не удавалось, она говорила о богах. Что я забираю жизни по их воле. Что я не могу изменить их волю.

Когда я покинула комнату с плащом на плечах, меня ждал только Дорин.

— Где Ривак? — спросила я, выглядывая другого стража.

Дорин поджал губы.

— Переназначен, миледи.

День становился все лучше и лучше, хотя я не была удивлена. Почти все стражи уходили через несколько месяцев службы. Хотя люди, которых выбирала королева, были обучены убивать быстро и беспощадно, я знала только одного человека, что мог оставаться в обществе девушки, что могла убить его одним прикосновением... Остальные просили назначить их в другое место, и им всегда разрешали. Я думала, то королева этому потакает. Иначе страж, что оставался со мной, мог перестать бояться меня, привыкнуть ко мне и стать верным мне. Она не могла этого позволить.

Она позволила это лишь раз, хотя вряд ли понимала это.

Дорин был со мной с самого начала. Он старше короля, на аккуратной бороде и висках виднелась седина. Он не стриг волосы, а завязывал их у шеи, его глаза были ореховыми и внимательными. Он — идеальный страж, профессионал, и я знала, что мы не друзья, но что-то было. Я жила в страхе, что его когда-то заберут у меня. Мы знали движения друг друга, было сложно обмануть его. Как давно женатая пара, мы знали все, и мне не нужно было бояться, что он ошибется.

— Только мы? — спросила я.

— Это временно, миледи. Вчера проводили отбор, думаю, новый страж уже сегодня к нам присоединится. Я объясню ему все, пока вы будете на охоте. Там, как и всегда, будут королевские стражи.

— Ривак перевелся после Предсказания? — сказала я, стараясь владеть голосом.

— Он попросил вскоре после этого, миледи, но королева еще не назначила нового стража. Но сейчас уже должна была.

— Сколько продержится новый? — я мрачно улыбнулась.

— Не так долго, как вы заслуживаете, миледи. Идемте, не нужно заставлять ждать Их величества, — он быстро улыбнулся с добротой, и мне стало только хуже.

Он пошел впереди меня по лестнице, я не отставала, держала руки по бокам, осторожно следуя за ним и молясь богам, чтобы он остался у меня.

\* \* \*

Все собрались, дамы в зеленом и серебряном, мужчины в синем и золотом, и я в алом плаще. Королеве нравилась я в красном, она думала, что он подчеркивает мою роль, потому почти все мои платья и плащи были красными. Собаки вились вокруг короля, щелкали зубами, глядя на него и ожидая приказа. Я ненавидела этих собак почти больше всего остального.

Они отличались от собак, что были в деревне, где я выросла. Они не сжимались от резких слов, не показывали живот добрым. У этих собак были длинные мускулистые ноги,

их большие головы были плоскими и широкими. Смесь алана с мастиффом, с чем-то диким и смертоносным. У них была жесткая шерсть с вкраплениями коричневого и золотого. Мне не нравилось гладить их, даже если они разрешали. Их пасти скалились, а в глазах не было ничего. Когда я смотрела в них, ощущения были такими же, как при взгляде в глаза мужчинам, которых я казнила утром. Они были пустыми, без разума и души.

Я знала все о душах. До того, как я стала Донен Воплощенной, я была дочерью Пожирательницы грехов.

\* \* \*

Запах собак заполнял зал, кислый и прогорклый от мяса и смерти. Я видела, что королева прикрыла лицо тонкой шалью. Собаки не любили мертвую плоть. Им нравилось лишать жизни своих жертв, раздирая их, и они всегда хотели охотиться. Они знали, что значит собрание здесь, и они выражали нетерпение, расхаживая, от этого у меня во рту появилась горечь. Я надеялась, сегодня они не будут охотиться на людей. Я надеялась, что сегодня охота будет вестись на животных.

Когда я впервые увидела, как королева спускает собак на узника — вора, что проник в поместье лорда, — меня чуть не стошнило после завтрака на пол в зале. Я знала, что она так делала, все королевство знало, как жестоко карает королева, но видеть это, ощущать запах и слышать, как они рвут на части человека, было еще хуже. Даже для меня это было слишком. Дорин прикрыл меня, сказав королеве, что мне было плохо все утро. Меня отправили в кровать, лекаря прислали потыкать меня стеклянной палочкой и напоить неприятно пахнущим травяным чаем. После этого собаки, бегущие за мной, за сестрой, за Тиреком и Дорином, снились мне в кошмарах. Я просыпалась в поту, дрожа, убежденная, что чую их запах в комнате. Никто не заслуживал такой судьбы, что бы ни говорила королева. Но я была уверена, что люди так говорили и о моих поступках, даже если я казнила предателей королевства.

— Твайла, — холодный голос королевы позвал меня, и я низко поклонилась, реакция была от того же инстинкта, что заставлял мышь зарываться в землю при уханье совы. — Благословленная Предсказанием, — сказала она, дворе шептался за ней. — Можешь пойти в храм после охоты.

Я опустила голову ниже с признательностью.

— Спасибо, Ваше величество.

Два ее стража подошли ко мне, держась на смущающем расстоянии. Когда большие деревянные двери открылись, мы спустились по ступенькам к лошадям, что были оседланы и ждали королеву, стражей, меня и остальной двор.

Я забралась на широкую спину скакуна без помощи, королевская стража стояла и смотрела на мои попытки, а потом я направила лошадь ближе к королеве. У коней был иммунитет к утраве, и я провела пальцами по ее гриве, ниспадающей мне на платье. Было приятно касаться чего-то теплого, живого, зная, что она от этого не страдает.

Пустые глаза. Кровь капает на запятнанное дерево.

Я поежилась, пальцы сжались на гриве кобылицы, но действие привлекло взгляд королевы, и я отпустила гриву и обхватила вместо этого поводья.

Она повела нас вперед короля и гончих, и я тихо выдохнула с облегчением. Я была рада, что мы будем ехать отдельно, а не с охотниками, и я подозревала, что рада не только я. Лай собак тревожил лошадей сильнее, чем их всадников. А порой они могли сбить лошадь вместе с всадником.

Мы ехали, а я смотрела на горы. Мы были с трех сторон окружены ими, они укутывали королевство, как мать дитя. Город Лортуна и замок Лормеры были в самой восточной точке королевства, части замка были построены в камнях, и казалось, что здания выросли из горы, пытаюсь сбежать от нее.

— Природная крепость, — сказала как-то раз мама. — Лормера никогда не падет из-за гор.

Нам повезло с расположением королевства, так мне говорили. Горы не давали никому напасть на нас, и огромный и густой Западный лес тоже закрывал нас. У нас всегда была возвышенность, Западный лес рос на склоне плато, где процветала Лормера, и у нас было преимущество над врагами.

За Западным лесом лежало королевство Трегеллан, наш заклятый враг. Сотни лет назад мы вели с ними кровавую войну, которую начали они, но Лормера отбилась, и наша королевская семья подписала соглашение о мире с советом Трегеллана.

За горами на севере, где камни уходили к окраине Трегеллана, тянулись на севере и западе к морю, лежало королевство Таллит, заброшенное на пятьсот лет. От него осталось лишь несколько деревушек, борющихся между собой за земли соседей. Таллит было самым богатым королевством, когда Лормера была лишь несколькими феодальными деревнями в горах, управляемыми предшественниками королевы. Но после смерти королевской династии Таллит развалилось, люди покинули его сначала понемногу, потом скопом. Некоторые осели в Трегеллане, другие бродили по лесам и горам, пока не пришли в Лормеру. Говорили, что у четверти лормерианцев была кровь Таллита, и это было видно порой, когда ребенок рождался с платиновыми волосами и особыми глазами, которыми славилось Таллит.

Мы ехали в тишине, лес вокруг нас молчал, пока мы двигались среди деревьев. Лормера была плодородной, но высота означала, что большая часть земли использовалась для выгона скота. Мы могли выращивать картофель, репу, пастернак, рожь и бобы, но зерно не росло тут. Приходилось привозить его с севера Трегеллана, где было много ферм у реки, отделявшей Трегеллан от Таллит. Рыба и морепродукты тоже поставлялись из Трегеллана, все это ловили в реке или приносили те, кто был смелее, из Таллитского моря. Эта еда была роскошью. Я никогда не ела белого хлеба до того, как попала в замок.

Слева лес зашумел, и мы повернулись. Королевская стража выхватила мечи. Через миг куница выскочила из куста, зло вопя, и бросилась к старой ели. Одна из дам тихо рассмеялась, и стражи спрятали мечи, смутившись. Королева ехала передо мной, стражи образовали кольцо вокруг нас. Ее длинные каштановые волосы сияли в пятнах солнца, падающих сквозь листья дуба, липы и хвою елей.

Она была красивой, ее профиль — гордым, когда она повернулась проверить сопровождение. Ее кожа была бледной, без пятен, скулы — высокими, глаза темными, как и у всех в ее семье. Королевский род был красивым, берег кровь. А дамы при дворе старались подражать королеве: те, у кого были светлые волосы, красили их с помощью коры и ягод, и результаты были разными. Не одна дама чуть не ослепла, добавляя белладонну в глаза, чтобы изменить цвет голубой или ореховой радужки. На их фоне я с рыжими волосами, зелеными глазами и веснушчатой кожей казалась пришельцем из другого мира. Я такой и была.

\* \* \*

Далеко в лесу на севере от замка нас ждала золотая беседка, знамена покачивались на ветру. Под крышей длинный стол ломился от веса еды, которой было больше, чем мы могли съесть: жареный кабан, утиное конфи, имбирные пирожки, густой гуляш, хлеб, пудинги.

Шелковые покрывала из экзотических мест покрывали лесную землю и нас ждали у края тапочки. Когда королева спешила, мы повторили за ней, переобули сапоги на тапочки и заняли места. Я сидела справа от роскошного кресла королевы, держалась от нее как можно дальше, две служанки поглядывали на меня, яростно шепча, пока та, что крупнее, не толкнула другую ко мне. Я отвела взгляд, но успела увидеть довольную ухмылку первой.

— Немного вина, миледи? — девушка спросила издалека, сжимая графин в руках.

— Нет, — сказала я. — Я хочу воды.

Девушка неловко присела в реверансе, поспешила прочь и вернулась с водой. Она приблизилась, и я замерла, не шевелясь. Она стояла далеко, наливая, и часть воды оказалась на столе. Я смотрела, как она пропитывает золотую скатерть, портя шелк. Она не взглянула на темное пятно, поспешила к подруге и продолжила шептаться.

Когда я только прибыла в замок, мне сказали, что будет, если меня коснутся, и от этого я чувствовала себя особенной, сильной, как королева. Никто не мог ударить меня, ущипнуть или забрать у меня что-то. Это делало меня и ехидной. Когда я не получала то, чего хотела, я могла помахать пальцами в сторону слуг, радуясь тому, как они белеют, спотыкаются, чтобы выполнить мои просьбы. Но я вспоминала о назначении утравы, что доказывала мою сущность. Слуги понимали, что я была оружием. Я не могла винить их за ненависть. Если бы я не была так наивна, то не вела бы себя жестоко с ними. Но для них было лучше держаться подальше, чтобы с ними не повторилась судьба Тирека.

Королева обмахивалась веером, открывая и закрывая его, пока смотрела в лес, ожидая синий цвет, она ждала звуки рожка, склонив голову, ведь так сообщат о прибытии ее мужа. Такое внимание к королю было необычным с ее стороны, это насторожило всех. Мы сидели идеально смирно, стараясь дышать беззвучно. Я поглядывала то на беспокойную королеву, то на лес в поисках движения.

Мы не знали, когда охотники присоединятся к нам, они не прервутся, пока гончие не убьют, и если они охотились на дичь, то никто не знал, когда они с ней столкнутся. Мы должны были ждать, выглядя красочно и радостно к их приходу. Когда писцы будут отмечать в летописях дни этого двора, королева точно заставит их написать о изяществе, красоте и традициях. Она хотела устроить в Лормере золотую эпоху, так что все должно было казаться идеальным.

— Твайла, что споешь сегодня? — повернулась ко мне королева и махнула пажу.

— «Баллада Лормеры», «Синяя лань» и «Карак и Седания» подойдут Вашему величеству?

— Очень хорошо, — сказала она.

Хотя она делала вид, что я выбираю песни, это было иллюзией. Если бы я сказала «Далекая справедливость» или «Смешливая горничная», она пронзила бы меня холодным мрачным взглядом.

— А почему ты решила, что они подойдут? — сказала бы она опасным нежным голосом. — Для охоты, Твайла? Такие песни?

Те, что я выбрала, пелись наизусть на охоте, теперь я это знала. «Баллада Лормеры» рассказывала как пра-пра-пра-пра-прадедушка королевы основал королевства. «Синяя лань» появилась позже, там пелось про то, как мать королевы длинном синем платье перепутали с волшебной ланью, и на нее охотился король, он успел спасти ее до того, как ее растерзали гончие.

«Карак и Седания» была боевой песней о дедушке и бабушке королевы. Это их

правление мы считали золотой эпохой Лормеры, когда среди нас была прошлая Донен Воплощенная, и эта песня была любимой у королевы. Она любила слушать, как лормерианцы отбили атаку трегеллианцев, уничтожив их, хоть они и сдались, и временно лишив золота.

Король Карак и королева Седания хотели, чтобы Трегеллан отдал нам своих алхимиков, чтобы мы делали свое золото, как они, но Трегеллан отказались и пригрозили убить алхимиков, чтобы защитить их секреты. Чтобы не потерять золото полностью, Карак и Седания договорились получать большое количество золота алхимиков, отсюда и золотая эпоха. Теперь алхимики Трегеллана прятались, чтобы их не поймали и не заставили работать на нас.

До того, как я пришла в замок, я пела все, что хотела, сочиняла песни о небе, реке и зимородках.

Когда я впервые спела королю и королеве как Донен Воплощенная, я пела свою песню. Королеву это не впечатлило.

— Кто научил тебя этому?

— Я сама сочинила, Ваше величество. Это моя песня.

— Тогда забудь ее. Может, дочь Пожирательницы грехов и может петь такую ерунду, то Донен Воплощенная точно не может. Богам это не понравится.

Я кивнула. Тогда я хотела впечатлить ее, доказать себя. Пока не знала, к чему все ведет.

\* \* \*

В лесу раздался ужасный крик, и все мы повернулись. Я старалась не представлять жестокость, с которой гончие порвали жертву. Я надеялась, это было быстро.

— Они идут, — королева поднялась и хлопнула в ладоши. — Готовьтесь.

Приказ не требовался, слуги приготовили все еще до нашего прибытия, но от ее слов начали двигаться быстрее, ставя графины с вином, принося еще пироги и блюда из птицы на уже скрипящий стол. Мы расслабились, выдавливая улыбки, вскинув брови, пока смотрели на королеву, словно она произносила тост.

Прогудел рожок, и мужчины прибыли, потные, но довольные. Они спрыгнули с коней, собаки тащили останки жертвы за собой. Четыре крупных боролись за них, скаля зубы и рыча на мирной поляне. Я отвернулась. Трофеев от охоты не оставалось. Собаки сгрызали даже кости. Мужчинам нравился сам процесс, и они были довольны работой.

Мы встали, когда подошел король, и все во мне сжалось. С ним был принц.

### **Глава 3:**

Я раскрыла рот, поражаясь тому, что он здесь, что он так вырос, что он похож на принца, а не нескладного угрюмого мальчика, что я видела порой по пути в храм. Его плечи стали широкими, темные локоны коснулись воротника туники, когда он склонил голову перед матерью. Он стал красивым. Я поняла это с потрясением. Мой суженый был красивым, несмотря на черты, переданные от матери, несмотря на эти пристальные карие глаза.

Меня охватила злость. Никто не говорил мне, что он вернулся, что он собирается прибыть.

Когда королева привела меня в замок, она сказала, что к ней во сне пришла Нэйт и предложила воплощение своей дочери — меня — на место принцессы, невесты ее сына. Вот

только свадьба с принцем может лишить меня роли Донен Воплощенной, и этого хотела Нэйт. Как только я выйду замуж, я уже не буду чистой, как должна быть для роли Донен. Я буду сидеть на троне, где сейчас королева.

Все поклонились сначала королю, потом принцу Мереку. Два года его не было, он посещал округи и проводил время с лордами, узнавая, как работает королевство, и его историю, он заводил друзей и союзников. Я знала, что он побывал и в Трегеллане почетным гостем, и я слышала от двух служанок, что он был в Таллите. Никто не говорил мне, куда он уехал и когда будет, а я была слишком гордой, чтобы спросить.

Принц Мерек сел напротив меня, и я ждала, что он посмотрит на меня, сердце быстро колотилось под платьем. Но он не взглянул, мой желудок сжался, и я опустила взгляд на стол, было больно, но не удивительно. На церемонии четыре года назад принц положил ладонь поверх моей, и руки обвязали красной лентой, отмечая нашу помолвку. В тот раз меня последний раз коснулись. Я надеялась, что после этого мы будем проводить время вместе, станем друзьями до свадьбы, но этого не случилось. Он никогда не говорил со мной, а потом уехал и даже не спрашивал обо мне в письмах. Я не могла винить его за это; если меня пугала моя роль, то понятно, как это видел принц. Он мог оказаться в кровати с невестой, что может убить во имя богов.

— Все получилось? — спросила королева у короля, когда мы сели, король и королева сидели по краям длинного стола, я — справа от нее, принц — напротив меня, слева от нее, и остальные сидели по степени значимости и владений.

— Верно, — сказал король. — Хорошо побегали за безумцем — его рога были вдвое выше Мерека, — он кивнул на пасынка. — Но мы повалили его, и собаки довершили дело, — он закончил, и было слышно вопли пирующих собак, и я скривилась.

Королева кивнула.

— Рада слышать, — она отвернулась от мужа, выражение ее лица смягчилось, она посмотрела на сына. — Мерек, а тебе как?

— Очень хорошо, мама, — ответил он, хотя в тоне не было ее тепла. Его голос был низким и мягким, приятным. Я смотрела на него, когда он говорил, видела изгиб его губ, пока он отвечал ей, и то, как он сидел в кресле. — Приятное отвлечение. Я бы повторил. Пока мы были в Трегеллане, мы охотились на кабана пару раз. Хотя не двором, им нравятся старые игры и развлечения.

— Удивительно, что у них есть время, — сухо сказала королева. — Мне показалось, что им почти месяц требуется на обсуждение любого решения.

Мерек вскинул бровь.

— Верно. Но такова цена демократии, думаю. Нужно выслушать каждый голос. И хотя это не идеально, не могу отрицать, что система работает. Для них.

— Для них, — сказала королева, закончив, и Мерек опустил взгляд на тарелку, напоминая скромного мальчика, которому я пообещала руку. — Зал Стекла скоро будет закончен, — сказала она спокойно, не заметив раздраженный изгиб его губ. — Мы сделали его по подобию оригинала в Таллите. Там тоже будут развлечения.

— Я видел останки оригинала, когда был там. Уверен, это было нечто. Тогда.

— Думаю, ты поймешь, что наша версия превзойдет их. Хотя зал основан на дизайне Таллита, я внесла свои поправки, — сказала королева. — И он не старинный.

— А это не одно и то же с турниром? — спросил Мерек.

— Это развлечение более утонченное, — голос королевы был медовым. — Мы не

хищники, как трегеллианцы. Мы можем наслаждаться спокойными вещами, — когда Мерек не ответил, она повернулась ко всем нам. — Мой сын — путник. Я надеюсь, что Лормера сможет занять его, — она с любовью улыбнулась Мереку и придвинулась, чтобы взять его за руку. Но он отпрянул, вскинув брови, а потом поднял нож и вонзил в грудку фазана. Он смотрел на нее, пока подносил кусок ко рту и откусывал от него. Королева отвернулась, и я тоже отвела взгляд, притворяясь, что не вижу этого небольшого бунтарства, но я была рада, что видела.

Королева смотрела на придворных, и мы принялись за еду. Через миг она вытащила маленький металлический диск на цепочку из корсета платья и начала играть с ним. Мерек опустил нож и посмотрел на нее.

— Ты сделала из него кулон, — тихо сказал он, кивнув на медальон, что королева сжимала между пальцев.

— Я не могу посчитать это сокровищем, — улыбнулась она, показывая ему кулон.

Он нахмурился.

— А где тот дизайн? Дудочник и звезды спереди? — он шурился, разглядывая кулон. — Ты убрала их?

— Конечно. Зачем мне носить старую монету с таллитским музыкантом на ней? Так лучше. Центр чист теперь и похож на луну Нэхт. А золото по краю — солнце Дэга. Я сделала ее лормерианской.

Мерек покачал головой.

— Это могла быть последняя в мире таллитская монета, сделанная алхимией. Ей больше пятисот лет, она бесценна для истории.

— Не для нашей истории, Мерек. Меня волнует только наша история. И она ведь не поведает нам секреты алхимии? Это бесполезная монета, что ничего не стоит.

Она убрала ее, и лорд Беннел сказал, сидя чуть дальше за столом.

— Вы нашли Спящего принца, Ваше высочество?

Некоторые придворные рассмеялись, хотя я не сразу вспомнила, что такое Спящий принц. Я отчасти помнила легенду о принце, скованном заколдованным сном, и тут заметила, что все опасно молчат. Принц Мерек застыл, смешно открыв рот, но не ответив, а королева... Королева смотрела на лорда Беннела дикими глазами. Воздух вокруг нее был тяжелым от злости, словно лорд Беннел сильно оскорбил Мерека своим вопросом о старой детской сказке, и теперь ей нужно было защитить его. Все за столом замерли и побледнели, и даже король нервничал, пока мы ждали, что кто-то нарушит молчание.

— Простите, Ваши величества и Ваше высочество, — поспешно сказал лорд Беннел. — Я не хотел перебивать вас.

Взгляд королевы ничего не выражал, и я чувствовала гнев, исходящий от нее, она замерла, готовая к броску. Через миг она расслабилась в кресле, немного напряжения развеялось. Люди подняли бокалы к губам, ножи скребли тарелки, слуги подходили к столу, чтобы убрать и наполнить тарелки. Но краем глаза я видела, что движения королевы скованы, она отодвинула тарелку, в глазах все еще полыхала буря.

— Твайла, ты споешь сейчас, — сказала она.

Окруженная временными стражами, я тут же встала, стараясь не бежать, пока шла к другому концу стола, где меня было видно ей и королю, было сложно игнорировать инстинкт бежать от королевы.

— У тебя дар, маленькая Твайла, — сказала мне королева, когда я прошла первое

Предсказание. — Ты избрана представлять Донен в мире, и сегодня мы посвятили твою жизнь ей. Лормера долго ждала твоего возвращения. Теперь ты священный сосуд, как и я. Это твоя судьба. Ты — моя дочь в глазах богов.

\* \* \*

Я пела «Карака и Седанию», голос стал выше, пока я описывала войну и кровопролитие, и тут я услышала что-то за ним, тихое шипение, шепот. Я поняла, что лорд Беннел шептался едва слышно за столом с леди Лорель. Она сидела с белым лицом без эмоций, стараясь не слушать шепот соседа, ее муж, лорд Ламмос, отодвинулся от них как можно дальше. Я отвела взгляд, не обращая на них внимания, а на моих плечах выступил пот. Когда я дошла до припева, я запела громче, чтобы заглушить его, откинула голову, и на мои волосы попадал свет.

Лорд Беннел склонился ближе к ней, продолжая шептать, хотя она с силой качала головой и кивала на меня. Его щеки были красными, взгляд блуждал, и мое сердце сжалось, когда я поняла, что он слишком пьян, чтобы быть осторожным. Конечно. Когда бы еще кто-то посмел перебить разговор королевы и принца? Я снова повысила голос, раскинула руки в стороны, поднимая лицо к небу, пока пела, отчаянно желая, чтобы внимание оставалось на мне.

Всех заставил молчать звук бьющегося стекла. Мой голос резко застрял в горле. Во главе стола королева сжимала ножку бокала, только это осталось от него, осколки рассыпались по золотой скатерти.

— Твайла заставила вас скучать, лорд Беннел?

Меня тошнило, пульс участился, а все смотрели на лорда Беннела.

— Донен Воплощенная заставила вас скучать, милорд?

Я смотрела, как покраснела толстая шея лорда Беннела, пока он лепетал в ответ, его слова были неразборчивы.

— Простите, Ваше величество, я лишь говорил леди Лорель, как нам повезло жить сейчас, ведь среди нас снова Донен Воплощенная. Это комплимент, — он указал на меня рукой и сбил кубок, красное вино расцвело на шелке.

— Странно. Лучшим комплиментом было выслушать ее песню, оценить, как все пытались сделать. Лорель нравилась песня, и она не говорила во время нее, да?

Я видела, откуда стояла, что леди Лорель вцепилась в складки платья так крепко, что костяшки ее пальцев побелели, и я поняла, что делаю так же. Пот на ладонях пачкал шелк моего платья.

— Верно, Ваше величество.

— Может, ваши комплименты, как вы их называли, были озвучены не вовремя?

— Да, Ваше величество.

— Может, вам лучше оставить нас, чтобы мы наслаждались дарами богов без вас?

— Хелевиса... — начал король, но она взмахнула рукой, заставив его утихнуть. Король смотрел на нее, тень легла на его лицо, он сжал челюсть, но промолчал и, отвернувшись, смотрел на деревья.

— Я... Ваше величество? — сказал лорд Беннел.

— Прочь. Вы перебили Донен Воплощенную своей болтовней, перебили разговор между мной и сыном из-за пустяка. Не рассчитывайте быть в моем обществе, пока не выучитесь манерам, — королева бросила ножку бокала на пол и повернулась за новым бокалом.



На меня давило немного напряжения. На ужасный миг я подумала, что она объявит его поступок изменой и попросит коснуться его. Я подняла голову, ожидая просьбы продолжить, и увидела, как лорд Беннел просит пажа привести его коня.

— Думаю, лорд Беннел, вам стоит пойти пешком, чтобы подумать о своем поведении.

Сердце билось о ребра. Мы смотрели, как он напряженно встает, а потом пытается снять тапочки, чтобы заменить их сапогами, его щеки стали лиловыми, когда обувь застряла на ноге.

— Продолжай, — кивнула она мне.

— В Западных лесах Лормеры стояла светлая Седания. Она кричала... — я замолкла королева поманила хозяина гончих.

— Твайла, продолжай, — рывкнула она, и у меня не было выбора, лишь пытаться петь, голос дрожал, пока я пела людям, что отдали бы все, лишь бы оказаться не здесь.

— В Западных лесах Лормеры стояла светлая Седания. Она кричала: «За Лормеру Хотим вы варваров падения... — я не могла смотреть, как хозяин гончих уводит двух небольших собак от жалких остатков их обеда и ведет их к креслу Беннела. Лорель сжалась, когда они обошли ее, их жесткая шерсть прошуршала по ее платью, пока они запоминали запах мужчины, что сидел там. Они ушли, и мир задержал дыхание.

— Карак отправился в битву, меч о крови просил. Его любовь просила: «Трегеллан, пади».

Прошло меньше минуты, раздались вопли и рычание.

— Начни еще раз, Твайла, — улыбнулась королева. — Я едва слышала тебя из-за шума. И меньше наигранности, если не против. Ты Донен Воплощенная, а не сельский певец.

Лорд Беннел не был предателем. Я убивала только предателей. Хотя то, что он умер, оскорбив меня, могло заставить меня убить его. И, судя по виду придворных, они были согласны.

\* \* \*

Аплодисменты после моего выступления были слишком громкими, все старались оценить меня, чтобы королева не обвинила их в черствости. Мне было плохо.

— Можешь сесть, Твайла, — сказала мило королева.

Я посмотрела на нее, поклонилась, а потом увидела принца

Он склонился в мою сторону, склонив голову, словно впервые увидел меня. Его непроницаемое лицо ожило, он смотрел, а мои ноги подкашивались, словно он забирал мои силы, чтобы питать бурю в его глазах. Я хотела его внимания раньше, но теперь получила его, и это парализовало меня.

Щеки пылали, и я пошла к своему месту, и я чувствовала, что он провожает меня взглядом, пока я иду вдоль стола. Никто не смел так долго смотреть на меня, ведь королева могла решить, что их взгляд оскорбил меня. Но принц не боялся потерять жизнь. Только его во всем мире королева не тронула бы, и он знал это.

Подали десерт, но я не могла есть пудинг перед собой. Лепестки на его вершине были красными, и я развернула пудинг, чтобы скрыть их. Настроение было мрачным, пир напоминал Пожирание, словно все мы должны были поглотить грехи Беннела и надеяться, что наши дела порадуют королеву.

Когда я опустила ложку, принц все еще смотрел на меня, и мне казалось, что он не отводил от меня взгляда, пока я пела. Хуже того, на него смотрела королева, поджав губы, пальцы ее теребили медальон на ее шее. Солнце исчезло за облаком, яркая зелень леса

посерела. Когда королева поднялась, все мы встали с ней.

— Готовьте лошадей, — приказала она. — Мы возвращаемся.

За мгновения мы переобулись в сапоги, лошадей привели так быстро, словно слуги ожидали спешный отъезд. Мы в тишине сели на конец и пошли обратно. Я была рада, что я ехала за королевской семьей, что мне не надо было беспокоиться, что они смотрят на меня в пути, и я запустила пальцы в гриву лошади, прижалась к ней и наслаждалась контактом, сколько могла.

Королева и остальные ехали слишком быстро для прогулки, и я не знала, как у нее получается это, ведь она сидела боком. Я была рада, что она не требовала, чтобы я поравнялась с ней. Когда я прибыла во двор, остановила кобылицу среди других взмыленных лошадей, королева уже спешила и резким шагом пошла в замок, муж и сын спрыгнули с коней и поспешили за ней.

В последний миг у порога принц обернулся и посмотрел на меня. И его взгляд снова приклеил меня к месту. Три громких удара сердца мы смотрели друга на друга, и он ушел в замок, оставив меня дрожащей внутри.

Дорин пришел проводить меня с незнакомцем. Я взяла себя в руки, ногти оставили полумесяцы в ладонях, ведь я сжимала кулаки.

— Добрый день, миледи, — Дорин поклонился. — Могу я представить Лифа, что будет вашим стражем с этого дня?

Я взглянула на нового стража.

— Добрый день, Лиф.

— Миледи, — сказал он. Его голос был мелодичным и низким, в нем было что-то незнакомое, легкое изменение тона в конце слов, и это заставило меня приглядеться к нему. Его глаза были зелеными, темнее, чем у меня, а светло-каштановые волосы были собраны лентой, хотя его сверстники так не делали, и если он распустил бы волосы, они доставали бы ему до плеч. Он был не старше меня. Я хотела сказать ему уходить, пока у него был шанс, но вместо этого я кивнула ему и повернулась к Дорину.

Дорин смотрел не на меня, и я обернулась, чтобы понять, на что он смотрит. Привели коня лорда Беннела без всадника, и Дорин повернулся ко мне, поджав губы.

— В храм, миледи? — спросил он, отгоняя пчелу, что гудела над нашими головами.

Я кивнула.

— Да. Могу я сначала с тобой поговорить?

— Жди там, — сказал он новому стражу, тот поклонился и широко мне улыбнулся, было видно розовый язык, задиристо зажатый между зубов. Это обезоруживало и было заразительным. Я невольно улыбнулась, а Дорин кашлянул, и Лиф оставил нас.

Когда я убедилась, что он нас не слышит, я повернулась к своему старшему спутнику.

— Он не лормерианец, — тихо отметила я.

Дорин покачал головой, глядя на меня с чем-то, похожим на родительскую гордость.

— Хорошо отмечено, миледи. Он из Трегеллана.

— Королева наняла трегеллианца? Защищать меня? — я не старалась даже убрать шок из голоса. Хотя Лормера победила в войне и теперь была в мире с Трегелланом, королева не любила их народ, и я слышала, как она зовет их ленивыми, подлыми и хилыми.

— Да. Он... — он отогнал пчелу, и она бросилась на него. Он вскрикнул, когда она ужалила его в руку, и прикусил губу, чтобы не выругаться.

— Ты в порядке? — спросила я.

Он пожал плечами, глядя на рану.

— Не волнуйтесь, миледи.

— Жало там? Его нужно поскорее вытащить.

Он осмотрел рану, кожа покраснела вокруг жала, которое он вытащил ногтями и бросил на землю с отвращением.

— Тебе нужно принять настой, — сказала я ему.

— Все будет хорошо, миледи. Я прослежу.

Я хотела возразить, но он продолжил говорить:

— Я говорил, что он хорош, — сказал он задумчиво. — Несмотря на происхождение. Он лучше ее стражей и... — он сделал паузу, — лучше меня, миледи. Он ловкий. Он заявил, что в нем нет любви к Трегеллану. Королева сказала, что он сможет защитить тебя, что она будет спать крепче, зная это, даже если он трегеллианец.

— Я хорошо сплю с тобой у двери, — проворчала я, и он быстро улыбнулся и снова привычно нахмурился.

— Спасибо, миледи, — он поклонился, потирая неволью руку. — Иди сюда, Лиф, — позвал он, и Лиф поспешил к нам, как воодушевленный щенок. Мне стало печально, ведь он напоминал меня, когда я впервые попала сюда.

#### Глава 4:

Оказавшись в своем храме, я закрыла двери, но не села на колени перед алтарем, а принялась в тревоге расхаживать по комнате. Глупый лорд Беннел, зачем он так напился? Почему не смог смолчать? Чем он думал, что так ошибся, когда королева уже была на взводе от его глупых вопросов о сказках? И почему принц теперь меня заметил? Почему так смотрел на меня?

Тени двигались по стенам, пока я зажигала благовония и опускалась на колени перед алтарем, чтобы просить помощи о Нэйт и Дэга, чтобы увидеть, что это значит.

Я не хотела быть неблагодарной. Я просто не знала. Я знала, что они благословили меня. И они ведь дали мне то, что я хотела? Я хотела прийти сюда, и я оказалась здесь. Я хотела хорошего мужа, и меня ждет принц. Они обеспечили все, и теперь я жила как в мечтах. Мне повезло. Я особая.

Я инструмент, нож.

Я посмотрела на тотем богов, большую металлическую скульптуру, показывающую, как солнце затмевает луну, или наоборот, зависело от света в комнате. Часть дня золото затмевало серебро, а потом свет менялся, и серебро побеждало.

— Я помогу жителям? — спросила я у королевы, когда попала сюда. Я видела себя на подиуме, поющую для королевства, цветы бросали к моим ногам, а я благословляла толпу, и сестра смотрела на меня гордо, глаза ее сияли. — Буду приходить к ним и петь для них?

— Зачем тебе это делать? — спросила она.

— Чтобы они знали, что их благословили.

— Твайла, ты Донен Воплощенная, так что мы с королем — представитель Нэйт и Дэга. И жители знают, что они благословлены, потому что мы существуем. Твой дар лишь для избранных, потому что только они могут его понять. И еще... — она замолчала, с жалостью глядя на меня, — нам нужно защищать тебя. Они будут возмущены твоей удачей, тем, что ты избрана богами представлять Донен, стать однажды нашей дочерью. Тебе лучше оставаться в

замке, где стражи и я защитят тебя от них.

\* \* \*

Время шло, и я встала, колени болели, ведь я молилась очень долго. Я зажгла свечи, теперь двигаясь, чтобы согреться, ведь свет угас. Здесь было холоднее, чем в замке, стены были белыми и чистыми. По краям были скамейки для людей, хотя приходила сюда только я. Стены были украшены тканями, и хотя я была ужасной швеей, я старалась, и на выкрашенном камне взгромоздилось много солнц и лун. Мне нравилось вышивать полевые цветы, но королева это не одобряла. Она приняла бы, если бы я вышивала дорогие цветы, но мне они нравились не так сильно, как те цветы, что росли у моего старого дома. Она не мирилась с этим.

Два года назад мы ехали на пикник во время праздника семнадцатилетия принца, в тот раз я видела его в последний раз перед его поездкой. Это был прекрасный день поздней весной, теплый настолько, что мы оставили тяжелые плащи и были в летней одежде. Мы ехали по садам и вдруг попали в облако белого пуха: тысячи одуванчиков были потревожены шагами лошадей, и теперь они окружили нас. Это было волшебно: словно снег падал, хотя не мог, буря в свете солнца, и я смеялась вслух, казалось, впервые в жизни. Они мягко касались лица, и я видела лишь белизну вокруг. Когда все рассеялось, я увидела довольного принца, поднявшего голову к солнцу. На миг он поймал мой взгляд, и мы улыбнулись друг другу, радуясь быть здесь и видеть такое.

А потом каждый садовник потерял по указательному пальцу ведущей руки за то, что одуванчики росли тут в таких количествах, а повариха потеряла два мизинца за то, что давала королеве есть их листья и корешки в салате, пить чай из них. Королева хотела большие пальцы, но тогда повариха не могла бы выполнять свою работу. Королева назвала это милосердием. Опять.

\* \* \*

Я услышала вне храма шепот, донесшийся через открытую дверь, Дорин учил нового стража своей роли.

— Кто миледи?

— Она Донен Воплощенная, перерожденная дочь богов.

— Когда Предсказание? — Дорин закашлялся.

— Вы в порядке?

— Отвечай на вопрос, Лиф. Когда Предсказание?

— В последний день полной луны, — ответил Лиф.

— Что такое Предсказание?

— Древняя церемония, что доказывает готовность миледи работать для богов, доказывает, что она — избранный сосуд. Миледи отдает каплю крови, ее смешивают с утравой, и она выпивает смесь, чтобы показать, что ее любят боги.

— Когда леди может тебя трогать?

— Никогда. Или это убьет меня.

— Кто может касаться миледи?

— Королева, король, принц по божественному праву.

— Кто еще?

— Никто. Только помазанные могут получить прикосновение миледи и не умереть.

— Пока хорошо, — проворчал Дорин.

Я улыбнулась и скривила нос. Дым благовоний вился вокруг меня, воняло жасмином. Я

вытащила благовония из чашки и растоптала. Кто-то отправил не те травы. Здесь был франджипани, а не жасмин. Жасмина не было никогда.

— Твайла.

Я резко развернулась, потрясенно обнаружив принца на пороге храма, он смотрел, как я топтала благовония. Я поклонилась, чувствуя, как кружится голова, а он пошел ко мне.

— Я побеспокоил?

Я была так потрясена, что он в моем храме и говорит со мной, что ответила не сразу.

— Нет, Ваше высочество. Совсем нет, — выдавила я через минуту.

— Я не помешал молитвам?

— Нет, Ваше высочество. Я уже не молилась. Я... — я притихла.

Он кивнул, подавив ухмылку, а потом оглядел комнату.

— Ты все это сделала? — он кивнул на ткани на стенах.

— Да, Ваше высочество.

— И ты не устаешь создавать одинаковые картины?

Я взглянула на него, а он смотрел на меня, темные глаза пронзали. Я не успела решить, как ответить, а он заговорил снова:

— Мне понравилось твое выступление вчера.

— Спасибо, Ваше высочество.

— И хочу сказать, что мне понравилась... наигранность, — он подчеркнул последнее слово, моя грудь сжалась. — Хотя закончилось не так, как я надеялся, все же приятно видеть, что что-то изменилось, пока меня не было. Смелых мало, когда это требуется. Я рад, что ты одна из немногих.

Я снова не знала, что сказать. Он сказал «наигранность», как и королева, но он произнес это одобрительно. Почему? Он не попытался спасти лорда Беннела, так почему он рад, что я попыталась? Я посмотрела на него, а его брови были вскинуты, он ждал ответа, но я не знала, что сказать, чтобы это не звучало обвиняюще.

— Когда будешь петь снова? — спросил он, наконец.

— Завтра, Ваше высочество. Раз в две недели у меня аудиенция у короля.

— А когда после этого?

— Когда мне скажут, Ваше высочество, — сказала я, понимая слишком поздно, как грубо я звучала. Я не успела исправиться, он заговорил:

— И Донен Воплощенная поет, когда этого захочет король?

Я не понимала.

— Я пою для радости короля и королевы.

Он кивнул и посмотрел на стены, хмурясь.

— Тебе стоит вышивать цветы. Мне всегда нравились одуванчики, — сказал он, снова удивив меня, а потто развернулся и ушел. Я не успела поклониться ему, когда он выходил из храма.

Я смотрела ему вслед, раскрыв рот. Он нашел меня. Пришел в мой храм. Но зачем? Из-за лорда Беннела? И сказал мне вышивать одуванчики. Он помнил? Я посмотрела на статую, тщетно надеясь найти ответ, но его не было.

Я растерянно села на одну из скамеек, стараясь привести мысли в порядок. Когда я увидела, что стемнело, я сдалась, прошептала быстро благодарности богам, позвала стражей и вернулась в свою башню.

Когда я пересекала порог, я поняла, что и тут убежища не найду.

\* \* \*

Я замерла в дверях и вскрикнула, этого хватило, чтобы Дорин заметил.

— Отойдите, миледи. Лиф, охраняй дверь башни.

Лиф пошел по ступенькам вниз, и Дорин выхватил меч и обошел комнату, заглядывая за длинные золотые шторы и под кровать, за ширмой, отделяющей мою зону купания, а потом и в туалет. В моем маленьком шкафу не мог никто скрыться. Он не нашел ничего, что могло потревожить меня.

Потому что нарушитель давно ушел, оставив след на моем комод.

Дорин вскинул брови, а я вошла со спокойной улыбкой на губах.

— Прости, я... словно увидела тень в окне... Может, птица? Сова? — сказала я.

Его обмануть не удалось, и он задумчиво подошел, чтобы осмотреть окно. Моя комната была на втором этаже, на вершине башенки в западном крыле. Башенка была моей, и никто не смог бы забраться снаружи, ведь стены были ровными и скользкими.

— Миледи... — Дорин посмотрел на меня, на его лбу блестел пот, — вы в порядке?

Я кивнула, выдавливая улыбку, он помрачнел. Он знал, что я вру, но никогда не требовал правды, так что тоже кивнул.

— Я буду снаружи, миледи. Если что-то понадобится.

— Спасибо, — тихо сказала я.

Я подождала пять ударов сердца после того, как закрылась дверь, а потом подошла к столу, подняла папку и открыла ее. Сердце колотилось. Не было подписи, чтобы понять, кем был загадочный посетитель. Но я знала.

— Тебе стоит вышивать цветы, — сказал он.

В папке были схемы цветов, любимых цветов его матери: розы, маки, ирисы, и эти цветы росли в ухоженных садах замка. Но в конце был рисунок одуванчиков на кусочке бумаги размером с мою ладонь. Я изучала рисунок, приглаживая бумагу. Ее словно много раз складывали и разворачивали. Я не знала, нарисовал ли это он. Но я мало знала о своем будущем муже. Может, это был приказ или проверка, и я не знала, что делать.

Я взяла рисунки и положила на кровать, восхищаясь деталями. Он хотел оставить их мне или дал на время? Я вернулась их на стол, положила сверху тонкий пергамент и начала старательно обводить, особенно стараясь с одуванчиками. Я оставлю папку на комод. Он сможет забрать ее, когда захочет.

\* \* \*

Чуть позже после ужина я вытщила шелка и начала раскладывать их. Я использую розовый для роз, бледно-розовый, какими были ноготки сестренки, когда она родилась. Темно-синий для ирисов. Красный для маков, но не кроваво-красный, не этот ужасный цвет. А белый, снежно-белый, для одуванчиков. Такой бледный белый, что его нужно подносить к солнцу или свечи, чтобы увидеть цветы.

Я разложила цвета, глядя их. Я сделаю картину так, словно цветы росли вместе, переплетались, что редко позволяли их виды. И посреди каждого стебля будет одуванчик. Королеве не понравится, и я знала, что она не увидит этого, и эта мысль радовала меня. Каким-то чудом я спала хорошо этой ночью, мне снились цветы и темные глаза.

\* \* \*

Следующим утром я готовилась к визиту к королю. Предсказание случилось на последний день убывающей луны, во время смерти. Теперь был первый день новой луны, королева собирала ближайших придворных для похода к священному пруду у Восточных гор,

где она проводила весь день от рассвета до заката. Вода была горячей, выходила из-под гор в пруд, в честь которого была названа Лормера\*, этот пруд, по слухам, помог женщине зачать ребенка. Новая луна — время новой жизни. Новых начал.

В день, когда ее не было, я шла к королю и пела ему, как делала при нашей первой встрече. Королева дала понять, что это потворство, а она не хочет быть частью этого, ведь это было пустой тратой моего дара. Но король мало просил у нее, и она решила позволить ему это, насколько я знала, только это она и позволила своему второму мужу.

Ее первый муж, предыдущий король, был братом королевы, брак был продиктован традицией. Лормерой должны были править король и королева, нельзя было править кому-то одному; это не нарушали. И поколениями, чтобы хранить чистой кровь, братья женились на сестрах. Закон не говорил, что правители должны быть родственниками, но, чтобы сохранить родословную, правителям нужно было рожать хотя бы одного сына и дочь, чтобы считаться успешными.

В деревнях мы знали опасность этого, мы видели котят и поросят, что рождались от таких союзов, некоторые были кривыми и слепыми, другие — безумными. Хотя в чистоте крови была сила, но доставалась она большой ценой. Кровь нужно было смешивать, чтобы избегать смертей и безумия.

Королева и первый король потеряли двух дочерей, будущую невесту принца, когда принцесса Алианор умерла до трех лет. И как всегда случалось, когда погибал кто-то, вызывали мою мать, Пожирательницу грехов Лормеры, чтобы поглотить грехи умершей принцессы.

Моя мама полная женщина, она растолстела от грехов умерших, ей подавали ей это блюдо так, словно в тот день королевой была она. Для Пожирания скорбящие покрывали поверхность гроба хлебами и мясом, элем и прочими угощениями, представляющими каждый известный грех умершего. Она Пожирала их всех, должна была, ведь только так можно было очистить душу для ее пути в Вечное королевство. Не доесть — обречь душу на брожения по миру навеки. Мы слышали сказки о призраках, что обитали в Западном лесу, ведь люди не давали моей маме закончить Пожирание.

Она села перед маленьким гробиком принцессы и съела ее грехи, пахнувшие гранатом, мускатным орехом и сахаром, грехи были слишком богатыми для девочки. Она съела их, и первый король с королевой скорбели по девочке, и потом они пытались заменить ее, ведь восьмилетнему сыну нужна была невеста, чтобы он взошел на трон. Но через два месяца после смерти Алианор первый король заболел и тоже умер.

Королева была вдовой, а принц был без невесты и слишком юным, чтобы прийти к власти, и королевство охватил хаос. Я помнила, как мама наняла двух местных мужчин с копьями и мечами, чтобы сопроводить нас туда и обратно на Пожирание. Даже она боялась безумия, охватившего королевство, а маму запугать было сложно. Но решение вдруг нашлось, королева вышла замуж за кузена, и он стал королем. Он был близким родственником, ведь его родители были близнецами родителей королевы. Кровь оставалась чистой. Но их союз не считался полностью чистым. Хотя они были из одного рода, они не вышли из одной утробы, потому кровь была не полностью чистой. И говорили, что поэтому королева не могла получить дочь, хоть много раз ходила к пруду.

\* \* \*

Я встретила будущего короля на Пожирании грехов прошлого короля, и он быстро меня принял. Как ученица мамы, я смотрела, как она исполняет Пожирание, учила, в каком

порядке нужно поглощать грехи, сколько нужно смаковать каждый из них. Я никогда не уставала, пока смотрела, как она поглощает бесконечно блюда. А когда Пожирание доводило ее до экстаза, я бродила по замку и пела. Я не знала, что будущий король ходил за мной и слушал. Когда он захлопал, я попыталась убежать к маме, но он остановил меня и попросил спеть еще. И я купалась в его внимании, пела душой для него, радовалась, а потом он взял меня за руку и повел на Пожирание.

Когда мы покинули замок, я спросила у мамы, не был ли он моим папой. Я не знала отца, как и мои братья с сестрой. Я сомневалась, что у всех был один отец. Когда я узнала, как делаются дети, я не могла посещать Пожирание мужчин, не думая, не был ли он моим отцом, не был ли один из грехов, что мама проглотила, из-за меня. Я искала в лицах родственников свои глаза, волосы, но не была похожа на них. Я не видела этого и в будущем короле, но я хотела, чтобы он был моим отцом. Я представила, как он узнает во мне давно потерянную дочь, как меня забирают в замок и я становлюсь принцессой вместо умершей, вызываю улыбку королевы. Мама ударила меня так, что у меня выпал один молочный зуб, и сказала мне никогда не говорить об отце.

Четыре года назад большая карета появилась у нашего дома, окруженная высокими стражами на черных конях. Там была королева Лормеры, одетая в синее, она спрашивала меня. И я подумала, что все мои мечты осуществились.

Я не хотела быть Пожирательницей грехов. Я хотела вырасти, выйти замуж, быть счастливой. Я не хотела думать только о своей роли. Я не хотела жить одна, изолированная то всех из-за того, кем являюсь. Я хотела нормальной жизни.

После того, как мы побывали на Пожирании первого короля, я не могла перестать думать о замке. Столько света и красоты, не тьма дома, в котором я выросла. Я представляла, как у всех есть своя комната в замке и кровать, а не четыре ребенка в одной спальне, пока мама отдыхает в другой. В замке все смеялись вместе, ведь пировали в роскошных платьях.

И было невозможно попасть туда, быть приглашенной королевой. И вот она пришла и назвала меня своей подопечной.

— А что с ее долгом Пожирательницы грехов? — сказала мама королеве, и я потрясенно смотрела на стражей, их броня сияла так ярко, что я видела в них свое отражение, видела, как мои пальцы подрагивают от желания погладить бархатные накидки, что ниспадали с их плеч. — Насчет ее обязанности перед королевством?

— У нее есть большая обязанность, — сказала королева, положив ладонь на мои волосы.

— Она нужна здесь, — ответила мама. — Ей нужно знать свою роль, нужно удерживать остальных. Она должна быть следующей Пожирательницей. Для этого она рождена.

— А я скажу, что у нее другая роль, — спокойно парировала королева. — И в этой роли нуждаются ее королева и страна. Вы получите компенсацию за это. Но почему бы не спросить у Твайлы, чего она хочет?

Я посмотрела на королеву, золотую карету, а потом на маме. За ней я видела личико Мэрил, глядящей на королеву круглыми сияющими глазами, и я знала, что и у меня такое выражение лица. Я смотрела на сестру в штопаной одежде, а потом на кружева шали королевы.

Королева следила за моим взглядом, потому что она сбросила шаль с плеч, словно отогнала мысль, и отдала Мэрил, даже не вздрогнув, когда та выбежала и забрала шаль, как



зверек. Изображение довольной сестры со спутанными волосами, укутанной в кружевную шаль, было всем, что мне требовалось.

— Моя роль важна для королевы и страны, — сказала я, получив улыбку королевы, а мама закрыла дверь бывшего дома перед моим лицом.

Я потрясенно смотрела на нее, а королева взяла меня за руку и повела к карете.

— У нас есть платье для тебя, — губы королевы искривились, когда она осмотрела мое простое черное платье. — Тебе нужно что-то подходящее тому, кем ты станешь. Тебе нравится красный, Твайла?

Тогда он мне нравился. Теперь я его терпеть не могла. Пока я была в замке, список того, что мне не нравилось, становился все длиннее. Теперь мне не нравилось даже то, о чем я не знала четыре года назад.

Но ненавидела я только королеву.

\* часть названия переводится как «пруд».

## Глава 5:

Я оделась и заплела волосы до того, как Дорин и Лиф пришли сопроводить меня на встречу с королем. Они с королевой занимали всю южную башню, как я западную, хотя в мою башню можно было попасть только по коридору. В южную башню можно было попасть из главного зала, как мы и пошли сегодня, оттуда по длинному коридору и вдоль галереи, где придворные сплетничали и болтали. Они умолкли, когда мы шли мимо, все знали, что сегодня Донен Воплощенная пойдет к королю, и они поклонились мне рьянее обычного. Никто не хотел быть следующим лордом Беннел.

Меня объявили, люди короля открыли двери в королевские покои, и король поднялся с красного кресла на двоих, чтобы встретить меня.

— Твайла, — он улыбнулся, а мои стражи ушли на пару часов отдыха, который был им позволен, оставив меня одну в позолоченной комнате с королем. Комната была круглой, как и форма башни, красиво обставленной креслами с подушками и широкими дубовыми скамейками, подставками для ног и столиками с хрустальными графинами и бокалами. Тут был и стол с четырьмя резными стульями, как те, что были на охоте, полки были полны шкатулок и книг в кожаных переплетах всевозможных цветов. Комната вопила о роскоши, об интимности. Замок не чувствовался домом, а эта комната еще сильнее заставляла меня чувствовать себя изгоем. Это место было убежищем королевы, портреты ее и первого короля строго смотрели на нас. Ноги утопали в мягком ковре, пока я шла к королю.

— Ваше величество, — я поклонилась и улыбнулась ему. Мне нравился король, всегда нравился, и он казался неуместным в этой комнате, как и я.

— Как утро? Выглядишь хорошо.

— Я в порядке, сир, спасибо. Можно узнать, как ваше здоровье?

— У меня хорошее настроение, Твайла. Жду хорошего дня. Твое пение озаряет мои дни. Это было нашей игрой, мы каждую встречу так делали. И хотя моим голосом восхищались, я редко его могла использовать, так что я была рада этим визитам, могла поговорить и попеть, а король был хорошим собеседником, когда мы были наедине.

Я встала перед окном, отвернувшись от витража, меня обрамляли тяжелые шторы, и я начала «Балладу Лормеры». Голос заполнял комнату, и я уже не была сосудом Донен

Воплощенной, я была Твайлой. Королева, замок и ужасы отступили. Я любила эту часть своей жизни, когда могла петь и забывать обо всем. Я могла быть кем угодно, когда пою, быть где угодно. Я была свободной, когда пела.

Я хотела начать «Далекую справедливость», когда дверь распахнулась, и без объявления вошел принц. Стражи поспешили закрыть за ним дверь, а у меня замерло сердце. Потому он хотел знать, когда я буду петь. Чтобы посмотреть на меня.

— Мерек, мальчик мой. Рад, что ты пришел к нам. Твайла собиралась петь «Далекую справедливость».

Мерек взглянул на меня и прищурился, хмурясь.

— Я такую не знаю.

— Меня ей научил один из учителей, когда я был младше тебя, а я научил Твайлу.

— Ясно, — сказал Мерек, глядя на меня. — Можешь отойти от окна, Твайла? Свет перекрывает тебя.

Я посмотрела на короля. Он кивнул, и я отошла, встав между окнами, спина была у перегородки между рамами.

— Так лучше, — сказал Мерек, опускаясь в одно из кресел. Он вытянул длинные ноги и скрестил в лодыжках, а руки сложил на груди. — Прошу, продолжай.

Я боялась, что ошибусь под его взглядом. Но мой голос не подводил, а я не смотрела на них, глядя на стену над их головами, и пела так, словно от этого зависела жизнь. Я закончила песню, король назвал другую, не давая Мереку времени хлопнуть. Когда я устала, и был перерыв на ланч, Мерек встал и покинул комнату, ничего нам не сказав, и в комнате словно появился воздух. Я не понимала, что задерживала дыхание, пока за ним не закрылась дверь.

— Тебя не тревожил он? — голос короля был тихим. — Я не думал, что он придет.

— Я была рада видеть его, сир.

— Думаю, мы должны радоваться, что он счел нашу компанию достойной, да? — рассмеялся он, но это звучало пусто. — Он хороший мальчик — или мужчина — сейчас. Прости меня, но боюсь, что замок будет клеткой для него, когда придет его время. Может, все будет иначе, если с ним будут люди его возраста. Детям нужны братья и сестры, да? У тебя они есть?

— Да, сир. Два брата и сестра, — я ощутила острую боль под ребрами, когда я подумала о сестре. Я почти ничего не знала о том, что с ней, помнит ли она меня. Я видела ее перед глазами, укутанную в кружевную шаль, что уже точно изнасилась. Стать Донен значило оставить старую жизнь, включая семью, и я не понимала тогда, что выбираю. Я поняла от того, что дверь закрылась передо мной, что мама хочет избавиться от меня, что нашим отношениям конец, но Мэрил... Я хотела общаться с ней. Я думала, что мы, хоть у нас и будут разные жизни, будем порой навещать друг друга, проводить вместе хоть пару часов, даже изредка. Но королева сказала, что я не должна быть связана с семьей, это разгневет богов, если я начну цепляться за старую жизнь. Было ясно и то, что королева презирает мою мать так, как и все королевство, но женщины моей бывшей семьи играли роли Пожирательниц грехов дольше, чем королевская семья была у власти, и она терпела ее. Все же у мамы были ключи к Вечному королевству в ее полных руках. Пока что. Но однажды Пожирательницей станет Мэрил, а я — королевой, и никто не запретит нам быть сестрами.

Мысли возвращались к прошлому, я забыла о настоящем, пока не поняла, что король задал вопрос и ждал моего ответа. Я покраснела, смутившись, что была так груба с одним из

немногих людей, что были добры ко мне.

— Простите, Ваше величество, я забылась.

Король с тревогой посмотрел на меня.

— Ты в порядке? Позвать кого-то на помощь?

— Нет, Ваше величество, я в порядке. Просто задумалась на миг. Простите, это было грубо с моей стороны.

— Бывает и с лучшими из нас, — улыбнулся он. — Я спросил, помнишь ли ты принца Мерека до того, как он уехал?

— Немного, Ваше величество.

— Я говорил Хелевесе, что вам стоит больше видеться. Она забыла, что мы с ней и Рохесом росли вместе, а вы с Мереком — нет. Я... — он замолк, собираясь с мыслями, и продолжил. — Но он занят. Хочет быть хорошим королем.

— По воле богов вы с королевой будете долго служить стране, — ровно сказала я.

— По воле богов.

Мерек вернулся, когда мы хотели продолжить. Выражение его лица не читалось, и я отвела взгляд, ведь боялась, что по моему лицу все видно. Я не понимала принца, что едва говорил вслух, зато глаза его говорили на неизвестном мне языке. Я не знала, что он ожидал от меня.

— Твайла споет еще три песни, — твердо сказал король, и я знала, что он заметил, как меня заставлял нервничать его пасынок.

— Жаль, — сказал Мерек. — Я надеялся научить ее песням, которые слышал в поездке.

— В другой раз, — ответил король. — Она сегодня уже потрудилась.

Мерек посмотрел на меня, потом на короля.

— Может, Твайла решит сама?

Король выжидающе посмотрел на меня, я замешкалась. Как выбирать между человеком, за которого я выйду замуж, и королем?

— Я не могу учить новые песни, — тихо сказала я. — В спешке я не пойму их. Но в другой раз я смогу уделить им внимание и буду рада. Более чем рада.

— Идеальное решение, — сказал король.

Мерек промолчал, не ответив королю. Он смотрел на меня. Наконец, он кивнул:

— В другой раз, — сказал он, и я слишком поздно поняла, что его слова и мое предложение повторяют решение короля.

Я глубоко вдохнула и допела оставшиеся песни, глядя на стену над их головами. Когда мой концерт закончился, Мерек встал и кивнул мне.

— Хорошо, Твайла. Очень хорошо. Приятно провести день без наигранности, да?

Он покинул комнату так быстро, как и прибыл, оставив короля, растерянно глядящего на меня. Мои руки были мокрыми от пота, этот же пот охлаждал спину, и, несмотря на его слова, я не могла отогнать чувство, что меня проверяли и сочли желанной.

\* \* \*

Я хотела остаться в комнате на следующий день, я стыдилась признавать, что боялась идти в свой храм, потому что туда мог прийти принц и задать странные вопросы. Но я была помолвлена с ним, так что я взяла себя в руки и пришла, тихо спела статуе, стряхнула пыль с шелка на стене Нэшт и поменяла занавеси.

Когда пришло время возвращаться в башню и обедать, я сказала Дорину и Лифу, что хочу пойти обратно через сады. Солнце пробивалось сквозь облака, и сад сиял, но было

видно, где пальцы осени успели оставить тени. Вскоре все пойдут в поля собирать урожай, и я снова задумалась о том, что происходит дома, как мои братья и мама. Но я всегда больше всего думала о Мэрил. Что с ней было четыре года, что я ее не видела? Сейчас ей одиннадцать, ее волосы потемнели от белых до оттенка кукурузы. Я представляла ее подростом, повыше, она могла быть одного роста со мной, тонкой и грациозной, ходящей за мамой по королевству, как это делала я, пока училась быть Пожирательницей грехов.

В Лормере такими становились только женщины, ведь женщина совершила первый грех. Нэхт соблазнила Дэга и украла небо, но принесла смерть земле. Чтобы наказать за глупость Нэхт, Дэг заставил смертных женщин нести тяжесть грехов мертвых, поколение за поколением дочерей нагружали этим все больше, это наследовали в нашей семье, как недуги в королевской. И Мэрил будет играть эту роль, когда мамы не станет, и ее первым заданием будет поглотить грехи моей матери. Я не представляю себе этого.

\* \* \*

В саду было мирно, и я затерялась в мыслях, пока стук по земле не заставил меня развернуться. Дорин упал, схватившись за руку, а когда снял перчатку, я увидела красную кожу, большой волдырь был посреди его руки.

— Почему ты не сказал мне? — осведомилась я. — Почему не сказал, что тебе плохо?

— Я в порядке, миледи, — сказал он, но было ясно, что это не так. Точки крови были под кожей вокруг раны, его лицо стало бледным.

— Тебе нужно принять настой, — сказала я, но он покачал головой. — Ты должен, лаванду и мед с уксусом. Идем, я отведу тебя. Прошу, — сказала я. В деревне был ребенок, который плохо переносил укус пчелы, это убил его. — Дорин, нужно идти. Ты уже слишком долго тянул. Я приказываю тебе идти к лекарям. Сейчас же, — я посмотрела на Лифа. — Помоги.

Лиф шагнул, чтобы взять Дорина за здоровую руку, но старший страж поднял ее.

— Нет. Я пойду, миледи. Лиф может остаться с вами. Ты... — он повернулся к Лифу, — разбирайся со всеми, кто попытается навредить ей. Будь рядом, убедись, что она в безопасности, — Лиф серьезно кивнул. — Миледи, я вернусь, как только смогу.

— Знаю, — я попыталась улыбнуться. — Иди. Отдохни, если нужно. Я буду ждать.

Он поклонился, кривясь, и ушел, оставив меня наедине с новым стражем. Мы смотрели вслед Дорину, пока он не ушел в замок. Я хотела побежать за ним, быть рядом. Вина съедала меня, я должна была заметить раньше, сразу отправить к лекарям. Боги так говорили мне не делать картину с цветами? Это предупреждение?

Я собралась идти в комнату, но Лиф не следовал. Я оглянулась, а он смотрел на зловещий черный дым, поднимающийся из-за стены конюшни. Я поежилась. Я знала, что это значит.

Он посмотрел на меня выжидающе и быстро поклонился.

— Простите за грубость, миледи, но там пожар?

— Нет. Это погребальный костер. Лорд Беннел... недавно умер.

— Ах, простите, миледи. Я не знал, что в Лормере мертвых сжигают.

Я кивнула.

— Мы погребали их, но... Зимы суровые, и земля становится твердой, а это жестоко — заставлять людей ждать до весны, чтобы похоронить любимых.

Лиф кивнул, и я ждала, что он продолжит разговор. Я не врала. Зимой выкопать могилу не вышло бы, земля замерзала, словно горы пытались забрать землю, пробираясь под

ногами, пока мы спали. Мать королевы умерла зимой, когда мы еще вырывали могилы. После Пожирания ее гроб поставили снаружи, чтобы труп не вонял, пока они ждали, что земля станет мягче, чтобы ее похоронить.

Но собаки нашли ее задолго до весны. Хотя они предпочитали живых жертв, они сделали исключение для хозяйки. И только когда король Кирас нашел обручальное кольцо жены во дворе на ее пальце, они поняли, что случилось. Останки сожгли, и теперь так делали со всеми умершими.

— Надеюсь, он не страдал, миледи.

Я замолчала, желудок крутило.

— Это был несчастный случай. Все произошло быстро.

— Сожалею о вашей потере, миледи.

Я кивнула, отвернулась и пошла к башне, думая о Дорине. Он будет в порядке, точно будет. Я пойду в храм и попрошу богов. Я попрошу прощения за свои грехи. Я буду благодарна, буду верить в них. Я повторяла мантру, а Лиф заговорил со мной снова:

— Миледи, простите, а что с ним случилось.

Я замерла и посмотрела на него, а он взглянул на меня, вопросительно склонив голову.

— Он ослушался королеву, — сказала я после долгой паузы.

Он смотрел на меня, вскинув брови, и я ждала следующий вопрос. Но его не было, он задумчиво посмотрел на дым, а потом склонил голову и пошел снова.

\* \* \*

Позже я сидела и пыталась нарисовать силуэт цветов на ткани. О Дорине не было слышно, и когда дверь распахнулась, я ожидала, что это будет Лиф с новостями. Это был Лиф с белым лицом, но его быстро затмило мрачное лицо королевы и ее зеленое платье. Уголь, которым я рисовала, упал на пол и укатился, и я низко поклонилась.

— Можешь выпрямиться, Твайла, — сказала она, закрыла дверь, оставив Лифа снаружи, а нас — наедине.

Я послушалась, сила оставила ноги, и пришлось согнуть ноги в платье, чтобы не упасть. Она никогда не посещала меня. Если она хотела меня видеть, меня призывали к ней, но никогда не было так. Сначала принц, теперь она.

Я не выпрямляла шею, а она разглядывала мою комнату, светлые пальцы скользнули по позолоте кровати, по деревянным столбикам, что поддерживали полог. Она подошла к комоду и посмотрела на рисунки на нем. Она поджала губы, глядя на них.

— Что это?

— Я хочу вышить это, Ваше величество.

— Цветы? Не солнце и луну? — спросила она, склонив голову, хотя взгляд был суровым.

— Это... идея принца, Ваше величество.

Она пронзала меня взглядом.

— И когда ты говорила с принцем?

— Два дня назад, Ваше величество, — я не упоминала его визит на аудиенцию короля. — Он пришел в храм.

— Да? Это его рисунки?

— Да, Ваше величество. Он одолжил их мне, чтобы помочь.

Королева устала на меня.

— Хорошо. Вам пора пересекаться. Это сделает брак проще, вы не должны быть незнакомцами, — она криво улыбнулась. — Сядем, Твайла. Я пришла насчет твоего стража.

Я ждала, пока она сядет в мое кресло. Я опустила на колени перед ней и ждала, а сердце колотилось.

— Я была хорошей с тобой, да? — спросила она.

Мне стало не по себе.

— Ваше величество?

— Я всегда делала для тебя лучшее? Разве я не привела тебя сюда, не направляла в исполнении службы богам? Разве я не забочусь о твоей бывшей семье? Не пригласила в свою семью, не предложила сына?

— Да, Ваше величество. Вы были слишком добры ко мне, — я старалась не дрожать, хотя каждое слово пронзало, словно кто-то ходил по моей могиле. Было опасно слышать, что она напоминает, как заботится обо мне.

— Я не могу позволить тебе ходить по замку с одним стражем, Твайла. Это опасно.

— Понимаю, Ваше величество. Я не хожу нигде в замке, кроме своего храма, — серьезно сказала я.

— Нет, Твайла, ты меня не поняла. Я не хочу, чтобы ты покидала комнату, пока другой не вернется.

— Но, Ваше величество, боги... храм... обязанности...

— Боги поймут. Тебе не нужно поклоняться им там, чтобы получить их благословение. Ты Донен Воплощенная. Ты можешь поклоняться им везде. Мы с королем ведь не проводим целые дни в храме? Я говорила тебе раньше, ты поклоняешься им, радуя меня, так дочь радует их.

— Ваше величество, простите, но никто не может заменить Дорина, пока он болеет? Нет другого стража, что может меня защищать?

Королева с сожалением посмотрела на меня.

— Твайла, ты ведь не так наивна. Стражи так быстро оставляют тебя, что становится все сложнее находить подходящих людей. Почему, думаешь, я дала трегеллианцу стать твоим стражем? Только он захотел на это место, и тебе повезло, что он был достаточно умелым, чтобы убедить меня, что сможет тебя защитить. Но я никому не доверяю. Ты знаешь, как я ценю тебя, на что готова пойти, чтобы ты была в безопасности. Ты останешься тут, радуя меня тем, что цела. Покончим с этим.

Она сказала это так строго, что я задрожала, и порой она так напоминала мне маму. Обе любили манипулировать, управлять, и королева делала это, напоминая, сколько всего дала мне, как я буду неблагодарна, не оценив это. Мама была такой же, играла на вине и благодарности. У нее не было абсолютной власти королевы, но она управляла у себя, она носила власть при себе, как нож.

Было известно, что душа оставалась в теле на три дня и три ночи после смерти. За это время должно было пройти Пожирание, чтобы душа поднялась, иначе она уходила в западные леса к проклятым братьям и сестрам в чащах. Хотя в любое место в Лормере можно было добраться за день, от рассвета до рассвета, порой мама намеренно задерживалась, если чувствовала, что ей дали мало. Как-то раз женщина родила спящего ребенка, и мама пришла на Пожирание, получив только чашку эля.

— Он не был в этом мире, — молил отец ребенка. — Он не познал грехов.

Мама приняла плату серебряной монетой с ледяным молчанием и ушла. На следующий день мужчина послал за нами, его бедная жена не смогла оставаться в мире без ребенка, умерла той ночью. Мама выслушала послание и поблагодарила.

А потом ушла в свою комнату и закрыла дверь.

Две ночи и два дня она оставалась там, не отвечала на мой стук в дверь, а я все больше тревожилась. В последний момент мы покинули дом и пошли туда.

В этот раз пир был намного больше.

## Глава 6:

Да, я знала, на что может пойти королева. Она, как и моя мама, играла, чтобы победить. Но время научило меня бороться с обеими.

— Понимаю, Ваше величество, — сказала я. — Вы правы. Я благодарю вас за тревогу.

— Ты моя дочь, почти дочь, Твайла. Как может быть иначе?

Ее слова были близки моим мыслям, и от этого я напряглась.

— Благодарю, Ваше величество.

Она кивнула и встала, уже приняв мою благодарность, и я низко поклонилась, чтобы скрыть гнев на лице, и не выпрямлялась, пока не закрылась дверь.

Как только она ушла, я бросилась к кровати и поправила все, убирая ее следы. Когда в дверь постучали, я запаниковала и в спешке отпрянула, чтобы она не сказала, что я что-то трогала.

— Войдите.

Я выдохнула с облегчением, когда это оказался Лиф, хотя его лицо отражало мои эмоции: страх и тревога исказили его красивые черты.

— Королева сказала, что Дорина не будет какое-то время, и теперь вся работа на мне.

— Да.

Он посмотрел на меня и медленно кивнул. Его рот открывался и закрывался, он подавливал то, что хотел сказать. Наконец, он заговорил:

— Очень хорошо, миледи. Мне зажечь свечи? Мне принести вам ужин с кухни?

— Нет, одна из служанок принесет его к двери башни. Для тебя и меня. Ты услышишь стук. А свечи можешь зажечь.

Он кивнул и поклонился, а я отпрянула, когда он пошел мимо меня, не ожидая, когда я отодвинусь.

— Миледи?

— Ты... ты не должен подходить ко мне близко.

Он улыбнулся.

— Я не так близко, миледи.

— Близко, — с дрожью сказала я. — Ты должен держаться на расстоянии руки от меня.

Всегда.

Я отпрянула еще на шаг, и он кивнул.

— Конечно, простите.

Он отвернулся, а я уловила его запах: чуть резкий и цитрусовый, а еще кожа и дым. Это успокоило, и я вдохнула глубоко, удерживая его в легких, пока я смотрела, как он двигается по комнате. Он взял тонкую свечку с камина, зажег ее, а потом осторожно коснулся всех свечей, пока комнату не озарил свет, что был намного ярче, чем я привыкла. Тонкая свечка быстро горела, и он тряхнул рукой, чтобы огонь не добрался до его кожи. Он пошел к двери и замер передо мной, сделал два шага назад, вытянув руку между нами. Когда я вздрогнула, он нахмурился и опустил ее.

— Я принесу ужин, когда его пришлют, на этом все?

Я кивнула, и он улыбнулся мне, показывая зубы и язык, и поклонился. Как только он закрыл дверь, я повернулась к зеркалу и взглянула на себя. Я выглядела глупо.

\* \* \*

Ужин остался нетронутым, и даже жир, проступивший на мясе, не заставил меня поесть. Моя прежняя жизнь с матерью была полна еды со значением, и хотя я знала разницу между едой и Пожиранием, я не могла не оценивать блюда, что помнила оттуда. Здесь подавали особую еду, ведь королева не стала бы есть пищу обычных жителей, но порой попадалось что-то знакомое. Корочка хлеба с отрубями — ложь, твердый сыр — неоплаченный долг. Мясо — упрямство, и королева могла дать его намеренно.

Лиф отметил, когда пришел за тарелкой:

— Вы не поели, миледи.

— Нет.

— Принести что-то еще?

— Я не голодна.

— Но... такая трата.

Я удивленно посмотрела на него.

— Они отдадут это свиньям. Никакой траты.

Он застыл, взгляд стал каменным, он скованно поклонился и забрал поднос. Больше он ничего не сказал и покинул комнату с презрением, что впечатлило бы королеву. Его нога зацепила дверь и закрыла за ним, ветер от движения задул несколько свечей. Я с открытым ртом смотрела на дверь, хотя думала, что уже не буду реагировать на такое отношение.

Кожа натянулась, я вспоминала маму. Тени под ее глазами делали ее похожей на трупы, которых она направляла. Голос, призывавший меня в комнату, всегда был мрачным. Окна закрывали плотные шторы, и воздух всегда был тяжелым, полным ее вони. Она часами мыла себя, для очищения и в ритуальных целях, наносила на подмышки жасминовое масло, как и на шею и пах. Но в ее комнате днем и ночью горел огонь, независимо от времени года, и я сидела и парилась там, пока она, лежа на кровати, рассказывала мне о словах и ритуалах. Запах жасмина душил меня, она потела в личном аду и рассказывала, что однажды мне придется поступать так же. Она смотрела на меня свысока, глаза были холодными, словно она заранее знала, что я ее разочарую.

Я подошла к окну и вдыхала чистый воздух, пальцы впивались в холодный камень. Теперь я Донен. Донен Воплощенная.

Я оставила окно открытым на ночь.

\* \* \*

Спала я вспышками. Мне снились залпы огня, пока тело отдыхало, и я просыпалась, задыхаясь, запутавшись в простынях. Рассвет долго не наступал, а я хотела уже преодолеть ночь. Я умылась, оделась и ждала завтрак. Я подумывала отказаться от завтрака, показать ему, что он меня не запугает, когда он постучал в дверь.

Все мысли об отказе от него и еды исчезли, когда он вошел с подносом в одной руке. Вместо каши, хлеба и сыра там была слоеная выпечка с красным джемом, мармеладом и мисочкой золотого меда, а еще мягкий белый хлеб, что отличался от того, что я ела дома. Моя любимая еда. Он бесцеремонно поставил поднос на рисунки Мерека и повернулся ко мне со скромной улыбкой, вытащил из туники чуть смятый букет цветов и протянул мне.

— Простите, миледи, что так повел себя прошлой ночью, — он поклонился, взмахнув



цветами. На миг я могла лишь удивленно моргать. А я потом взяла себя в руки.

— Это извинение?

Он кивнул и показал на поднос. Я заметила кусочек бумаги у ножа.

— Мама всегда говорила, что джентльмен извиняется письменно, — сказал он. — Тогда леди понимает, что он не заберет слова обратно.

Я взяла записку и рассмотрела, стыдясь того, что не умею читать, но не собираясь показывать ему этого. Я притворялась, что разглядываю знаки, длинные строки и завитки расплывались перед глазами, я ничего не понимала. Я могла лишь догадываться по его тени улыбки и выжидающему взгляду, что держала в руках выразительную записку, где недовольство о трате было скрыто за извинением. Это ничего не значило. Когда мое лицо начало пылать, я опустила записку на поднос, даже не дрогнув, когда она опустилась на мармелад.

— Красивые слова. Уверена, твоя мама гордилась бы, — я дала раздражению проникнуть в голос, чтобы он это заметил. — Но мне не нужны твои извинения. Ты проявил свое мнение. Но мне не нужно уточнять их ни вслух, ни письменно. Я отвечаю богам, не тебе.

Он открыл рот, собираясь возразить, а потом что-то вспыхнуло в его глазах. Он посмотрел на записку, потом на меня, и тихо сказал:

— Может, позвольте прочесть вам? Порой на бумаге сложно передать намерения, тон... миледи, — сказал он.

Я со стыдом поняла, что неправильно истолковала записку, и он понял, что я не прочитала ее, что я не могла прочитать. Я замешкалась, он протянул руку к записке, и я вжалась в стену. Он замер, руки перед ним. Он медленно двигался ко мне, я не шевелилась, глядя на него. Когда он оказался на расстоянии шага от меня, он потянулся за запиской, и мое сердце за ребрами замерло. Мгновение растянулось, а потом он сделал шаг назад и, глядя на меня, развернул записку.

— Леди Твайле. Прошу прощения. Мои действия прошлой ночью были неуместными, вы такого отношения не заслужили. Я знаю, что не имею права спрашивать с нас, и я приношу извинения от чистого сердца за оскорбление. Знаю, только это не исправит моего поступка, но эта записка станет одним из проявлений моей верности к вам. Я лишь ваш скромный слуга, Лиф.

Он сложил записку и опустил на комод, отойдя в сторону. Он смотрел на меня, и мне пришлось отвернуть голову, чтобы обдумать все без его взгляда, пульс шумел в ушах, я приходила в себя от его близости. Дело было совсем не в записке.

— Почему? — вырвалось у меня. Он все еще смотрел и ждал.

— Что, миледи?

— Почему тебя волнует то, что я не поужинала? Ты мой страж, а не опекун. Что с того, что я не поела?

Румянец проступил на его щеках.

— Я...

— Да?

— Простите, миледи. Дело не в вашем аппетите, а в трате.

Снова это слово. Я нахмурилась, а он продолжал.

— Это меня разозлило, нет, опечалило. Печально видеть, что хорошую еду отдадут свиньям. Мне не стоило себя так вести. Но сестра... У нас почти ничего нет дома. Потому что

работаю здесь. И когда вы сказали... — он замолчал, выглядя жалко, и я поняла. И у меня была сестра, и почти ничего не было дома, и хотя я знала, что из-за меня теперь она ест хорошо, что теперь она проводит часы на пирах, где не бывала раньше. Я не думала о ней, когда отказывалась от еды, не думала ни о чем таком. Я забыла о страхе голода. Я забыла о ней.

— Прости, — прошептала я.

Он покачал головой, решив, что я извиняюсь перед ним.

— Нет, нет. Пожалуйста. Я виноват, не вы. Потому я должен был извиниться миледи, — он протянул руку. — Примите эти цветы.

Я вскинула руки, чтобы остановить его.

— Можешь положить их на комод.

— Вы не заберете их у меня, миледи?

— Лиф, ты знаешь, что я не могу...

— Я не дам вам коснуться меня, миледи.

— Ты не понимаешь...

— Вытяните руки, и я сам опущу букет.

Я покачала головой.

— Прошу, не делай этого, Лиф. Оставь их на комод.

Он был таким печальным и пораженным, что я не могла вынести этого. Я хотела ответить ему на его признание.

— У меня тоже есть сестра, — выпалила я. Он замер, глядя на меня. — Мэрил. Ее зовут Мэрил.

— Сколько ей лет? — спросил он через миг.

— Сейчас одиннадцать, — сказала я. — Я не видела ее с тех пор, как ей стукнуло семь. С тех пор, как я здесь.

— Совсем?

— Я не могу. Это разозлит богов, — сказала я. — Чтобы стать Донен Воплощенной, мне пришлось оставить все позади.

— Но вы скучаете? — тихо спросил он, и я кивнула. — Уверен, она тоже скучает.

— Если помнит, — сказала я тихо, как и он. — Семь — маленький возраст. И мы тогда мало общались. Вспоминать толком нечего.

Лиф скользнул по мне взглядом.

— Люди не забывают любимых, — сказал он. — Это не зависит от возраста, от длительности знакомства, любовь всегда запоминается. Она вас помнит.

Он поклонился и собрался уходить, но что-то дрогнуло у меня в груди.

— погоди, — я сплотнула комок в горле. Я подставила ладони под его, стараясь сделать так, чтобы они не дрожали. Он заглянул мне в глаза и опустил цветы в мои руки — штокрозы, анемоны и лаванда мягко упали на ладони, пока у него не осталась одна веточка лаванды. Его зеленые глаза вспыхнули, он посмотрел на меня и протянул веточку мне, сжимая лишь большим пальцем и указательным.

И я приняла веточку.

Я собрала все остальные цветы в левой ладони и сжимала так, словно это было жизненно важно. Это было глупо и опасно, но сердце трепетало в груди, как птицы в кулаке. И хотя я знала, что это опасно, я понимала, что так нужно было сделать. Он отплачивал за свой грех злости, и мой признание и принятие цветов отплачивало мой грех

неблагодарности. Должно быть равновесие, каждый грех нужно искупать. Мы были квиты.

Когда он отпустил, оставив веточку у меня, я уставилась на лаванду с потрясением, он поклонился и собрался оставить меня завтракать.

— Вы меня не раните, — тихо сказал он, открывая дверь. — Я это знаю.

Он закрыл дверь, а я думала о Тиреке.

## Глава 7:

Первая неделя уединения была сносной, я занимала себя, пела, рисовала силуэты для вышивки, молилась, так что время было куда тратить. Я не смотрела на окно, опускала голову, сосредоточившись на заданиях, притворяясь, что все в порядке.

Но после первой недели в тишину комнаты прокралась скука, и она тянула меня, не давая сосредоточиться ни на чем, кроме того, что вне башни. Я скучала по садам. Скучала по прогулкам. Скучала по храму, спокойствию в нем, а больше все по его отстраненности от замка. Я просила их принести статую сюда, и теперь она была напротив моей кровати. Но свет здесь двигался иначе, и солнце все время закрывало луну. Хотелось верить, что это хороший знак, но я знала, что это игра света. Я не могла тут молиться, я не могла сосредоточиться и боялась, что, несмотря на слова королевы, боги разгневаются, что я пренебрегала ими.

У нас с Лифом было затишье, хотя это слово все же не очень подходило. Что-то невысказанное висело между нами после того, как я приняла цветок из его руки. Не дружба, но товарищество, такими могли быть отношения между солдатами в отряде. Мы словно оба знали, что рискуем и выживаем, и это нас объединяло.

Каждый день я спрашивала его, как Дорин, и он отвечал мне одно и то же, что ему не хуже и не лучше. Лекарь считал, что жало сильно задело ткани. Он чувствовал слабым, хотя укус уже зажил. Я хотела увидеть его, но это было невозможно, так что я просила Лифа передавать послания, и я молилась за его выздоровление. Я молилась, и одной из причин был конец этого плена, но тогда я чувствовала себя эгоисткой и просила за это прощения.

\* \* \*

Я поняла это еще в ночь, когда он сказал о трате еды, но теперь было очевидно, что Лиф никогда не работал королевским стражем, он не знал, как вести себя без примера Дорина. Он забывал о протоколе, порой не называл меня миледи, говорил со мной чаще, чем позволял себе Дорин, хоть тот знал меня четыре года.

— Как они делают такой цвет? Он такой яркий, — он замер в дверях, указывая на шелк цвета индиго, однажды утром, когда я решила не рисовать силуэты, а вышивать сразу.

— Не знаю, я не спрашивала, — сказала я напряженно, но он не заметил это, пожал плечами и смотрел, как я расплетаю нити. Я игнорировала его, но понимание, что он смотрит, как я борюсь с иглой и распутываю шелк, мешало, и он ушел, когда я громко хмыкнула.

Когда он принес позже ужин, он сказал:

— Это делают из морских улиток, миледи.

— Что? — я опустила ложку в миску, он издал смешок.

— Лиловые нити, миледи. Краску делают из раковин морских улиток.

— Откуда ты знаешь? — спросила я с любопытством.

— Спросил, — улыбнулся он, поклонился и ушел.

Так и продолжалось. Первая неделя стала второй, и он все больше времени проводил на моем пороге, воспринимая вопросы о Дорине как намек, что он может спрашивать о цветах, что я вышивала: какие мне нравятся, видела ли я их своими глазами или только на картинках. Он рассказывал, как красят шелк, из которого я брала нити, размышлял вслух, что будет, если все как-то смешать. Он рассказывал о трегеллианских цветах и растениях в деталях, и я спросила его, не был ли он травником, раз так много знал. Но это заставило его замолчать, он нахмурился и покинул комнату. Я больше не спрашивала его о прежней жизни, слишком уж нервировала тишина в комнате, когда он уходил.

— Дорин говорит, что мне нужно отправить мечи кузнецу, чтобы заточить, миледи, — сообщил он однажды утром, по привычке задержавшись, меняя огарки свечей на новые.

— Очень хорошо, — сказала я, отчасти думая о садах внизу, отчасти о его словах.

— Не очень, миледи. Кузнеца нет.

Я обратила на него внимание.

— Нет?

— Королеве показалось, что он плохо подковал ее лошадь.

Я безмолвно помолилась за кузнеца.

— Мои разговоры вам мешают, миледи? — спросил он с порога, где чистил ногти ножичком.

— Нет.

— Скажете, если будет мешать. Я не обижусь.

— Это не мешает, Лиф.

Он улыбнулся.

— Я рад. Но куда же отправлять мечи?

\* \* \*

Дни складывались в узор из завтрака, разговора — хотя я больше слушала — с Лифом, пения, обеда, молитвы, ужина и работы над вышивкой, пока не нужно было идти спать. Но этого не хватало. Когда я отослала его, чтобы помолиться днем, то не ощутила привычного спокойствия. По вечерам я брала иголку и откладывала, глядя на него, сидящего на пороге, читающего потрепанную книгу вечер за вечером. После двух таких недель я попросила читать мне, и он делал так, зачитывал мне альманах, рассказывал мне о предсказаниях погоды двадцать лет назад. Хуже всего было то, что это быстро стало лучшей частью дня, игла выпадала из руки, когда он читал своим певучим голосом.

Я не знала, стало бы так, если бы Тирек стал моим стражем, мысль ранила. Он напоминал мне Тирека, ведь тоже забывал, кто я, или не обращал внимания. Он был бесстрашным, как Тирек, таким же безрассудным, и я не должна была это поощрять, не должна была рассказывать ему о Мэрил и брать у него цветы. Я не хотела, чтобы все закончилось моими руками на шее Лифа из-за того, что я выдала многое трегеллианцу, даже если он не был верен своей стране.

Я повторяла себе снова и снова, что в наших поступках нет вреда. Мы не обсуждали королевство или замок, и я не могла предать королеву или страну, потому мы были в безопасности. Но мне все равно было не по себе, и я не знала, почему. Что-то внутри тревожило меня, и я хотела убрать это, но не могла, и Лиф удивлялся, когда возвращался и заставлял меня расхаживающей по комнате.

— Вы протопчете дыру в полу, миледи, — широко улыбался он, притворяясь, что осматривает холодный камень. Я закатывала глаза. Он улыбался так легко, словно его лицо

разделялось пополам, он показывал миру все зубы.

\* \* \*

Когда Лиф зашел в комнату с завтраком через три недели после разговора с королевой, я все еще не встала, сидела у подушек, что сложила за спиной. Я пыталась прочитать его записку, но могла разобрать только свое имя. Я медленно искала буквы из него в других словах, но я не знала буквы вокруг них, и это смущало. Когда Лиф постучал, я спрятала записку под подушку.

— Сегодня завтрак в постель, миледи?

— Я проспала, — сказала я. — Если дашь минутку, я оденусь.

— Простите, миледи, но вы можете оставаться в кровати и есть столько, сколько пожелаете. Вам еще несколько дней никуда точно не нужно уходить.

— Боги меня за лень не похвалят.

— Даже богам нужно отдыхать, — улыбнулся он. Я потрясенно поняла, что улыбаюсь ему в ответ. Он замер и склонил голову. — Вам стоит больше улыбаться, миледи. Вам идет.

Желудок совершил сальто, я отвела взгляд.

— Простите, это было слишком. Я молчу, — он опустил поднос передо мной, двигаясь медленно, и я не двигалась, пока он опускал его на мои колени. Он посмотрел на меня, и я кивнула. Я намазала на белый хлеб мягкий сыр, а когда он ушел, вытащила из-под подушки записку и продолжила разгадывать ее, пока ела.

Дверь снова открылась, Лиф вернулся за подносом, и я спрятала записку, скрестив руки на груди.

Но из-за полога показалось не лицо Лифа, а лицо принца.

Я тут же вскочила с кровати, перевернув поднос и, для полноты, запутавшись в простынях и рухнув лицом в пол.

Принц Мерек стоял передо мной с улыбкой на губах, но он прикусил губу, чтобы не улыбнуться шире.

— Твайла, — сказал он, серьезно кивнув мне. — Мне позвать твоего стража?

— Нет, — поспешно сказала я, накинула халат на плечи и встала перед ним. — Простите меня, Ваше высочество. Я не была готова, — щеки горели от стыда.

Принц осмотрел меня, глаза блестели от удивления.

— Не нужно так низко мне кланяться. Хватит и кивка. Ты не ушиблась?

— Нет, Ваше высочество, — ровно сказала я, хотя лицо могло меня выдать. Он шутил? — Я в порядке.

Он отвернулся, кривя губы.

— Я пришел, чтобы посмотреть на вышивку. Мама сказала, что ты думала сделать новую. Как успехи?

Я плотнее укуталась в халат, жалея, что не встала раньше, желая, чтобы волосы не падали свободно на лицо. Он посмотрел на жалкие попытки вышивки на ткани, а потом на меня, вскинув бровь.

— У меня не было времени, Ваше высочество, — оправдывалась я.

Его губы скривились в скрытой ухмылке.

— Ясно. Стыдно. Тебе негодились мои рисунки?

— Годились. Конечно,годились. Спасибо, — я замерла, а потом подошла к комоду и сложила его рисунки в папку. Я протянула это ему, он нахмурился.

— Они для тебя, Твайла. Как подарок.

Я покраснела во второй раз и поклонилась, не управляя телом.

— Вы слишком добры, Ваше высочество.

— Поужинай со мной позже, — сказал он вдруг, но так быстро, что я не поняла, правильно ли расслышала.

— Ваше высочество?

— Вечером. Приходи ко мне, хотя лучше я приду с ужином к тебе. Знаю, мама приказала тебе оставаться здесь, пока страж не вернется.

Я раскрыла рот, выглядя еще глупее, чем до этого. Я искала слова, чтобы поблагодарить его и ответить, но не находила. Сердце билось так быстро, что пальцы и мочки ушей болели от этого.

— Я вернусь, — сказал он, будто я уже ответила. Когда он кивнул и отошел, я невольно поклонилась, радуясь шансу спрятать смущение на лице. У двери он обернулся с хитрым блеском в глазах.

— И не стоит сильно наряжаться к ужину, — сказал он и отвернулся, но я успела заметить, что уголок его рта дернулся вверх.

Я смотрела на дверь, раскрыв рот. Через секунды вошел Лиф, хмурясь. Он посмотрел на меня, оглянувшись на дверь.

— Все в порядке, миледи?

— Да. Все в порядке.

— Вы выглядите немного... — он замолчал, разведя руками.

— Я не ждала его.

— И он это заметил, — он кивнул на мой растрепанный вид.

— Лиф! — возмутилась я, а потом поняла, что он тоже видит меня в таком состоянии утром. — Отвернись! Нет, уходи. И попроси у горничных горячей воды. Много. И поищешь мое красное платье с тяжелой парчой? И серебряные заколки, что забирали отполировать.

— Мы куда-то идем? — спросил Лиф.

Я покачала головой.

— Нет, я буду ужинать с принцем вечером. Здесь.

— Вы помолвлены. Так говорил Дорин.

— Верно.

— Он часто здесь ужинает, миледи?

— Нет, — медленно сказала я. Он знал, что я заперта здесь, и почти месяц решался приблизиться. Почему сейчас?

Лиф странно смотрел на меня с тем же вопросом на лице.

— Принц занят, — сказала я, хотя понятия не имела, правда ли это, и зачем я его защищаю.

Лиф смотрел на меня, поджав губы, а потом кивнул на кровать в еде.

— Мне принести что-то еще? Если не нравится, так бы и сказали. Не нужно разбрасывать, — он улыбнулся шутке.

Я закатила глаза.

— Меня испугал принц, — сказала я. — Но нет, спасибо, я успела съесть хлеб с сыром. Можешь забрать поднос и сказать служанкам заменить простыни, пока я купаюсь.

— Как пожелаете.

Он улыбался, забирая поднос, но улыбка не отражалась в глазах, и я растерянно следила за ним.

\* \* \*

Во время купания я могла подумать, а ароматная вода успокаивала нервы, пока я была в ней, позволяла волосам развеяться вокруг моей головы. Мы никогда не ужинали наедине раньше, никогда даже не были наедине. Но оставалось меньше шести лун до его двадцатилетия, и он мог уже готовиться к нашей свадьбе. От этой мысли мне стало пусто, хотя я знала, что это случится. Наша свадьба. Я буду женой. Я не представляла себя в этой роли. Еще и королевой. Королевой Мерека. Матерью наследников престола. Желудок странно сжался, когда я представила это, и я резко села, расплескав воду, вцепившись в края ванны. Спокойствие было разрушено.

Остаток дня я сидела перед статуей, смотрела на нее, пока солнце не начало садиться. Я надела красное платье и заколола волосы. Мне не оставалось больше ничего, кроме как вышивать, пока принц не придет, хотя я едва могла сосредоточиться.

Когда сообщили о появлении принца, я не могла успокоиться.

— Твайла. — он поприветствовал меня, а я поклонилась. — Надеюсь, ты в порядке. Я получил разрешение королевы сопроводить тебя в портретную галерею, пока слуги подготовят твою комнату. Твой страж будет здесь следить за подготовкой.

Я раскрыла рот, а принц прикусил губу, чтобы не улыбаться. Я не понимала, правильно ли его расслышала.

— Твайла? — спросил он, пока я смотрела на него с потрясением. — Ты готова?

— Да, — с дрожью кивнула я, взяв себя в руки. Он не протянул мне руку, а указал идти перед ним. Я не хотела открывать спину ему, но он кивнул.

— Я в порядке, Твайла. Прошу, иди.

Только он мог уговорить королеву выпустить меня без стража.

У меня кружилась голова, пока я шла перед ним, зная, что он сзади. Мы с Лифом переглянулись, и на миг я была уверена, что он подмигнул мне, а потом посмотрел вперед, расправив плечи, когда мимо прошел Мерека. Я добралась до двери внизу башни и поняла, что боюсь выходить. Я оглянулась, а принц снова кивнул мне.

— Иди, Твайла. Королева разрешила.

Я открыла дверь и прошла в западное крыло замка только в компании принца.

\* \* \*

Принц шел справа, как раньше Дорин, и слева я чувствовала себя открытой, будто была одета только наполовину. Я редко ходила в сердце здания, и новый маршрут только добавлял впечатления, что этого не может быть на самом деле. Я скользила взглядом по коридорам, пытаясь отыскать знаки, что за недели что-то изменилось. Но нет, я не знала, были ли в вазах в коридорах те же белые розы, что в день, когда Дорина ужалили. Время словно замерло, словно замок был в зачарованном сне. И я вспомнила Спящего принца и интерес Мерека ко мне после охоты, и как он угас, когда посмотрел, как я пою для его отчима. Потому он так долго не приходил?

Я посмотрела на принца, но его пристальный взгляд был прикован к дверям впереди, профиль был гордым, как и у его матери. Он не говорил, пока мы шли в галерею, и я шла за ним, глядя вперед, не зная, что принесет эта встреча. Он это придумал или королева?

Я не сразу поняла, что не только я была без свиты. Как единственный наследник престола, он должен был охраняться постоянно, как и я. Я дважды оборачивалась, искала скрытых стражей вдали, но ничего не видела. Хотелось спросить, где они, и как ему удалось уговорить нас так выпустить.

Мы завернули в галерею, и тут же двое стражей в конце исчезли за дверями. Я не сдержалась, я оглянулась на принца, вопросительно вскинув брови.

— Я попросил тишины, — сказал он и повернулся к портретам на стене.

Он просил, и ему дали. Я завидовала ему, а потом посмотрела на стены.

Ему, должно быть, жутко смотреть на предшественников, на которых он был так похож. И на женщин, на которых была бы похожа его сестра, если бы выжила. Я была здесь в первые дни, когда король провел меня тут, рассказывая о каждом портрете. Я узнала Карака и Седанию из песни, они были строгими, головы были вскинуты.

На дальней стене был большой портрет отца принца, короля Рохеса. Он шагнул к нему, оставив меня позади глазеть на его семью. Если в их лицах и были недостатки, когда их рисовали, художники мудро не изобразили этого, каждый источал гордость и изящность. Я подошла к принцу у портрета его отца.

— Помнишь моего отца? — спросил он.

— Нет, Ваше высочество. Я никогда с ним не встречалась, — я помнила пряный эль, апельсины с гвоздикой, перцы и форель. Я помнила, что ела мама на его Пожирании — гордость, тщеславие, злость и зависть — но я не встречала его при жизни. — Я была тут. С матерью. На его Пожирании.

Он кивнул.

— Я помню. Ты пела... — он замолчал и оглянулся, — пела, а мой отец лежал мертвым.

— Мне очень жаль, Ваше высочество, — прошептала в ужасе я.

— Ты была очень маленькой, — продолжил он. — Помню, я думал, была бы Алианор такой же маленькой, как ты, или высокой, как мы, если бы была здорова. Твои волосы похожи на огонь. Я никогда такого не видел. Ты была первым ребенком, которого я увидела, если не считать сестры.

Я быстро моргала, понимая, что он имеет в виду. Он был с отчимом, он тоже видел меня поющей. Я не знала.

— Мама не заметила, что я ушел. Она вряд ли тебя слышала. Но я слышал. И видел. Ты очень отличалась от меня, — сказал он, не дав мне ответить. — Ты могла петь и улыбаться, быть свободной, а я скорбел и вел себя величественно. Мне было восемь лет, и я уже два месяца скорбел по сестре. Я хотел играть и бегать, может, и петь, но не горевать. Я едва знал отца, дела в королевстве не давали ему общаться с нами. Было сложно так горевать.

После четырех лет тишины его желание признаться так открыто пугало, и я не знала, как ответить, и нужно ли вообще отвечать. Я хотела ему сказать, что я не была свободной, что мое исчезновение в тот день дорогого мне стоило дома. Но он не дал мне шанса, он повернулся к портрету.

— Я похож на него, да? Конечно, все мы похожи, и ты знаешь причину. Моя сестра Алианор, — он указал на портрет ребенка, слепо глядящего с холста, — выглядела бы как наша мама, будь он жива.

Он замолчал, глядя на отца и сестру, и я нашла голос:

— Вы скучаете по ней, Ваше высочество.

— Я едва знал ее. Она болела, ее почти все время держали вдали от всего, что могло навредить. У меня было одинокое детство. Сколько тебе тогда было, Твайла?

— Шесть, Ваше высочество.

— А теперь тебе семнадцать?

— Да, Ваше высочество.



— Твайла... — он повернулся ко мне, — сделаешь для меня кое-что?

— Конечно, Ваше высочество.

— Перестань называть меня «Ваше высочество», когда мы одни. Мы помолвлены, — он улыбнулся, а мое сердце колотилось от его слов. — Меня зовут Мерек. Я порой боюсь, что так забуду свое имя, ведь слышу его редко. Прошу, зови меня Мерек.

Я кивнула, и он вскинул брови.

— Мерек, — попробовала я. Имя напоминало на вкус персики, что я воровала в детстве, крем, что я слизывала с миски, когда никто не видел. Запретным.

— Лучше, — кивнул он и продолжил. — В следующем году мне исполнится двадцать. Впрочем, вряд ли это будет чем-то знаменоваться, как и в восемнадцать. Это, видимо, значит, что я еще не мужчина.

Он отвернулся и пошел по галерее, через миг я последовала за ним. Он замер перед маленьким портретом, девушка жутко напоминала Алианор.

— Моя бабушка, дочь известных Карака и Седании. Ей повезло пережить детство, хотя никто не верил.

— Вы ее хорошо знали, Ваше... Мерек? — попробовала еще раз я.

— Нет. Она умерла до моего рождения. В нашей семье живут мало, и я не знаю, почему, — его слова были горькими. — Это она привела гончих. Она услышала о них где-то, потребовала показать их в действии. Она предложила охотиться на врагов. Бабушка была очень милой.

А потом ее муж нашел ее палец после ее смерти и пожалел об идее с гончими.

Мерек нахмурился, скривил губы и кивнул.

— Нам пора. Уже должны все подготовить, а это не мое любимое место.

Без лишних слов он вышел из галереи, я едва успевала. Я услышала, как стражи вернулись в комнату, едва он пересек порог.

Он не говорил на обратном пути. Его шаги были широкими, быстрыми, и мне пришлось поднять юбки, чтобы не упасть, спеша за ним. Коридоры были людными теперь, похоже, разошелся слух, что мы с принцем здесь, и все хотели посмотреть, но он шел, не отвечая на приветствия. Они приветствовали и меня, но прижимались к стенам при этом. Я не обращал внимания. Я думала о том, зачем принц отвел меня в галерею, если не любил это место. Было странно просить свободу и идти в ненавистное место. Что заставило его так поступить?

## Глава 8:

Лиф стоял у моей двери напряженно, лицо было маской. Он открыл дверь, и Мерек вошел, не взглянув на него. В этот раз он точно подмигнул левым глазом, и мне пришлось поджать губы, чтобы не улыбнуться.

Стол оказался у окна, мой комод отодвинули к кровати. Свечи затрепетали от ветерка из двери, их свет отражался в серебре на столе, мерцал на статуе. Там были кубки и высокие стаканы, ваза с туберозой и пижмой стояла в центре. Это было мило, и я была тронута попыткой Мерека создать не очень официальную атмосферу. Он пересек комнату с уверенностью, отодвинул для меня стул. Когда он сел напротив меня, он кивнул Лифу, и тот налил нам вина так, словно делал это всю жизнь. После этого он оставил нас наедине.

Мерек разглядывал меня, склонив голову. Он потягивал вино, а я пыталась занять себе,

разглядывая цветы.

— Не сочти за грубость, но цвет — не твой. Такое носит моя мама.

— Королева это и выбирала, — признала я. — Яркие цвета, особенно красный, радуют ее. Она говорит, что это правильный цвет для Донен. И это радует короля.

— Маме не важно, что радует короля.

Я отвела взгляд и прижала к губам бокал.

— Тебе неудобно из-за меня? — сказал он. — Думаю, да... если так сказал бы кто-то еще, его обвинили бы в измене.

— Можете говорить, как хотите.

— Ваше высочество. Ты можешь не говорить, но я это все равно слышу, — его улыбка стала кривой. — Прости, Твайла. Мне редко удается свободно поговорить с людьми, которых я выбрал. Но ты должна понять, что твоя ситуация не сильно отличается от моей. У нас нет родни, нет друзей. Других, как мы, в Лормере нет. Думаю, так и на мир смотрят иначе, — он сделал еще глоток вина. — Не утомляет, Твайла? Жить внутри головы? Знаю, у тебя есть боги, но разве этого достаточно? У них есть ответы на все?

Я не знала, что ответить. Он говорил то, с чем я не могла согласиться, даже если бы хотела. Он говорил так, словно мы были друзьями давно, и это было слишком. Я хотела, чтобы Лиф принес еду, или чтобы упала свеча и подожгла скатерть, лишь бы это прекратилось.

— Мне это не нравится, — продолжил он. — Я не могу представить, кому это нравится. Быть одному среди двора людей. Я был единственным ребенком, пока не привели тебя. Никого моего возраста, не с кем было играть, никто не спасал от учителей и нянек. Окружен, но одинок... Мы с тобой похожи.

Я молчала, глаза горели от пристального взгляда на скатерть.

— Ты не ответишь? Как пожелаешь. Но так и есть. Даже в поездке от меня держались подальше. Можно подумать, что двух лет хватит для дружбы, но нет. И от тебя люди тоже держатся подальше.

— Вам понравилась поездка? — спросила я, цепляясь за тему, что заставит его перестать сравнивать наши жизни.

Он посмотрел на меня с нечитаемым лицом.

— Она открыла мне глаза, — сказал он.

Он поднял руку и щелкнул пальцами, на пороге возник Лиф.

— Мы готовы, — сказал ему Мерек и посмотрел на меня. — И я теперь лучше понимаю, как работает королевство... — он замолчал, когда Лиф принес еду и наполнил наши бокалы. Мерек игнорировал его, ожидал, пока он уйдет и закроет дверь, и лишь потом заговорил. — Все просто: в Лормере землями управляют лорды, что сидят в Совете. Мама и отчим говорят с ними, а лорды отчитываются о своих землях, потенциальных угрозах и вопросах, а потом принимаются решения. Мама издает указ, ставит печать, и лорды считают, что все решено.

— И все?

— Можно и так сказать. Лорды управляют частями — Лортуной, Монкхэмом, Чаргатой, Хагой и т. д. Они назначают жрецов, шерифов и местных хранителей мира, следят за справедливостью и принимают с вопросами. В ответ им платят налог, и они отдают нам его часть, чтобы остаться на своем месте.

Я смотрела на тарелку, устрицы плавали в масле и соусе. Устрицы на Пожирании означали зависть, как и фрукты в воде. Я решила пока не есть.

— Система выглядит четкой.

Он кивнул, поднял устрицу ко рту и выпил ее.

— Четче, чем в Трегеллане, точно.

— В каком смысле?

— У них нет монархии. Она не вернулась после войны. Ими правит совет, по одному представителю от области. Они голосуют, чтобы принять закон, это делает не кто-то один, и решение могут принимать днями. Были случаи, когда к соглашению так и не приходили, потому что не было явного победителя по голосованию. Это неэффективно, — он криво улыбнулся, а я вспомнила слова королевы на охоте, когда он рассказал ей то же. — Но, — продолжил он, — они на годы вперед нас в медицине, у них есть алхимия, потому я и хотел наладить связи. Они не выдают легко секреты, но если я в чем-то и согласен с мамой, так это в том, что нам нужно обуздать это в Лормере. Я надеюсь, что Трегеллан все же поделится знаниями, когда мы будем править.

От его слов мне стало не по себе. Когда мы будем править.

— Вы встречали алхимиков?

Его глаза загорелись, и он склонился вперед, чуть не угодив локтями в тарелку.

— Да. Одного сильно охраняли, но мне позволили посмотреть процесс. Это не помогло маме, к ее раздражению, ведь основную работу провели до того, как дали мне войти. Но я видел финальные преобразования. Я видел, как они делают золото. Трегеллан не лишится сокровищ. Хотел бы я нам такой навык.

Он поднял еще одну устрицу и влил в рот, опустил раковину в миску.

— Мы — единственное королевство, у которого нет алхимии. Трегеллан выживает с ее помощью. Даже в Таллите она была, и они были богаче, чем мы. В Таллите алхимики были при дворе. И алхимию применяли те, кто унаследовал талант.

— Этого вы хотите? — спросила я. — Богатое королевство?

— Это неправильно? Неправильно хотеть людям благодати? Хотеть, чтобы у всех была еда и лекарства?

— Нет, это хорошо, — я замешкалась.

— Думаешь, я жадный?

— Я не говорила...

— Сказать можно и без слов, — парировал он и сделал глоток вина.

— Богатства не уберегли Таллит, — тихо сказала я.

Мерек был отдален, он взял устрицу, но опустил на тарелку.

— Нет, не уберегли. Я видел это. Старый замок. И нашел там монету, что дал маме.

— На что он похож? — спросила я, желая покончить с напряжением между нами.

Он поднял ту же устрицу и посмотрел на нее, а потом снова опустил.

— Заброшенный. Даже не понять, что пятьсот лет назад он был в центре мира. Замок — развалины, стоит только одна башня и две стены большого зала. Кроме останков Зала стекла, остальное или под водой, или заросло.

— Ничего не осталось? — я поежилась почему-то. Как могло все королевство умереть? Как могли боги так их бросить? Я вспомнила снова охоту и вопрос лорда Беннела, и у меня вырвалось. — Там не было следов Спящего принца?

Мерек прищурился.

— И ты туда же. Это сказка, Твайла.

Я отодвинула тарелку сильнее, чем хотела, и жидкое масло пролилось на скатерть.

— Я не про сказку. Я про историю Таллита. Это правда или нет? — я не помнила много, но в легенде могла быть часть правды: последний наследник их престола заболел, и королевство тоже пало.

— Прости, — тут же сказал Мерек, опершись о стол. — Я был груб. Ты права, конечно, в истории Таллита говорится, что наследник был погружен в некий сон. И править было некому, и войны с хаосом разрушили королевство. Так говорят, — он сделал глоток. — Но это не предупреждение, которого стоит бояться, — добавил он. — Мы никогда не будем такими, как Таллит, Твайла. Особенно, в плане богатства, боюсь. Но мы долго жили без алхимии, так что смею сказать, что и без нее нам не плохо. Я хочу лучшего для Лормеры. Я буду бороться за это, — он искал что-то во мне взглядом. — Я рассказал тебе, что узнал за эти два года. Теперь ты расскажи, как провела это время.

Я ответила после паузы:

— Я пела и исполняла долг Донен.

— И все? Тебя учили танцевать или играть на арфе? Учили читать?

— Не было времени, — сказала я, и он нахмурился.

— Конечно, нет. Думаю, расправа над предателями истощает. Повезло, что в этом месяце тебе некого казнить. Пока что.

Он хмурился, челюсти были сжаты от злости или отвращения. Мое лицо снова вспыхнуло. А потом он вздохнул и отодвинул свою тарелку.

— Прости меня, — он поднял графин и наполнил свой бокал. — Что случилось с детьми, что смеялись над пухом одуванчиков? — тихо сказал он. — Думаешь, они пропали навеки?

Я не могла смотреть на него.

Через миг он щелкнул пальцами, призвав Лифа, и тот убрал наши тарелки. Может, Лиф потом отчитает меня за то, что я не поела. Он вернулся вскоре с другой едой: птица, фенхель, лук-шалот, пастернак, и все было под соусом.

Мерек не говорил, не смотрел на меня, а методично резал и ел, отпивал из бокала, и я следовала его примеру, радуясь занятию. Когда он отложил нож, я тоже так сделала, хотя на тарелке еще была еда.

— Хочешь, чтобы я ушел?

— Ваше высочество?

— Мерек! Я просил называть меня так. Если и говоришь со мной осторожно, хоть называй по имени при этом. Ты ведь будешь моей женой, зови меня Мерекком.

Посреди его вспышки я услышала, как Лиф вошел, но дверь быстро закрылась за ним, он вышел, и я оглянулась, не зная, сколько он услышал.

— Простите, — сказала я. — Я не знаю, как...

— Как что? Говорить со мной? Просто говори. Не бойся, прошу. Мы ведь помолвлены? Мы можем говорить друг с другом, доверять. Боги, нам должно быть хорошо вместе! Я знаю, какая роль у Донен, Твайла! Я изучал ее, и я знаю, что ты делаешь.

Я кивнула, жалея, что не сказала ему уйти. Я не хотела говорить об этом ни с кем.

— Тебе не нравится это, — сказал он плоско, и я подняла голову. — Казни. Я не виню тебя. Мама приказала тебе делать так, и это тебе не нравится. Она знает.

Я была удивлена. Я не говорила об этом после казни Тирека, так мне казалось.

— Я просил ее прекратить, — сказал он. Я была потрясена его признанием, смотрела на него большими глазами. — Она этого не сделает, — продолжил он. — До свадьбы — точно.

Это долг Донен, но... — он замолчал, открыл рот и склонился, а я ждала. Он покачал головой, не договорив. Вместо этого он снова поднял бокал. — Не вини себя за это. Они — предатели. Мы будем отдавать приказы о смертях, когда будем править.

**Больше книг на сайте - [Knigolub.net](http://Knigolub.net)**

— Знаю, — сказала я. — Но дело не в том. Не только в том.

— Тогда что?

— Это грех? — спросила я осторожно. — Разве не грех — забирать жизнь, несмотря на причину?

— Не понимаю.

— Когда моя мама Пожирала грехи старого ката, ей пришлось есть ворону. Грех убийства. Я не хочу, чтобы моя сестра... — я замолчала и подняла бокал с вином.

— Не хочешь, чтобы сестра ела за тебя ворону, — сказал он, и я кивнула.

— Не хочу заставлять ее делать это, — я не знала, что именно имела в виду. Говорить о Мэрил и думать было больно. Она была моя больше, чем мамина. Каждый раз, когда буря задевала наш дом, она пряталась у меня, и я прижимала ее к себе, пока она дрожала от страха. Я помогала ей с царапинами. Я натирала ей десны гвоздикой, когда у нее росли зубы. Я укладывала ей волосы, чтобы они обрамляли ее лицо. Моя сестренка была красивой, светловолосой, мило улыбалась, и между передними зубами была маленькая щель. Она была солнцем, счастьем и радостью, и я плакала без нее весь первый год в замке. И только из-за нее я сносила все, что просила меня делать королева.

— Ты скучаешь по сестре? — сказал Мерек, и я кивнула. — А по маме?

Я подбирала нужные слова.

— Для нее Пожирание грехов важнее. Мы заботились о себе сами. Когда она не работала, то была в комнате, думала о поглощенных грехах.

А жители деревни сцепляли пальцы из-за нас, чтобы отогнать беду, когда мы проходили мимо. Я помнила взгляды других детей, когда родители уводили их от нас. Я думала о ночи, когда моя мать родила сестру, к ней не пришла повитуха, и мне пришлось помогать. Я помнила кровь и вонь испражнений, и как мать выла, как олень на охоте. Я видела, как содрогается плоть на ее ногах, пока она тужится, и как я ловила рождающуюся Мэрил. Она увидела мое лицо первым, я очищала ее глаза, вытирала голову. А теперь я могла даже не узнать ее в толпе. Ведь я оставила ее, хоть это и было ради еды и денег для них, это делало ее следующей Пожирательницей грехов. Это была бы я, но я ушла. Мама осталась.

— У нее есть работа, — добавила ее. — Ее роль.

Он смотрел на меня и медленно кивнул.

— Я же говорил, что мы похожи?

— Вы — жизнь для вашей матери, — сказала я ему. — Она восхищается вами, вы должны это знать. Она живет ради вас.

— Она старается жить ради меня, — он искажил мои слова.

— Я не о том...

— Я знаю, — он снова поднял бокал и нахмурился, поняв, что он пустой. — Как зовут твоего стража?

— Лиф.

— Лиф, — позвал он. Лиф открыл дверь, вежливо вскинув брови. — Мы закончили. Убери тут. Твайла, хочешь десерт?

Я покачала головой, смутившись от того, что он говорил с Лифом.

— Хорошо. Убери тарелки. И принеси больше вина.

Я чувствовала, что Лиф неохотно слушается, хотя Мерек не заметил этого. Когда вино принесли, а тарелки убрали, он снова поднял бокал.

— О чем ты мечтаешь, Твайла?

— Ни о чем. У меня все есть.

— Не верю. У тебя должны быть мечты. Они у всех есть.

— Я хочу... быть счастливой, — сказала я, понимая сразу, какую глупость произнесла.

Но, к моему удивлению, он кивнул с улыбкой.

— Я тоже хочу быть счастливым.

\* \* \*

Он не задерживался, мы не говорили больше о смерти и мечтах. Зато рассказал о рисунках, об уроках из детства. Я озвучила свою тревогу за Дорина, и он пообещал посмотреть, что с ним, обеспечить нужными лекарствами. Так с ним говорить было проще, и если таким будет наш брак, я легко его вынесу. Когда он допил вино, он позвал Лифа, чтобы тот привел его стражей и слуг, чтобы те убрали стол и стулья из моей комнаты.

Мы тихо стояли бок о бок и смотрели, как служанки смешно уносят бокалы, свечи и вазу. Два стража Мерека унесли стол и стулья, а потом вернулись и с помощью Лифа переставили к окну мой комод. Когда они закончили, они повернулись к Мереку.

— Ждите меня снаружи, — приказал он, и они ушли, Лиф плелся за ними. — Тебе понравился вечер, Твайла? — спросил он.

— Да, Мерек, — сказала я.

— Врешь, — тихо пожурил он. — Но станет проще.

Он поклонился мне, а потом ушел, дверь осталась открытой, и я смотрела, надеясь, что он прав.

Появился Лиф, он раздвинул полог моей кровати. Он расправил скатерть на прикроватном столике, зажег свечи, но движения его были резкими.

— Спасибо, — мягко сказала я.

Лиф проворчал:

— Миледи.

— Ты... в порядке? — спросила я.

— Все прекрасно, миледи, — пробормотал он.

Я смотрела, как он встряхивает покрывало на моей кровати, словно оно его оскорбило, а потом я сказала:

— Прости, — сказала я. — Если он был груб с тобой, прости. Ему всю жизнь служили, и теперь он их и не замечает.

Нельзя было так говорить, и он зло покачал головой.

— Не замечает? Я знаю, что он принц, а я — страж, но я и человек, как и он. Между нами нет разницы, если убрать титулы.

Я вздохнула.

— Лиф, нельзя так говорить.

— Это меньшее, что я хотел бы сказать, — пробормотал он. — Простите, я знаю, что вы помолвлены.

— Не поэтому нельзя, Лиф. Он — принц, что станет королем. И королева разозлится, если услышит твои такие слова.

— Это не измена — называть кого-то свиньей с плохими манерами, — сказал он, и я

установилась на него. Его убьют, если он не научится молчать. И Пожирающий его грехи будет мучиться от изжоги из-за перца — его гнева. Если ему светит Пожирание вообще.

— Тебе нужно держать себя в руках, Лиф.

— Я держу себя в руках.

— Нет. Ты назвал принца свиньей.

— Так и есть, — сказал он.

— Лиф, если королева...

— Ее... — он сказал недовольно, и я раскрыла рот.

— Осторожнее, Лиф, — медленно сказала я. — Будь осторожен. Я рассказывала тебе, как лорд умер, послушавшись ее. Я не говорила тебе, как он умер. Она спустила собак. Она заставила его бежать в лес и отправила их за ним. А он лишь шептался, пока я пела. И они разорвали его на части, а мы слушали. Мы слышали крики, треск костей, хлюпанье. И знаешь, что она сказала? Сказала мне петь громче. Чтобы заглушить.

Он раскрыл рот, потом закрыл, и я видела, как бравада покидает его, пока он обдумывает мои слова.

— И ты знаешь, кто я. И что я могу. Ты хочешь, чтобы я коснулась тебя руками, пока ты будешь сидеть связанным на стуле? Хочешь, чтобы я забрала твою жизнь по ее приказу, потому что ты совершил измену? Я казнила единственного друга, что знала, потому что он предал трон Лормеры. Ты можешь стать следующим, если не будешь думать. Перестань вести себя безрассудно. Я одна из них, Лиф, и я выйду замуж за принца.

Когда я закончила, я задыхалась, кожа пылала с головы до ног. Лиф смотрел на меня, словно я монстр, каким и была. Если так он увидит правду, пускай. Он без слов поклонился и вышел из комнаты.

## Глава 9:

Похоже, я все же достучалась до Лифа, и теперь он стал стражем, каким и должен был быть.

— От Дорина ничего не слышно? — я пыталась использовать старый способ открыть нашу почти дружбу. Но Лиф не поворачивался ко мне, вытаскивая бревна из корзинки возле моего маленького камина.

— Все по-прежнему. Они делают, что могут, миледи.

— Он ничего не передавал?

— Нет, миледи.

— Скажи служанкам передать ему наилучшие пожелания. И скажи, что я волнуюсь за него.

— Да, миледи. Это все? — он взглянул на меня с пустым лицом, и я кивнула, вздрогнув, когда он закрыл за собой дверь.

Было больно. Я чувствовала себя лицемеркой, сказав ему управлять гневом. Я злилась на маму, королеву, Дорина и Тирека. Злилась на себя. Порой даже злилась на богов, ведь не чувствовала их внутри комнаты, а они были мне нужны. Чего они хотели от меня? Что мне находить в этом?

— Не нам спрашивать, — говорила когда-то мама. — Дэг дает жизнь, где считает это лучшим, а Нэخت с постоянной завистью забирает ее везде, где считает нужным. Только они знают секреты равновесия жизни. Это идеальный круг. Не нам понимать их решения, нужно

лишь принимать волю богов.

Я просила у них прощения за злость, но я подозревала, что не только после Лифа придется Пожирать перец. И хотя от этого было больно, ему нужно было понять, как работает двор. Я не убью еще одного друга. Я не переживу этого.

\* \* \*

Я стояла в своей комнате и пела себе «Балладу о Лормере», пока одевалась. Голос звучал сдавленно, мешал и черный дым, что попадал в мое окно. Еще один погребальный костер. Я не знал, чей он, как и причину смерти, но я молилась, чтобы у погибшего было спокойствие. Когда в дверь постучали, я думала, что это Лиф, но не угадала. Там был незнакомый страж с белым лицом, уголки его рта были опущены от недовольства, и он сообщил, что королева отправила его сопроводить меня к ней. Надежда хотела верить, что она назначила мне нового стража, что мне маячит свобода, но выражение его лица говорило, что это не так. Похоже, королева не врала, когда сказала, что никто не хочет быть мне стражем. Удивительно, что этот пришел, может, ему пригрозили, или он проиграл, вытянув короткую соломинку. Он был один, и меня охватила паника. Потому меня вызывают к ней. Лиф ушел. Я оттолкнула его и потеряла.

— Где мой страж? — с дрожью спросила я.

— Здесь, — отозвался он, взбегая по ступенькам. — Простите, я затачивал нож.

Радость при виде его была для меня удивлением.

\* \* \*

Мы шагали по коридорам в тишине, но не в спокойствии. В коридорах пахло горелой плотью от костра, и вонь напоминала свинью. Что-то в воздухе резкое примешивалось к этому запаху, только выделяя его. Сияло солнце, озаряя пыль, что поднимало с ковров мое платье, небо было ясное, но казалось, что замок задержал дыхание.

Я повернулась автоматически к длинной галерее, но страж королевы этого не сделал. Это случилось так быстро, что я не успела остановиться. Но Лиф был быстрее нас, и он оттолкнул стража, когда нас разделяло расстояние с ноготь. Я врезалась потрясенно в стену, едва дыша, а страж выхватил меч и направил на Лифа, чье лицо пылало от ярости.

— Ты посмел... — успел сказать он, но его перебил Лиф:

— Дурак, — прошипел Лиф. — Ты хочешь умереть?

С ужасом на лице страж убрал меч, но Лиф еще не закончил, его кулаки были сжаты, а руки дрожали от усилий удержать их на месте.

— Какой дурак не знает, как сопровождать леди, эту леди? Чтобы попасть в южную башню, где покои королевы, мы повернули на юг. Твоя ошибка стоила бы тебе жизни, если бы я не спас тебя. Ты бы дрожал на полу, истекая кровью, умирая, как отравленная крыса.

— Простите, — голос стража дрожал.

— Почему ты не повернул? — потребовал ответа Лиф.

Страж покачал головой.

— Я... мы идем не в королевские покои, а в большой зал.

— Почему? — я обрела голос, горло сжималось. — Ты же сказал, что меня хочет видеть королева.

— Так и есть, миледи. В большом зале. И там весь двор.

— Почему? — спросил Лиф. — И почему ты не сказал раньше?

— Я думал, вы знали, — сказал страж, глядя на Лифа, растерянно качающего головой. — Там казнь. Одну из дам обвинили в измене.



Мне стало не по себе, я посмотрела на Лифа. Он смотрел на меня, во взгляде пропала официальность. Мы долго смотрели друг на друга, растерянные и испуганные. Он кивнул и оказался слева от меня.

— Тогда нужно идти, — мрачно сказал он, ожидая, пока другой страж встанет справа от меня, хотя теперь он держался смущающе далеко, по сравнению с тем, как близко ко мне был Лиф. Я отметила, что Мерек, хотя и мог касаться меня без вреда, не подходил близко, не рисковал коснуться. А Лиф держался опасно близко, порой между нами оставалось лишь пара дюймов.

И я потрясенно поняла, что мне это нравится.

\* \* \*

В большом зале длинные столы отодвинули, и в камине не было огня. Придворные сидели на лавках рядами, бледные лица были повернуты к пьедесталу, где на резных тронах сидели король, королева и принц. Они говорили между собой, и я смотрела на них, пока думала, где мне сесть. Король был злым на вид, он говорил с королевой, а та качала головой. Король отвернулся от нее резко, и она уставилась на него, а потом повернулся к Мереку, который тоже отвел взгляд.

Лиф и другой страж остались у дальней стены. Справа стояли слуги, пажи, работники и повара. Я увидела и Ральфа, кожу покалывало от вины. Весь замок собрался смотреть.

Мерек взглянул на меня, пока я шла к своему месту, и нахмурился. Он склонился к королеве и что-то сказал, и она покачала головой. Король слева снова склонился и спешно заговорил. Но королева все равно покачала головой, и мужчины выпрямились, король прикусил губу, выглядя злее обычного. Мерек посмотрел на меня и приподнял плечи, а потом опустил их и отвел взгляд. Королева повернулась ко мне, и я спешно села на скамейку рядом с леди Шастой.

Она побелела, увидев меня, и отодвинулась, хотя между нами уже влезло бы шесть таких, как я. Я закрыла глаза, когда она схватила мужа за локоть, и тот обвил рукой ее талию, защищая. Кто-то попал на казнь за измену. И исполнять ее мне. После Предсказания через неделю я убью кого-то из вас.

Когда я открыла глаза, королева стояла и смотрела на всех нас, и я знала, что не только мои плечи и голова опустились. Когда она закончила оглядывать комнату, она повернулась в сторону и кивнула. Дверь открылась шире. И втащили женщину, что дрожала и тихо всхлипывала. Два стража по бокам удерживали на цепях собак.

Мы содрогнулись. Леди Шаста судорожно выдохнула, костяшки ее мужа побелели, он обхватил ее крепче. Там была леди Лорель.

Глаза бедной Лорель были черными дырами на лице, ладони были сцеплены перед ней, словно она умоляла королеву. Она не была связана, собаки были не нужны. Я искала в толпе ее мужа, лорда Ламмоса, но не видела его. Наверное, он где-то здесь, ведь весь двор здесь, но даже любовь не могла заставить его разгневать королеву.

Обвиненную поставили перед королевой, смотревшей на нее свысока и без жалости, не признавая свою «подругу», и мы задержали дыхание, ожидая приговор.

И королева заговорила:

— Тебе поставили передо мной по причине измены против короны Лормеры. Если тебя признают виновной, тебе приговорят к смерти, и твою душу не Пожрут.

Лорель издала ужасный вой, одна из собак зарычала, звук пугал. Я посмотрела на Мерека, но он глядел на стол, как и король.

— Я считаю тебя виновной, — сказала королева тихо, словно девушка, шепчущая секрет подруге.

Толпу охватила дрожь, двигаясь по рядам к месту, где я сидела, и мой желудок сжался. Шум за мной заставил меня оглянуться, и за мной оказался Лиф с рукой на мече, его пальцы напряглись.

Королева заговорила снова, и я развернулась, боясь, что движения Лифа привлекут ее внимание ко мне, напомнят, что ее кат сидит в комнате. Но она смотрела только на бывшую подругу, дрожащую перед ней, и ее ужасную вину не называли.

— А раз ты виновата в измене, я приговариваю тебя к смерти предателя. Наступит...

— Хелевиса, прошу! — закричала леди Лорель. — Мы росли вместе. Я не делала ничего... Я думала, я слишком стара... Я не знала...

— Наступит следующее Предсказание, — продолжила королева, повысив голос, чтобы заглушить ее, — и тебя отведут в комнату Утра, и там твоя жизнь будет оборвана за преступление против трона Лормеры. Пусть сжальтся боги.

— Нет, — раздался голос.

Мы оглянулись на говорящего, а потом я потрясенно поняла, что это был король.

— Нет, Хелевиса, — сказал он снова, встав, и все смотрели на него. Мерек уставился на отчима, лицо было нечитаемым, королева повернулась к мужу.

— Ты посмел? — прошептала она, но каменные стены отразили это, и мы слышали. — Ты посмел мне перечить?

— Это не измена, Хелевиса, — сказал король. — Это дар от богов.

Королева и король смотрели друг на друга, и я поняла, в чем обвинена Лорель. Она была беременна. У них с лордом Ламмосом будет ребенок. Алианор была последним ребенком, родившемся в замке, и после ее смерти никто не решался на это. Пока королева не сделала бы это. Это правило было негласным среди дам при дворе, если королева не могла забеременеть, и они не могли.

И она хотела, чтобы я за это забрала жизни леди Лорель и ее ребенка. И не могла... только не это. Я не могла забрать жизнь не рожденного ребенка.

— Я сказала, что это измена, и я приговариваю ее к смерти, — сказала королева.

— А я хочу помиловать ее. Леди Лорель, у вас есть мое прощение, — сказал король, и я не могла отвести от него взгляда. Королева покраснела, и плечи короля быстро поднимались и опускались, словно он бегал. Я не думала, что такое случится, и, судя по раскрытым ртам остальных, никто не ожидал.

— Ты не можешь... — сказала королева.

— Я король. Я могу, — ответил он. А потом опустился на колени перед королевой.

От потрясения я громко выдохнула, всем в комнате тоже было не по себе. Был такой старый обычай, хоть он при мне и не применялся, что король с королевой могут спорить насчет приговоренных. Но король никогда не опускался на колени перед королевой. При мне творилась история. Король просил королеву.

Он посмотрел на жену, прижимая руки к бокам.

— Прошу, Хелевиса, помилуй ее.

— Ты выступаешь против меня? — спросила она с любопытством.

— В этом — да, — он склонил голову. — Я не буду приговаривать к смерти женщину с ребенком.

Королева смотрела на него с отвращением. Она прошла к дверям и направилась к

королевским покоем. Король медленно встал и оглядел комнату.

— Уберите собак, — приказал он хозяину гончих, который замер, глядя вслед королеве, а потом послушался. Король посмотрел на плачущую леди Лорель, которую обнимал муж. — Лорд Ламмос, уведите леди Лорель из замка. К вечеру. Лошади вам доступны, можете вернуться к себе в Хага.

Лорд Ламмос пролепетал благодарности, и Лорель всхлипнула, ее руки дрожали, пока она цеплялась за мужа. Они покинули комнату, держась за руки.

Король не обратил внимания на потрясенных придворных и пошел за королевой, опустив плечи от усталости, хотя он замер, чтобы пожать руку Мерека по пути. Мерек взглянул на меня, встал и вскинул брови, а потом пошел следом за мамой и отчимом.

Как только закрылась дверь, все зашептались.

Лиф склонился за мной, спешно шепча:

— Миледи, я посмею сказать, что нам стоит уйти.

Я кивнула, потрясенная, и встала. Король выступил против королевы. И победил. Я посмотрела на Лифа, чтобы понять, что он думает, и его глаза пылали, а шаги были быстрыми, я едва успевала за ним.

— Другой страж, — начала я, но он перебил.

— Забудьте. Он не важен. Нам налево.

Я остановилась.

— Куда мы идем?

— К Дорину. Пока есть шанс.

— Мы не можем...

— Другой страж вряд ли скажет королеве, что упустил вас, да? Это лучший шанс, если хотите увидеть его.

Я взглянула на него, взвешивая предложение, а потом кивнула.

— Нужно спешить.

Когда мы добрались до подвалов, он замер, закрыл за нами дверь на лестницу.

— Подождите. Я должен извиниться. Снова. Я не написал, так что придется вам поверить на слово...

— Не сейчас, Лиф...

— Прощу. Я не... я хочу, чтобы вы поняли, почему я такой. Я не привык быть слугой, я был сам себе хозяин, — он пожал плечами, глядя на потолок, а потом мне в глаза. — Я из фермы, и я бы унаследовал ее. Но отец неожиданно умер. Остались мама и сестра, и мне нужно было их обеспечивать. И я пришел сюда. Судьба сделала меня вашим стражем, и я прибыл сюда. Я ошибаюсь, знаю, но я стараюсь, миледи. Стараюсь.

Я смотрела на него со страхом и жалостью.

— Зачем ты мне это рассказываешь сейчас?

Он пожевал губу и ответил:

— Потому что вы заслужили объяснение за то, как ведете себя со мной, — он улыбнулся. — И если король может быть смелым, то и я могу.

— О чем ты?

— Она бы убила ту женщину, если бы он не остановил ее. Заставила бы вас сделать это. А почему? Потому что она беременна. Такое ее преступление против Лормеры. Она сделала то, чего не может королева.

Я зажала рот руками, словно это сказала я.

— Лиф, ты не можешь...

— Знаю! Вы говорите мне это. И я знаю, что вы правы. Но не знаю, как вы это терпите.

— Почему ты думаешь, что я терплю? — я уставилась на него. — Почему так уверен?

— Вы не говорите об этом.

— Это не значит, что я не думаю об этом. Я часами молюсь и прошу богов помочь мне понять все это.

— Вы просили их сделать что-то? — сказал он, и я не понимала, насмехается ли он.

— Что они могут?

— Не знаю. Может, они хотят, чтобы вы что-то сделали. Если все встанут вместе...

— Как в Трегеллане, — сказала я, и он побледнел. — Думаешь, мы начнем войну, в которой не победить? Устроить переворот, собрать жалкие остатки сил и убить ее. А там и короля с принцем? Предлагаешь измену?

— Нет, — быстро сказал он. — Я не об этом. Написать ей требования нельзя?

— Думаешь, люди не думали об этом? Когда мне было четырнадцать, лорд Гревлас хотел попросить, чтобы убрали собак. У него было много поддержки. Пока он не завербовал не того. И тот пошел к королеве, так сделали и остальные. И через год я его казнила.

Лиф отвел взгляд, сжимая крепко кулаки, а потом издал длинный выдох, разжал пальцы и посмотрел на меня.

— Вам они не нравятся, — медленно сказал он.

— Я казню их. Лиф.

— Потому что вас заставляют.

— Это не важно...

— Важно для меня, — тихо сказал он. — Важнее, чем я могу выразить.

Я отвела взгляд, пристальность его взгляда напоминала о Мереке, и мне было не по себе.

— Ничего не исправить, — сказал он через миг так тихо, словно и не собирался говорить это вслух.

— Ничего, — согласилась я, и он закрыл на миг глаза. — Мы можем лишь молчать и стараться. Быть призраками. Так в замке можно выжить. Стать призраком. Опустить голову и держаться подальше от нее.

— Вам стоит уйти.

— Не могу. Ты знаешь, кто я. В моих венах яд, Лиф. И только по воле богов он не убивает меня. Если я брошу их, отвернусь, то умру раньше, чем выйду из замка. Они прощают мне сомнения, ведь я смертна, и меня проверяют, но они не простят мне побег. И даже если не накажут сразу, королева сделает это. Ты ее видел. Она сделает все, чтобы отомстить мне за это. Ранит сестру. Ранит тебя. Тебя убьют за то, что ты не удержал меня. Могут заставить меня убить тебя, а потом убьют меня. Может, и верно, ведь это — измена, Лиф.

— Я ничего не слышал, — тихо сказал он. — Ничего.

Я кивнула, и он посмотрел на меня, вскинув брови, поджав губы.

— Идите, — сказал он. — Я подожду здесь. Он в комнате в конце. Проведайте Дорина.

Я не могла смотреть на дверь комнаты Предсказаний, проходя мимо нее.

\* \* \*

Комнату тускло освещали свечи под медным котелком, из которого доносился пряный запах кипариса. Было что-то еще, какой-то запах, от которого покалывало кожу. Дорин

лежал в углу, и по его лицу было ясно, что он болен, кости выпирали из кожи. Сначала показалось, что он спит, и я уже собиралась уйти и оставить его отдыхать.

— Миледи, — хрипло сказал он. — Что вы здесь делаете?

— Здравствуй, Дорин, — сказала я. — Пришла посмотреть, как тут мой верный страж.

— Миледи, хорошо, что вы пришли. Прошу прощения за то, что молчал. Знаю, я подвел вас.

— Ты меня не подводил. Как ты?

— Силы возвращаются. Я приду в себя через пару дней, поверьте. Могу лишь молить вас о прощении, что я здесь.

Он не выглядел набирающимся сил. Он напоминал пустой труп. Я не узнала бы его, если бы в комнате был не только он. Что за болезнь может терзать человека три недели?

Я улыбнулась ему.

— Не сомневаюсь, — соврала я. — Хотя Лиф неплохо справляется. Я в хороших руках, не бойся. Я молилась за тебя.

Он кивнул, веки трепетали, и я поняла, что он теряет сознание.

— Стуан, больше никакого эля, — пролепетал он.

— Что? — я уставилась на него, имя было знакомым. И я вспомнила. Стуан был стражем, что ушел после того, как я убила Тирека. Он проработал тут всего два года. И тут я поняла, что за запах смешивался с кипарисом. Мак. Они давали Дорину слезы мака.

\* \* \*

Когда мне было девять, нас вызвали в зал в Монкхэме. Мать мэра умерла, хотя это ожидалось, ведь ей было восемьдесят, и она болела. Меня восхитил зал, где было роскошно, почти как в замке, но все же отличалось. Было темно, и в комнате для Пожирания пахло гнилью. Гроб стоял в центре комнаты, мэр обеспечил стулом только мою маму, так что я стояла рядом, пока она исполняла Пожирание. Еды было немного, в центре гроба стояло блюдо со сливками и веточкой розмарина. Я смотрела, как мама ела все, кроме этих сливок, не касаясь их ложкой. Она оставила их до конца, потом съела остальные блюда. К моему удивлению, она повернулась ко мне.

— Знаешь, что это? — спросила она.

Я кивнула, боясь говорить. Она еще никогда не говорила при Пожирании. Лишь объясняла действия, когда мы были в ее комнате, где я дышала ртом, чтобы уменьшить вонь жасмина. Но не при Пожирании.

— Это не свежие сливки, Твайла, — сказала она. — Это сметана.

Я нахмурилась.

— Зачем там сметана?

— Это значит, что она потеряла ребенка, — ответила она.

Я покачала головой, не понимая. Это не было грехом, все знали, что боги могли забрать даже не рожденных детей. Пожиратели грехов знали все секреты мертвого, знали каждый его грех по блюдам, понимали, каким был человек при жизни. Я видела, как мама ест яйца «в мешочек» у воров, вареную печень у склочных дам. Но я не видела еще ни разу сметану на гробе.

— Потеря ребенка — не грех, — сказала я.

— Грех — принять травы, от которых теряешь ребенка, — сказала напряженно мама. — Блоховник, тысячелистник, синий кохош... розмарин. Потому сметана. Молоко жизни испортилось. Только Нэйт решает, когда пора умирать, а не люди.

Я смотрела на гроб, все же слишком маленькая, чтобы понять, а мама встала и оставила миску на гробе, не произнеся завершающих слов. Я хотела уйти за ней, но мою руку схватили.

Из темного угла показалось морщинистое лицо, рот и нос покрывали язвы. Глаза были черными, я не видела радужки, не видела разума в них. Мужчина держал меня за руку удивительно крепко, кости выступали под тонкой кожей. От него пахло чем-то тяжелым и сладким.

— Ее тут нет, — сказал он, в уголках рта блестела слюна, слова были невнятными. — Она — ведьма. Ее нужно было сжечь, или она вернется. Она убила ребенка. Говорила, что нет, нет, но я сделал ей ребенка, а она убрала его.

Я закричала, в комнату вбежал мэр и моя мама.

— Отпусти ее, папа, — сказал он старику, но тот вцепился только крепче.

— Она ведьма! — взревел он, моя рука оказалась свободной. Мужчина рухнул на пол, и мэр вывел меня из комнаты.

— У него бывают приступы, — сказал он моей маме, виновато заламывая руки. — Мы даем ему слезы мака от болей. Он не знает, что говорит. Он хотел быть здесь, попрощаться. Я думал, он будет молчать. Простите, мадам Пожирательница.

Мама посмотрела на меня.

— Что он сказал?

— Что... она сказала нет, но он сделал ей ребенка. И что она ведьма, — добавила я, голос дрожал.

Мама осмотрела мэра, словно читала его, как еду на Пожирании. Она прошла мимо него в комнату Пожирания. Когда она вернулась, в ее руках была миска со сметаной, и мы смотрели, как она съедает ее, а потом бросает миску на пол, и та разбивается.

— Я отпускаю тебя и дарю покой, дорогая. Не приходи на наши улицы и луга. И за твое спокойствие я плачу своей душой, — заявила она, глядя все это время на мэра. — Я жду бычьих глаз на Пожирании вашего отца, — сказала она, мэр выдохнул. — Но я не буду их Есть. Этот грех я не приму.

Он протянул ей серебряник, но мама не взяла его. Только в этот раз.

\* \* \*

— Миледи, нам пора идти, — сказал Лиф, возвращая меня в реальность, хотя я все еще чувствовала, как старик сжимает мою руку. — Миледи? — он заглядывал в комнату. Один взгляд на мое лицо, и он чуть не выхватил меч.

— Я в порядке, Лиф, — сказала я. — Просто...

Лиф посмотрел на Дорина, что не шевелился.

— Подождите снаружи, миледи. Я помогу ему лечь удобнее.

Я кивнула, радуясь уйти, вдыхая чистый воздух и прижимаясь к влажным каменным стенам. Слезы мака. Потерянный ребенок и монстры во тьме. Грех, что мама не приняла. Я поежилась, пытаюсь отогнать это.

Когда я заглянула в комнату, Лиф умело передвигал голову Дорина, действуя четко и нежно, и я вспомнила, что его отец умер.

## Глава 10:

— Что будем делать сегодня, миледи?

Я смотрела в окно, думая о Дорине, короле и королеве, о Лифе. Его вопрос смутил меня.

— Мы? — спросила я.

— Я не хотел оскорбить. Но подумал... мы здесь, и будет глупо не пользоваться этим.

Не мне это говорить, но... если хотите общения, я тут.

— Что ж, — я мило улыбнулась. — Я собиралась молиться.

— Ах, — он помрачнел. — Тогда я должен уйти. Хотя не стоит золотить лилию избытком молитв.

— Ты не веришь в богов, Лиф? — я давно подозревала.

Он посмотрел на меня и покачал головой.

— Не верю, миледи.

— И много таких трегеллианцев?

Он пожал плечами.

— У нас не так, как здесь, если вы об этом. Но Трегелланом управляет совет, а не монархия. Для нас важнее наука и медицина. Богам места мало.

— Но как так? Вы не видите жизни, что Дэг дает вашей науке и медицине?

— Я вижу работу ученых, миледи. И боги не отвечали на мои молитвы, — с горечью добавил он и покачал головой. — Простите, миледи. Я много сказал.

— Нет, — я не успела себя остановить. Лиф посмотрел на меня большими глазами. — У тебя может быть свое мнение. Но выбирай осторожно, кому его озвучивать.

— Здесь можно? — спросил Лиф.

Я кивнула.

— Вам можно?

Я снова кивнула.

— Даже хотя вы — воплощение богини?

— Донен — не богиня, — сказала я. — Она — дочь богов, но не богиня.

Он пожал плечами и улыбнулся.

— Может, потому она мне нравится.

\* \* \*

Когда я жила с мамой и сестрой, у меня было самодельное логово в саду, среди кустов были набросаны ветки, чтобы осталось место внутри. Когда братья уходили на рынок, а мама отдыхала, мы залезали в наше логово и сидели, пряча в листве сокровища и рассказывая истории. Никто не знал, что мы там. Это место было безопасным.

Теперь такой была моя комната, убежищем для нас с Лифом, чтобы прятаться и общаться. Мы говорили о детстве, о промахах и жителях своих деревень. Он спросил. И я рассказала, как попала в замок, и он был потрясен.

— Может, и мне стоит поискать связь с богом.

— Сначала поверь в них, — улыбнулась я.

— Я могу научиться, — улыбнулся он в ответ.

— Ты умеешь петь?

Он встал во весь рост и прижал ладонь к груди:

— *В горной тени Лормера стоит,*

*Смерть от снега ей не грозит.*

*Благословенная земля,*

*Будет стоять тут века.*

Я улыбнулась, пел он плохо.

— Что думаете? — спросил он, допев.

— Ты — прекрасный страж, Лиф.

— Вы меня раните, миледи, — надулся он и улыбнулся. — Хотя, признаю, я не могу пережить яд.

Я тихо ответила:

— Донен — дочь двух богов. Один дает, другая забирает. Из-за Нэшт я забираю жизнь, как сделала она, забрав небеса у Дэга.

Он кивнул и задумчиво сказал:

— Что бы вы делали, не став Донен Воплощенной, помолвленной с принцем?

— Стала бы следующей Пожирательницей грехов.

— Нет, миледи, — вздохнул он. — Что бы вы делали, если бы судьбы не было? Чего вы желаете?

Я закрыла глаза, вспоминая жизнь. Я не думала о таком варианте. У меня всегда была роль. Когда я в прошлый раз пожелала того, что быть не могло, я оказалась здесь. Я сказала ему, что не знаю, что делают люди, когда они свободны.

— Что значит «свободны» для вас? — спросил он.

— Как ты. Ты можешь идти, куда хочешь, делать, что хочешь. Я не знаю, как это.

— Я не свободен, миледи, — медленно сказал он. — Я уже не могу уходить, поступать по-своему. Я думаю о выборе, как о полете. Люди видят, как парит сокол, и думают, что летать хорошо. Но голуби и воробьи тоже летают. А никто не представляет себя воробьем. И не хочет этого.

Лиф смотрел на меня с такой печалью в глазах, что я не могла дышать. Я хотела убрать это выражение с его лица.

Он встал на ноги и отвернулся.

— Пойду и проверю, не принесли ли ваш ужин.

Я вдруг с ужасом поняла, что однажды Лиф уйдет, он мог выбирать. А я — нет, я останусь в замке навеки. Вся моя жизнь была передо мной. У меня нет даже свободы воробья.

Я не понимала, что плачу, пока не вернулся Лиф. Его выдоха хватило, чтобы я пришла в себя, вытерла щеки, пока он бросил поднос и опустился у моих ног.

— Миледи?

— Я в порядке, Лиф.

— Это из-за меня? Из-за моих слов? Я виноват? Мне послать за чем-то?

— Нет. Погоди, да. Можешь принести немного вина? — спросила я, игнорируя движение его бровей. — Медового вина. Немного.

— Мигом, — кивнул он и выбежал из комнаты. Он вскоре вернулся, в руках был серебряный поднос с бутылочкой и бокалом. Он налил бокал и поставил на столик передо мной. Я не хотела вина, но больше ничто не могло отвлечь от меланхолии. Вино было сладким и не помогало. Я не знала, что со мной.

Он сидел на полу передо мной, смотрел на меня как-то мрачно.

— Я не хочу вас расстраивать, но служанка, что дала вино, передала новости о Дорине. И они плохие, — сказал он спешно, чтобы я не перебила. — Он спит и не просыпается. Лекари не верят, что что-то можно сделать, но принц говорит, что они неправы. Он просит послать за врачом. Трегеллианским.

— Прислать его сюда? — радость и страх воевали во мне. Мерек делал это для простого



стража? Жестокий голос в голове шептал, что так Мерек может получить медицину Трегеллана, что так хотел. Я отогнала голос, пытаюсь понять слова Лифа.

— Принц сказал послать за врачом. Поднялся шум. Не знаю, что их больше тревожит: что придет врач или что он — трегеллианец, — он помрачнел, а потом его лицо стало ярче. — Простите, я глуп. Сейчас не время.

— Врач сможет его вылечить?

— Это — его единственная надежда. Я заглядывал в ту комнату. Благовония его никак не спасают. Ему нужен точный диагноз, а не разговоры о жидкостях. Если они поймут, что с ним, у него может появиться шанс вылечиться.

Он говорил так, словно знал о лечении, и я вспомнила его руки на Дорине, что действовали уверенно. Он говорил, что был фермером, но разве фермеры знают столько о свойствах растений? Я проглотила вопросы, глядя на руки, вспоминая проблему.

— Надеюсь, мама не узнает, что они звали врача, — тихо сказала я.

— А что не так?

Я смотрела на ладони, подбирая слова, понимая, что он хочет понять, а я не знала, как правильно рассказать ему:

— Она верит, что если Нэшт отметила человека, то мешать нельзя.

— Мешать? Лечить его?

— Мешать воле богов. Немного лечить можно, травами и молитвами. Но заходить далеко... Она думает, что так мы бьем богов по рукам. Это делают врачи. Они используют методы против природы. Она не будет исполнять Пожирание, если он умрет после этого, если не будет равновесия.

— Равновесия?

Я вздохнула.

— Когда кому-то очень плохо, можно предложить Нэшт другую смерть взамен, чтобы она не трогала умирающего. Жертвой обычно бывают овцы или свиньи, — или козлы. — Если Нэшт удовлетворена, тогда она отпускает человека, а мама принимает волю Нэшт и не мешает выжившему.

— Не понимаю, что не так с лечением.

— Врачи привязывают душу лекарствами, хотя она должна уйти к Нэшт.

— Но кто сказал, что они исцеляются не по воле Нэшт? — спросил Лиф.

— Ты не понимаешь, — сказала я, оторачиваясь, голова болела.

— Простите, миледи. Я был груб. Когда придет врач, мы убьем овцу, и если ваша богиня примет это, Дорину полегчает? Так это работает?

Я кивнула, не желая думать об этом и вспоминать.

— Тогда мы сделаем это. Это порадует вашу маму?

Я пожала плечами.

— Так уже было в прошлом. Ей присылают мясо, когда убивают животное.

— Такое случается часто?

— Нет. Многие семьи не могут потерять животное, даже если умирает человек.

— А когда был последний раз?

Я отвела взгляд. Прошлый раз был из-за сестры, и случилось все не так, как я описала Лифу. У Мэрил несколько дней была лихорадка, а компрессов уже не было, чтобы понизить температуру. Мы не могли влить в нее жидкость, она угасала. Мама, верная слуга Нэшт, пожимала плечами, пока я плакала.

— Если Нэйт ее хочет, она ее получит.

— Мы не можем ничего сделать?

— Не должны. Это воля Нэйт.

И она ушла на Пожирание, оставив меня с Мэрил, пока та умирала. Я набралась смелости и пошла к повитухе в Монкхэм, попросила немного пиретрума и коры ивы. Я заваривала их и поила сестренку, пока она не стала снова прохладной. Когда мама вернулась, я сказала ей, что это чудо.

— Значит, Нэйт ее не хотела, — сказала я, но не могла смотреть маме в глаза.

Мы ужинали в тот вечер жареной козой, мама редко такое готовила, и я думала, что это праздник. Я все проглотила. Через час меня стошнило в домике для коз у нашего дома. Пенни была моей любимицей. Она любила жевать мои юбки, заглядывать в мои карманы. Она приходила, когда я звала ее.

Но я уберегла сестру, Нэйт получила жертву. Я отогнала мысль, что жертва радовала ее временно, я не знала, сколько времени купила для сестры.

— Это было очень давно, — сказала я ему. — Это случается редко, и не все могут потерять запас мяса на месяц.

Он покачал головой и вздохнул.

— Лечить людей — не грех, как и помогать им. Это не отрицает богов. Это ведь растения, что растут из земли, и люди, которых боги сами создали, да? Я говорил это вчера Димии.

— Димия?

— Служанка, что приносит нашу еду. И она принесла вино. Она поняла, что Дорин важен для вас. Она...

— Мило с ее стороны, — перебила его я.

Лиф с любопытством посмотрел на меня и продолжил:

— Она проверяла его и докладывала мне. Обещаю, врачи Трегеллана — лучшие. Если кто и может его спасти, то это они... А потом мы пожертвуем овцу твоей Нэйт, чтобы было равновесие, если нужно. Миледи, Дорин того не стоит?

Я уставилась на него.

— Он ведь умрет? Без этого врача?

Лиф кивнул.

— Ему не помочь. Они не знают, что с ним.

Я вспомнила его тонкую кожу, запах кипариса и мака. Он был едва живым.

— Но я молилась богам. Я — их дочь, я ношу ее имя.

Лиф заметил панику в моем голосе и поднялся на колени, склонился за моим бокалом. На обратном пути он замер, лицо было близко к моему, я ощущала странную боль.

— Все еще не окончено, — сказал он. — Еще может помочь врач.

Я отвернулась, чтобы взять бокал, а Лиф оказался у моих ног на безопасном расстоянии.

— Иначе всем нам конец, — тихо сказал он.

— Что? Ты уходишь? — паника вернулась, мой голос стал пронзительным.

— Нет. Нет, — спешно ответил он. — Я остаюсь. Но... время, что мы проводим вместе, подойдет к концу. Вернется Дорин или пришлют другого. Я не глуп настолько, я знаю, что продолжать нельзя.

Он хмурился, а я выпила еще вина, понимая, почему его пил Мерек, радуясь, что оно успокаивало.

— Я не могу сейчас думать об этом, Лиф. Мне нужно думать о Дорине. Если я буду молиться сильнее, если я смогу уйти в свой храм. Я не могу молиться здесь, это неправильно, — мямлила я, но уже представляла, как потеряю Лифа, как все станет прежним, и его уже не будет здесь и за моей дверью. Больше не будет разговоров, шуток. Вопросов. Лишь стража. — Что нам делать? — простонала я.

— Можно попросить королеву сделать меня вашим единственным стражем. Так вы сможете попасть и в свой храм, и к Дорину.

— А если он вернется? — на миг я представила, как мы смеемся в комнате втроем.

— Мы решим, когда это случится, — сказал Лиф. И я знала по его тону, что он не верит.

— Она не позволит этого, — сказала я ему, отталкивая смятение. — Ты знаешь, что она скажет. Она не доверит мою безопасность одному стражу.

— Тогда попросим не ее. Попросим принца.

— Мерека? И он поможет?

— Вы с ним помолвлены. Ему интересно ваше состояние, и ваше заточение здесь не идет на пользу. Он знает, как важен для вас храм. И он знает, что значит быть взаперти.

— Ты подслушивал его за ужином! — возмутилась я.

— Не мог иначе, миледи. Я стоял близко, чтобы слышать его зов, — сказал он. — Я могу быть невидимым, но у меня есть уши.

Я покачала головой.

— Королеве это не понравится.

— Но разве она откажется, если попросит Мерек? Она разрешила тебе выйти с ним без стражи. Она разрешила ему позвать врача из Трегеллана для твоего стража. Если он скажет, что хочет этого, то разве она откажет?

— Все трегеллианцы такие хитрые, как ты?

— Я не хитрый, миледи. Клянусь. Я просто наблюдательный, — его глаза были больше обычного, пока он смотрел на меня, и мое сердце колотилось в груди. Это решило бы все мои текущие проблемы. Я бы смогла покинуть комнату, но сохранить время с Лифом. Я смогу решить все с Дорином, если — когда — он вернется. Это никого не ранит.

— Сообщишь принцу? — медленно сказала я. — Скажи, что я думаю о нем, и что благодарна за помощь Дорину. Попроси его отправить кого-то в мой храм помолиться вместо меня, раз я закрыта в комнате, — я подумала о его словах за ужином. — Скажи ему, что боюсь, что слишком много времени провожу у себя в голове. И будет печально пропустить цветение одуванчиков в этом году, но я рада, что он их увидит.

Он улыбнулся мне, ведь явно слышал почти весь разговор за ужином.

— Все дочери богов такие хитрые, как вы, миледи? — спросил он.

Я мрачно улыбнулась.

— Может, я просто наблюдательна.

Он снова улыбнулся и принялся за работу, и я смотрела, как его тонкие длинные пальцы обхватывают перо, пока он пишет. Его крупные костяшки побелели, пока он держал перо, направляя его по бумаге. Я была зачарована его движениями и не услышала сразу, когда он заговорил.

— Мне отправить?

— Да... пока я не потеряла смелость.

Его улыбка стала шире, он вскочил на ноги. Он поспешил уйти и быстро вернулся.

— Димия отдаст ее брату. Он из стражей королевы, и он сможет передать послание

принцу.

Грудь пронзило, когда он произнес имя Димии.

— Долго ждать ответа?

— Не знаю. Подождать внизу?

— Нет, — быстро ответила я. — Мы подождем здесь. Думаю, ответ скоро придет.

— Как пожелаете, — тихо сказал он.

Нам не пришлось долго ждать. Прошло меньше часа, и в дверь робко постучали. Мы с Лифом переглянулись, он вытащил меч, указав мне встать за ним.

Когда он распахнул дверь, там оказалась маленькая темноволосая девушка с хорошей фигурой, она смотрела на него.

— Я ждала внизу, — тихо обратилась к нему она, — но тебя не было. И я подумала...

— Димия, сюда приходиться нельзя, — отчитал ее он, хотя голос был мягким.

— Простите, — сказала она и посмотрела на меня. — Миледи, брат просил немедленно доставить ответ.

Она была очень красивой. Мне она не нравилась.

— Спасибо, Димия. Можешь идти.

Он склонил голову, взглянула на Лифа и смущенно улыбнулась. Он улыбнулся в ответ, а мою грудь снова пронзило болью. Он закрыл дверь.

Он подошел с запиской, ожидая моего кивка, чтобы открыть. Он нахмурился, а потом широко улыбнулся.

— Лиф! Что там?

— Принц вызвал меня на дуэль. Вечером. За вашу свободу.

## Глава 11:

Желудок скрутило, вино утяжеляло его. Мы шли по озаренным факелами коридорам к главному залу. Лиф же сиял от радости, и я не могла понять, почему он так счастлив. Я знала, что Лиф показал себя хорошим бойцом на испытаниях, об этом говорило и то, что Дорин открыто восхищался им. Но Мерека учили владеть мечом с детства, и учили его лучшие в стране. Если Лиф думает, что победит легко, то он явно в шоке, и ему нужно сказать об этом.

— Вы видели принца в бою? — спросил он.

— Нет, но он явно хорош.

— Вы не видели и меня в бою.

— Лиф, его учили лучшие в королевстве.

— Но он никогда не сражался за жизнь, миледи. Его учителя не были жестокими к нему, потому что он принц. Думаю, у него и кровь-то не шла ни разу.

— А у тебя?

— Была, — улыбнулся он. — Лормерианские стражи были жестоки. Они хотели меня обезоружить, ранить. И я всех их одолел.

— Просто... не будь самоуверенным, — сказала она. — Он не новичок. Он не вызвал бы тебя, если бы не был уверен, что победит.

— Зачем вообще меня вызывать? — спросил Лиф. — Почему просто не сказать королеве, что вам можно выходить с одним стражем?

— Никто не может просто сказать королеве. Лиф. Даже принц.

— Думаю, это из-за вас, — сказал он ехидно. — Думаю, он хочет показать вам, что он будет хорошим мужем, избежит вашего верного слугу у вас на глазах.

— Быть лучшим на дуэли не числится в начале моего списка качеств мужа, — отозвалась я.

— Тогда вам повезло. Он проиграет, — улыбнулся Лиф, и свет факела исказил выражение его лица тенью.

— Не нужно его ранить, — сказала я, и Лиф замер.

— Не стану, — медленно сказал он. — Я не поступлю так с вами.

Я покраснела и кивнула.

— Идем, не стоит заставлять его ждать.

\* \* \*

Мерек уже был там, когда мы прибыли, рукава его туники были закатаны, меч висел на поясе. Он поклонился, когда мы вошли, и я замерла и поклонилась в ответ, Лиф проделал то же самое рядом со мной.

— Как ты, Твайла? — спросил Мерек, приближаясь.

— Хорошо, Ваше высочество. Могу ли я узнать, как вы?

— Хорошо, хотя день был странным, — его глаза сияли. — Мы поговорим в другой раз. Спасибо за записку. Ты вроде говорила, что не умеешь писать.

— Лиф записал ее, а я диктовала, — сказала я.

Он кивнул и повернулся к Лифу.

— Ты сейчас исполняешь роль стража леди и делаешь это один?

Лиф поклонился снова.

— Да, Ваше высочество.

— Ты же трегеллианец? Где тебя учили сражаться?

— Меня не учили официально, Ваше высочество.

— Тогда кто тебя научил?

— Мой отец, Ваше высочество, — напряженно сказал он.

— А кто обучил твоего отца?

— Его отец.

— И никого в твоей семье не обучали официально? — спросил удивленно Мерек.

Я надеялась, что Лиф сдержит пыл.

— Нет. Мой отец был фермером. Как и его отец, — сказал он, пальцы были на рукояти меча.

Мерек окинул его взглядом.

— Я слышал, ты превзошел всех на испытании?

— Да, Ваше высочество.

Мерек кивнул.

— Правила просты. Если одолеешь меня, я обеспечу леди Твайле разрешение покидать покой с тобой, как ее единственным стражем, пока другой не сможет вернуться к исполнению обязанностей, или пока не вмешаются обстоятельства. Я смогу убедить маму, что ты сможешь ее защитить, — он повернулся ко мне, и я склонила голову.

— Простите, Ваше высочество, но кто определит, что я одолел вас?

Мерек вскинул брови.

— Мы бьемся до первой крови.

Мои глаза расширились от удивления, даже Лиф был потрясен.

— Я не могу согласиться, Ваше высочество, — медленно сказал он. — Это сочтут изменой. А иначе я не могу победить.

— Я даю слово, что ничего не случится, если ты победишь меня, — серьезно сказал Мерек. — Это мои условия, и мои стражи мне свидетели, — из теней вышли двое мужчин и поклонились. Я их и не заметила. — Но сначала тебе нужно меня победить.

Я видела, что Лиф надулся после его слов.

— А если я проиграю, Ваше высочество?

— Тогда леди останется в своих покоях, пока не вернется другой ее страж, или пока не найдут другого. Я должен быть уверен, что ты сможешь защитить мою будущую невесту. И я могу быть уверен в этом, если сам увижу, что ты так хорош, как мне говорили. А, может, и нет.

Лицо Лифа ожесточилось, он сжал кулаки. Он долго смотрел на Мерека, а потом кивнул и изобразил головой небольшой поклон.

— Я принимаю условия.

Мерек повернулся ко мне.

— Могу ли я попросить тебя отойти в сторону, Твайла? — спросил он, и я поклонилась и села рядом с помостом.

Лиф и Мерек встали в центре комнаты, поклонились — Лиф низко, а Мерек лишь кивнул. Мерек вытащил меч, и Лиф тоже, они направляли их на пол. А потом, не сказав ни слова, они подняли мечи и закружились, шагали по полу, оценивая друг друга, глядя как на добычу, глядя только на противника.

Мерек прервал круг и атаковал, Лиф взмахнул рукой, и бой начался.

Мерек совершил ложный выпад, Лиф отпрыгнул, развернулся и направил меч в левую руку принца. Мерек смог отбить атаку, а потом своей заставил Лифа отступить. Мне они казались равными по силе, ни у кого не было большого преимущества перед другим, они нападали и отступали.

В комнате сталь звенела о сталь, высоко взлетали мечи, опускались, снова поднимались. Мерек резко сделал выпад, Лиф снова отпрыгнул, но меч Мерека задел его тунику и оставил небольшую дырку.

— Почти, Ваше высочество, — бодро сказал Лиф, оглянулся на плечо, и Мерек фыркнул.

Мерек снова двинулся вперед, замахиваясь на живот Лифа, и мое сердце екнуло, но Лиф взмахнул мечом и ударил по оружию Мерека, и я увидела, как Мерек пятится и сжимает руку другой рукой.

И тут я поняла, как хорош Лиф.

Они не были равны. Лиф играл с ним, словно кот с мышкой, позволял ему делать выпады, заставлял Мерека поверить, что у него есть шанс. Но теперь он отбивался. Атаки Лифа не прекращались. У Мерека не было времени напасть, он мог лишь защищаться. Атаки Лифа сыпались градом удар за ударом на меч Мерека, и я видела, что Мерек устает, пока они двигались по залу. Стражи рядом со мной встали с мечами в руках, и я не винила их, ведь атаковал Лиф страшно.

Мерек опустил вдруг меч на пол и вскинул руки.

— Сдаюсь, — сказал он, задыхаясь. — Сдаюсь.

Лиф тут же опустил меч и поклонился, Мерек через миг чуть склонил голову. Они тяжело дышали. Лиф спрятал меч в ножны, а Мерек поднял свой меч и проделал то же

самое.

Я приблизилась.

— Вы в порядке, Ваше высочество? — спросила я.

— Да. Без крови, но, судя по навыку твоего стража, лучше так и оставить, — кивнул он Лифу, тот поклонился. — Как и договаривались, ты можешь покинуть башню со своим стражем. Я не боюсь теперь за твою безопасность.

— Спасибо, Ваше высочество. Мне попросить Лифа написать королеве благодарность?

Мерек смутился.

— Лучше я с ней поговорю.

— Мерек... — я забыла, что мы не одни, — ... вы сказали, что сможете убедить ее, что я буду в безопасности. Убедить, а не сказать. Она знает об этом?

Он покачал головой.

— У нее дела с отчимом. Так что я взял быка за рога, — уголок его рта дернулся. — Я попробую поговорить с ней этой ночью, но, если шанса не выдаться, тебе придется быть скрытной во время прогулок. Но я не прошу тебя и дальше оставаться в комнате.

— Спасибо, — мягко сказала я.

Он поклонился мне, заглянул в глаза, а потом повернулся к Лифу.

— Мне понравилось. Признаюсь, я какое-то время сражался в Трегеллане с солдатами. Твой народ хорошо сражается. Может, как-нибудь повторим?

— Ваше высочество, — Лиф поклонился.

— Увидимся, Твайла, — Мерек кивнул и покинул комнату, стражи шагали следом.

Мы с Лифом пошли по коридорам обратно, сердце все еще колотилось в моей груди, и я только вдали от главного зала поняла, что задерживала дыхание.

— Ты ведь говорил, что ты фермер? — сказала я, когда мы были у моей башни.

— Треггелианец должен быть готов к бою. После войны каждый отец обучал сына сражаться мечом, ножом и луком, даже если они не в армии.

Я кивнула, а он открыл для меня дверь башни.

— Ты был хорош, — сказала я, мы поднимались по ступенькам к моей комнате.

— Он тоже. Это меня удивило.

— Но не так хорош, как ты, — я подняла засов и подошла к комоду, где налила себе еще вина, чтобы успокоиться.

— Миледи, я не заслужил бокал вашего медового вина?

— Заслужил весь графин, — сказала я, подвинув его к нему. — Ты отвоевал мою свободу.

— Пустяки, — он скривился, подняв графин к губам и сделав большой глоток.

— Ты в порядке?

Он странно улыбнулся.

— Похоже, я все-таки ранен.

— Что? Где? — я сделала глоток вина в ужасе.

— Когда он задел мою тунику, то мог порезать и кожу. Но я не проверял.

— Значит, ты проиграл. Лиф, нужно сказать ему. Так не честно...

Он замкнуто посмотрел на меня.

— Если я скажу ему, вы снова будете заперты здесь.

Я открыла рот, но ни слова не сорвалось с языка. Я не хотела быть взаперти.

— Может, это и не порез, — сказал Лиф, стараясь осмотреть плечо. — Мне нужно в

свою комнату.

— Зачем?

— Я не вижу из-за туники, миледи, — сказал он. — Мне нужно посмотреть, есть ли рана.

— Я тоже хочу это видеть. Я... ох, — я покраснела, когда поняла, что он имел в виду. — То есть... я... нет, ясно. Конечно.

— Я с радостью сделаю это здесь, если вы хотите увидеть.

Я смогла лишь кивнуть, щеки пылали.

— Хорошо, — сказал он. Отвернувшись от меня, он снял пояс с мечом, опустил на пол. Ловким движением с кряхтением он стащил тунику через голову.

— Ну? — сказал он. — Кровь есть?

Я не могла ответить, ведь смотрела не на его плечо.

Я не могла отвести взгляда от его спины, линии его позвоночника. Он был шире меня. Как он мог выглядеть совсем иначе без туники? Как могло это изделие из ткани так его менять.

— Миледи? — он оглянулся на меня, и все мое тело вспыхнуло, когда я заметила, как движутся под кожей его мышцы.

— Прости, — прошептала я и от смущения не могла смотреть ему в глаза. — Отвернись.

Пришлось встать на цыпочки, чтобы посмотреть, и меня охватила радость. Хотя там назревал синяк, кожа была задета, но крови не было. Он не обманывал.

— Крови нет, — хрипло сказала я и тут же кашлянула. — Слегка задето, но крови нет, хотя к утру будет синяк.

Он посмотрел в зеркало на рану, и я покраснела, увидев его ключицы. Я пересекла комнату, отвернувшись от него, опустошила бокал и наполнила снова. В комнате было слишком жарко, и я открыла окно, чтобы вдохнуть свежий ночной воздух.

— Прости, — сказала я снова, не зная, за что извиняюсь.

Я не могла смотреть на него, пока слышала, как шуршит туника.

— Крови нет. Значит, я не врал и не обманывал. Это хорошо. Вы на меня не доложите.

— И не сделала бы этого, — отметила я.

Лицо Лифа, появившееся из туники, было удивленным.

— Но это было бы ложью, грехом.

— Маленьким, — сказала я, сердце колотилось, и когда я поднесла бокал, чтобы опустошить его, пальцы дрожали.

— Спасибо, миледи.

— Твайла, — быстро сказала я. — Когда мы наедине, называй меня так. Ты это тоже заслужил.

— Твайла, — сказал он тихо, и я задрожала, услышав свое имя из его уст. — Тебе стоит отдохнуть, Твайла. Завтра загруженный день. Все же первый день свободы.

Я смотрела на него. Когда он надел тунику, то развязал ленту, что сдерживала его волосы. Мне стало интересно, какие на ощупь пряди его волос, если запустить в них пальцы. Я как сомнамбула пошла к нему, подняв руку, и замерла у его груди. Мы посмотрели на руку, и он отпрянул, а мои пальцы изгибались, как когти, словно не принадлежали мне.

— Спокойной ночи, Твайла, — прошептал он. — Хороших снов, — он склонил голову, отвернулся и тихо закрыл за собой дверь.

А я смотрела на предательскую дрожащую руку.



\* \* \*

Ночь была беспокойной. Я могла думать лишь, просыпаясь и засыпая, о его волосах и своем желании коснуться их, о его плечах и спине, о гладкой коже. Я хотела коснуться его, но тогда он погибнет. Я не могла лечь удобно, но когда двигалась по комнате, она качалась, и мне пришлось сесть, глядя в темноту. Дело в вине. Я выпила три бокала на пустой желудок, к этому добавились тревоги о Дорине и дуэли, конечно, я забылась. Но я знала, что и это ложь. Это не из-за вина или потрясения. Я хотела коснуться его. Когда я посмотрела в зеркало после того, как он ушел, я увидела свой взгляд. Там было желание, похоть, яркая и со вкусом клубники. А я не могла себе этого позволить, потому что была помолвлена с принцем, и прикосновение к кому-то убийственно.

## Глава 12:

Утром я была уставшей и беспокойной, сердце трепетало, пока я готовилась ко дню. Кожа была то горячей, то холодной, когда я вспоминала его грудь, бой, улыбку. А потом я вспомнила, что Дорин еще болен, и меня охватил стыд, я и забыла о нем. Все запуталось, и часть меня хотела остаться в комнате и спрятаться от всего этого. Я понимала, что это будет бессмысленно и неблагодарно после того, что Лиф сделал ради моей свободы.

— Как твое плечо? — спросила я, когда он принес завтрак.

— Синяк, — улыбнулся он. — Как ты и предсказывала. Немного затекло. Но это не мешает мне провести другой раунд, если будет нужно.

Я слабо улыбнулась, а думала о его обнаженных плечах.

— А теперь, — продолжил он, — если ты готова, погода приятная, хотя воздух прохладный. Стоит взять плащ, — он не ждал моего согласия, подошел к моему шкафу и вытащил алый плащ. Он держал его так, словно собирался накинуть на меня.

— Что ты делаешь?

— Держу твой плащ, — его глаза хитро блестели.

— Лиф, не надо. Отдай его мне.

— Не веришь мне? — спросил он.

Я слышала напряжение в его голосе.

— Лиф, меня нельзя трогать.

— Я не буду. Веришь? — он пристально смотрел на меня.

Я отвернулась от него и застыла до боли, с замиранием понимая, что он сзади, а его дыхание задевает мои волосы. Вес ткани упал на мои плечи, укрывая меня. Он встал передо мной.

— Я бы не стал рисковать тобой. Я же ясно дал это понять прошлой ночью.

Я завязала плащ на шее, не в силах смотреть на него.

— Так куда пойдём, миледи? Весь замок ваш, — я заметила возвращение своего титула, и во мне смешались облегчение и разочарование.

— В мой храм.

— Хорошо, — он пошел к двери и открыл ее, а потом низко поклонился, и я не сдержала улыбки. Он улыбнулся в ответ, его язык показался меж зубов, и мне стало не по себе.

\* \* \*

Несмотря на мое смятение, свобода бурлила во мне, и я чувствовала на лице улыбку

совсем не в стиле Донен, пока мы покидали башню и шли по коридору. Хотя я сомневалась, что хоть один ребенок когда-то бегал здесь, мне сейчас хотелось сделать это.

— Бегают козлята, а девочки ходят, — как-то сказала мама в редкий момент выполнения долга родителя. Но я бы побегала, если бы могла.

Я чувствовала слева Лифа, словно между нами были нити, соединяющие наши бедра, ноги и локти, шеи и лодыжки. Когда его рука дернулась поправить пояс, я ощутила движение, что передалось ко мне воздухом, что разделял нас. Я чувствовала его как себя.

— Мы можем немного отойти от пути, миледи? — спросил Лиф, когда мы добрались до садов.

— Куда?

— Я хочу кое-что показать, если могу.

— Что показать?

— Это сюрприз, — сказал он с улыбкой. — Вы будете в порядке.

Я видела, как он бился с Мереком, так что за себя не переживала.

— Я не хочу испытывать удачу, Лиф. Принц просил вести себя скрытно.

— Это скрытно, миледи. Обещаю, никто вас не увидит.

— Я не могу, Лиф.

— Понимаю, миледи. Простите. Это не важно. Просто то, что показала мне Димия.

Опять Димия.

— Если только быстро, — спешно сказала я. — На пару мгновений.

Я ощутила его улыбку.

Он пошел мимо сада в конюшни. Я замерла и погладила по носу свою лошадь, а потом мы пошли дальше, сквозь сады у кухонь, где когда-то росли одуванчики. Эту часть замка я не знала. Дорин никогда не водил меня сюда.

Я ощутила укол при мысли о нем.

— Вот.

Я забыла Дорина, Мерека и даже Лифа. Каждая мысль, что тревожила меня, исчезла, и я могла лишь смотреть на сад передо мной. Там были полевые цветы, что запретили в замке, передо мной росли маки и мать-и-мачеха, чемерица и лен, тубероза и пижма. Все.

— Отсюда ты принес тогда цветы, — выдохнула я.

— Да. Это сад травника.

— Королева знает?

— Да. Тут выращивают растения для лекарей. Ей не нравится их вид, но она не может отрицать их пользу. Идемте... — он протянул руку, направляя меня, — по тропе в центр. Осторожно, вдали растут болиголов и паслен. Хотя я не думаю, что тут выращивают вашу траву.

Я шла мимо растений, некоторые доходили мне до колен, ласкали мои пальцы листьями, вызывая улыбку на лице. Если бы я знала, что тут такое есть, то сама нарисовала бы цветы для вышивки. И Мерек точно не знал об этом месте, потому что его рисунки цветов не совпадали с тем, что росло передо мной.

Мы добрались до центра, и я села на маленькую каменную лавочку, взгляд скользил по всем растениям вокруг, а они покачивались на ветерке. Сад был красочным хаосом — красный, желтый, оранжевый и зеленый — и мне нравилось это. Ничего не росло в ряд, хотя я видела, что растения старались хоть как-то отделять. Повсюду цвели маки, и я сразу улыбнулась, когда увидела одуванчики.

— Можно ваш плащ, миледи? — спросил Лиф, и я нахмурилась.

— Зачем?

— Поверьте, вы не замерзнете. Я соврал про прохладу.

Я растерянно расстегнула плащ и сняла с плеч, протянула ему. А он, к моему удивлению, встряхнул его и разложил на земле.

— Ложитесь.

— Не могу! — сказала я.

— Почему?

— Потому что я Донен Воплощенная.

— Никто не узнает, кроме нас двоих.

— А если кто-то придет?

— Нет. Слуги работают внутри, и они собирают растения только на закате и рассвете. Лечебные травы не собирают посреди дня. Вы в безопасности.

— Лиф, я не могу.

— Ой, — он поднял руку и потер плечо. — Если бы я не ушиб плечо, что пострадало в борьбе за вашу свободу, я бы точно прилег.

— Это не честно, — возмутилась я.

— Знаю, — он улыбнулся. — Я буду настороже. Обещаю.

Я смотрела на него, его игра на моих чувствах работала лучше, чем мне хотелось.

— Ладно, — сказала я. — Только никому не говори.

— Клянусь, — сказал он с улыбкой.

Я опустила на колени, а потом осторожно опустила на плащ.

— Нужно лечь.

— Не могу.

— На минуточку.

Я закатила глаза и вздохнула, легла и скрестила руки на животе. А потом выдохнула.

Небо раскинулось надо мной, синее, чистое и бесконечное. Если повернуться чуть влево или вправо, там возвышались цветы. Но я не видела замка, он был скрыт, и это потрясло.

— Я могу быть где угодно, — прошептала я.

— Всюду, — сказал он, сидя на каменной скамейке надо мной. — Понимаете, почему я хотел, чтобы вы это увидели?

— Да, — выдохнула я. Все было идеально, и я закрыла глаза. Солнце светило на лицо, и я притворилась, что я одна, но не из-за него, не потому, что он мой страж. Я была просто девочкой среди цветов в последние дни лета.

Я уловила движение рядом с собой, открыла глаза и села. Лиф сидел рядом со мной, и мне пришлось моргнуть, после яркого солнца мир казался синим.

— Что ты делаешь? Ты же в дозоре.

— У меня ушки на макушке, миледи. Если кто приблизится, я услышу и вскочу на ноги раньше, чем нас заметят.

Я настороженно смотрела на него.

— Нам нужно идти...

— Еще немного. Я хочу увидеть то, что видишь ты.

Я долго смотрела на него, а потом легла на спину, сердце колотилось так громко, что я слышала его в ушах. Через миг он лег рядом со мной, храня расстояние между нами, но все же слышала его дыхание.

— Все хорошо? — спросил он.

— Да.

— Мы с сестрой так делали на ферме.

Я задержала дыхание. Он редко рассказывал что-то настоящее о прошлом, и я не хотела спугнуть его. Но его слова словно ждали реакции, и я тихо ответила, чтобы он пропустил мимо ушей, если бы хотел:

— Да? Как ее зовут?

— Эррин. Она на год младше меня, как и ты. По вечерам после ужина мы лежали в саду и смотрели, как уходит солнце, как появляются звезды. Порой родители присоединялись, мама приносила одеяла и какао, а папа играл. Было приятно.

От его слов в горле появился комок. Как он терпит это?

— Ты, наверное, скучаешь.

— Все время. Сложно быть так далеко, не зная, что с ними там. Мама плохо перенесла смерть отца. Он был любовью ее жизни, ей сложно без него. А Эррин почти закончила обучение. Она училась на травницу.

Мои глаза расширились, все встало на места. Потому он так много знал о травах.

— Пока ей пришлось прекратить, — продолжил он. — Она нужна маме. Но однажды у меня будет достаточно денег, и она продолжит. Я могу помочь им отсюда. Как и ты своим, — он вздохнул. — Нам приходится делать все, чтобы позаботиться о родных.

— Лиф, — мягко сказала я, повернулась на бок, чтобы видеть его, и пригладила юбки. — Как ты потерял отца?

Он вздохнул, сморщил нос, и я думала, что он не ответит, что я погасила его желание рассказать о себе.

— Был случай на ферме, — начал он. — Он хотел отвести быка, а он был упрямым и старым, многих ненавидел. Отец хотел успокоить его, и бык напал. Он убежал, но неудачно упал на ржавые вилы, что мы не убрали. Сестра промыла рану и перевязала, у нее хорошо это получалось, но когда лекарь прибыл, у отца уже был столбняк. А это не лечат даже у нас, — он печально улыбнулся. — Он знал, что не выживет.

— Надеюсь, это было быстро, — сказала я.

— Могло быть быстрее, — тихо сказал он. — Но боли почти не было, благодаря слезам мака. Я оставался с ним почти все время, мама с сестрой не могли выносить этого.

— Мне жаль, Лиф.

— Спасибо, Твайла.

Мы смотрели друг на друга, и я заметила веснушки на его переносице, несколько светлых точек, но я была очарована ими. У меня тоже были веснушки — на лице и плечах, на груди и спине. А потом я вспомнила его обнаженные плечи, чистую кожу, и мне стало слишком жарко, кожа натянулась. Когда я посмотрела в его глаза, мир остановился, и я никогда еще не ощущала так сильно пульсацию крови в венах.

— Можно спросить кое-что, Твайла? — тихо сказал он.

Я медленно кивнула.

— Ты любишь принца?

Этого я не ожидала.

— Почему ты спрашиваешь?

— Дорин говорил что-то, когда я только прибыл.

Я тут же села.

— Что сказал Дорин?

Лиф тоже сел и вскинул руки, чтобы успокоить меня.

— Ничего плохого, обещаю. Он рассказывал мне об истории замка, и он упомянул вашу помолвку и сказал...

— Что сказал?

— Что ваша роль лежит на вас тяжким грузом, и что его работа, и моя, облегчить его, если возможно. Он сказал, что ты была не такой серьезной, но после случая с мальчиком ты изменилась. И что мы должны делать все, что можем, чтобы твоя жизнь была приятной.

Я отвернулась от него. Лиф кивнул.

— Не твоя вина то, что случилось с тем мальчиком, ты понимаешь?

Я резко рассмеялась, живот болел.

— Разве? На его коже были мои руки.

— Нет, — сказал он твердо. — Ты делала то, что тебе приказали, — он замолчал. — Так ты?

— Что я?

— Любишь его?

Я посмотрела на Лифа, легла и закрыла глаза. Я не знала, что чувствую. Я никогда не думала о любви. Мы были помолвлены с тех пор, как я прибыла сюда. Я всегда знала, что однажды мы поженимся. Это как осознание, что солнце взойдет, что небо синее. Просто так есть.

— Не знаю, — сказала я. — Это не... не важно.

— Тогда это нет, — сказал он, снова устроившись рядом со мной.

— Почему? — я открыла глаза и повернула голову.

— Потому что в любви все важно. Очень важно.

— Откуда ты знаешь?

Он посмотрел мне в глаза.

— Это просто знаешь.

Выражение его лица пугало, и я вспомнила прошлую ночь. Как я хотела коснуться его, как мои глаза были темными и круглыми, когда я посмотрела в зеркало после того, как он ушел.

— Ты когда-то любил?

— Твайла...

Испуганный вскрик заставил нас вскочить на ноги. Лиф начал вынимать меч.

Там стояла Димия, белая, как старое молоко, в ее больших глазах застыло обвинение, она смотрела то на него, то на меня.

### Глава 13:

Ее рука взлетела к груди, она смотрела на нас, схватившись за воротник формы.

— Прочь отсюда, — грубо сказал Лиф, убирая меч в ножны. — Тебя не должно быть тут.

— Простите, я... — она отвернулась, но Лиф схватил ее за руку.

— Нет, Димия. Прощу. Прости, — с жалостью сказал он. — Ты меня напугала. Я не хотел так нападать.

Она кивнула, хотя ее глаза были прищурены, взгляд передвигался с него на меня. Я

подняла плащ, накинула на плечи, словно щит.

— Зачем ты здесь? — спросила я ее.

Она тут же опустила голову.

— Простите, миледи. Принц послал меня найти вас. Я все обыскала.

Я сжалась от ужаса из-за того, что это значило. А если Мерек пришел в сады сам и подслушал нас с Лифом? Мы были дураками...

— Принц? — сказала я как можно спокойнее.

— Да, миледи, — тихо сказала она. — Он пришел в вашу башню, а я убирала там, и он попросил найти вас.

— Никто не должен знать, что леди была здесь, Димия, — твердо сказал Лиф.

— Но принц...

— Димия... — начал Лиф, но я прервала его.

— Ты ничего не скажешь, — холодно сказала я, шагнув к ней, кожу покалывало от того, что я собиралась сделать. — Ты забудешь, что видела нас здесь, ты соврешь, если тебя спросят. Ты забудешь, что слышала. Потому что иначе я могу случайно задеть тебя. Или твоего брата, — для усиления я подняла руки.

Если это было возможно, Димия побледнела еще сильнее. Лиф уставился на меня. А я смотрела только на нее.

— На твоём месте я бы научилась молчать. Понимаешь меня?

Она безмолвно кивнула.

— Иди, — сказала я. — Ты нас не видела.

Она снова кивнула и бросилась прочь, а Лиф смотрел на меня. Я отвернулась.

— Это было жестоко, — тихо сказал он.

— Выбора не было, — ответила я, хотя мне было плохо от того, что я сделала.

— Да. Она испугалась. Ты этого не видела? Она бы ничего не сказала.

— Ты не можешь этого знать. Я не могу рисковать, Лиф.

Я заставила себя посмотреть на него, укор в его взгляде был пощечиной.

— Ты угрожала казнить ее? И ее брата?

— Я не сделала бы этого. Никогда, — сказала я. — Я лучше других знаю, что это значит, и я никогда бы не коснулась их. Но у меня есть только такая сила, Лиф. Только страх. И если придется говорить так, чтобы защитить тебя, то...

К моему удивлению, он перебил меня хохотом.

— Защитить меня? Зачем тебе защищать меня?

— Потому что... так надо.

Он посмотрел на меня, нахмурился и кивнул.

— Нам лучше вернуться.

— Не злись на меня.

— Я не злюсь.

— Я пыталась тебя защитить, — тихо сказала я.

— Защищать тебя — моя работа. И защищать их от тебя.

Его слова стали новой пощечиной. Я не думала об этом в таком ключе.

— Ты извинишься позже перед Димией? — тихо попросила я. — Скажи, что мне жаль, что я не буду так поступать.

— Нет, — просто сказал он. — Ты извинишься.

— Я не могу.

— Не можешь? Или не хочешь?

Он шел впереди, а мне было плохо внутри, и стало еще хуже, когда я увидела Мерека на пороге башни с мрачным видом. Я быстро поклонилась ему.

— Я тебя искал, — сказал он, и хотя его голос был твердым, выражение лица смягчилось, и я плотнее закуталась в плащ.

— Простите, Ваше высочество, — сказала я. — Я гуляла.

— Я просил быть незаметной, — сказал он.

— Так и было, Ваше высочество, — сказала я. — Я хотела погреться на солнце по пути из храма.

— Не важно, — заявил он. — Я не потому здесь.

Сердце сжалось. Я посмотрела на него.

— Мы пойдем в твою комнату, — он указал, чтобы я прошла мимо него, но остановил Лифа, пытающегося пойти следом. — Принеси вина, — приказал он и повел меня по ступенькам.

Ноги были тяжелыми. Я словно постарела на тысячу лет, когда мы увидели Димию. Когда я открыла дверь, то увидела, что свет солнца закрыло облако. Я повернулась к нему.

— Что случилось? — выдавила я слова из пересохшего горла.

— Я хотел сказать тебе сам... Дорин мертв. Мне очень жаль.

Я моргнула, стены комнаты сдвигались и давили на меня, выдавливая из меня жизнь.

— Твайла? — услышала я его, а потом оказалась на спине, надо мной были страж и принц, и я растерялась при виде крыши над головой, хотя я должна была видеть цветы и небо. А потом я поняла, что упала в обморок, что я в комнате. Раньше я в обморок не падала.

— Что делать? — спросил Лиф. — Я не могу касаться ее.

— Я могу...

— Нет, — услышала я свой голос, словно издавека, и попробовала сесть.

Облегчение в их глазах было заметным, и Лиф поспешил принести стакан воды. Мерек опустился рядом со мной и протянул руку за стаканом. Лиф замешкался и сунул стакан чуть неловко в руку Мерека, глядя на него свысока, но принц не заметил, он прижал стакан к моим губам.

— Пей, — сказал Мерек, и я послушалась.

— Когда? — спросила я, он убрал стакан от меня и поставил рядом.

— Недавно. Я пришел, чтобы сказать, что он при смерти, но не мог тебя найти. А пока я ждал, пришла весть, что он умер.

Я допила поду и подумала о слезах мака. Если бы я не пошла в сад с Лифом, Мерек нашел бы меня... Я побыла бы с ним в последний миг, смогла бы попрощаться.

— Он был один?

— С ним был лекарь. Он не страдал.

— Можно его увидеть?

Мерек скривился.

— Не думаю, что он хотел бы этого, Твайла. Дорин хотел бы, чтобы ты помнила его живым.

Я кивнула с комком в горле, и я не могла сглотнуть его.

— Спасибо, — сказала я. — Снова.

— Ты ничего мне не должна, даже благодарности, — тихо сказал он. Лиф за его спиной переминался с ноги на ногу. Мерек вспомнил, что он здесь, и он проявлял недовольство.

Принц встал на ноги.

— Я оставлю тебя отдыхать, — сказал он. — И скоро позову.

Он кивнул мне, и Лиф поклонился, когда он пошел прочь.

— Я останусь, — сказал он тихо, когда Мерек ушел. — Вам нельзя оставаться одной.

Почему у меня может быть только один друг? Был Тирек и погиб. Теперь я потеряла Дорина, остался только Лиф. Кто заберет его у меня?

Я не могла спать, не могла даже притворяться, я ходила по ночам перед окном. Когда небо было самым темным, я заметила три кометы, летящие по небу, как птицы перед зимой. Это как-то успокоило меня, словно это был знак от Дорина, что он в порядке, или от богов, что они меня все еще любят. Я смотрела на небо, пока солнце не поднялось и не скрыло от меня звезды. Лиф оставался со мной, тихо сидел в углу на стуле. Как-то я повернулась к нему, но он не спал, а сидел с мечом на коленях и следил за мной, а потом кивнул, когда наши взгляды пересеклись.

Он принес мой завтрак, я умылась и переоделась, и движения были привычкой. Я не понимала, как такой сильный Дорин мог пасть от укуса пчелы. Это казалось глупым.

— Мы останемся сегодня здесь? — я поняла, что Лиф на пороге с подносом в руках.

— Нет. Мне осточертели эти стены.

Лиф кивнул.

— Мне очень жаль, Твайла.

— И мне, — сказала я. Я была виновата, что забыла о самом верном товарище, оставила его умирать одного в подвале замка. Боги не спасли его ради меня.

\* \* \*

Музыка тихо играла где-то снаружи, пока мы спускались в башне, и это успокаивало меня, разливало бальзам на раны, нанесенные горем, сглаживало их. Я повернулась к длинной галерее, надеясь заметить музыканта в окна, и увидела другую девушку, крохотную и темноволосую, что уже так делала.

— Димия, — сказала я, она повернулась, стеклянные глаза прояснились, когда она поняла, кто говорит с ней. Она прижалась к стене, напоминая мне мое поведение при королеве. Мне снова стало не по себе. — Прости, — сказала я твердо, пока они с Лифом не заговорили. — Я не должна была угрожать тебе. Я тебя не трону. Никогда. Прости, что так говорила.

Она посмотрела на Лифа, кивнув.

— Я ничего не скажу, миледи. И не сказала бы. Вы не дали договорить, — она замерла и посмотрела мне в глаза. — Двое моих братьев служило королеве. И одного из них, Эшера, она забрала, потому что он слишком много улыбался.

Я раскрыла рот, мы молчали. Флейтитст выводил душераздирающую мелодию, звук был сладким и печальным, и я хотела пойти туда, положить голову на колени музыканту и дать ему унести мои тревоги прочь.

— Так что, — тихо сказала Димия, в голосе звучала тоска, — я знаю.

— Прости, — мягко сказала я. — Можешь передать спасибо своему другому брату, когда увидишь его? За то, что доставил послание принцу.

Димия печально улыбнулась.

— Передам, миледи. Я как раз иду к нему. Он свободен, пока король и принц на охоте, а королева отсутствует. Ему нравится принц, миледи.

Я кивнула и поняла, что она сказала.



— Королевы нет?

— Да, миледи. Она отправилась к озеру. Король и принц охотятся, но они оставили Таула. В замке почти никого нет. Потому кто-то и осмелился играть на флейте в саду, — она повернулась к окну. — Красиво, да?

Я кивнула и постаралась изобразить спокойствие, музыка и надежда наполняли меня теплом. Мы могли двигаться, как захотим, и никто не мог помешать нам.

— Да. Что же, надеюсь, вы с братом воспользуетесь этой свободой, — улыбнулась я.

— Да, миледи, — она присела в реверансе и повернулась к окну. — Да.

Я шла по длинной галерее, а улыбка стала шире, и Лиф с любопытством поглядывал на меня. Когда мы завернули за угол, он спросил:

— Что тебя так обрадовало?

— Замок наш.

Лиф улыбнулся.

— Что будем делать? Вернешься в сад травника?

Я подумала о Дорине и покачала головой.

— Не сегодня. Я хочу пойти в свой храм, но мы можем по пути заглянуть в разные места. Ты видел огороженный сад?

Он покачал головой.

— Нет.

— Он небольшой, клумбы и витые дорожки. Можно сесть там и послушать музыку.

Лиф растерялся.

— Какую музыку? Ничего не слышу. И Димия о ней говорила. Я думал, ей что-то слышится из-за страха.

— Что это значит? — я шагнула к окну и склонила голову. — О, ушел. Но там была флейта или дудочка. Было красиво. Я бы хотела выучить мелодию, сделать из нее песню.

— Ловлю на слове, миледи, — ухмыльнулся Лиф, я захотела ткнуть его локтем. Но я помнила о последствиях. Я покраснела, и он посмотрел на меня. — Ты в порядке?

— Жарковато, — сказала я. — Мне бы на свежий воздух.

— Может, стоило отправиться к озеру с королевой. Горный воздух прохладный, так мне говорили.

— Мне не пригласили. И не пригласят.

— Как грубо. Разве ты не пела обычно королю, пока ее нет?

— Обычно да. Но сегодня странный день, она не должна была туда отправляться, но, видимо, есть причина. И я не могу петь королю, раз он на охоте.

— Я бы лучше послушал тебя, чем охотился, — сказал Лиф. — Я бы позвал тебя к себе, чтобы ты пела для меня, а не преследовал оленя.

— Королю нравится охота, — начала я, смутившись от его слов. — И я буду петь ему через два дня, когда королева отправится... — я осеклась. Зачем она уехала сегодня? Ее поездки были связаны с ее лунным циклом, а сегодня луна еще убывала. Она никогда не уезжала на убывающую луну, ведь это луна смерти, моя луна. Тогда где она? И хотя король любил охотиться, он бы скорее слушал мое пение. Почему они вдруг покинули замок?

Три удара сердца, и рядом словно оказались гончие с охоты. Все спокойствие музыки пропало. Остался страх, жаркое дыхание охотника на шее, челюсти на ногах. Я застыла, страх сковал меня.

— Миледи? — сказал Лиф. — Что такое? Ты в порядке?

— Мне нужно на воздух, — сказала я. Ноги дрожали, пока я спешила по замку. Лиф поспевал за мной. Я споткнулась на ступеньках, но удержалась и продолжила путь, не останавливаясь, пока я не оказалась в огороженном саду. Я упала на колени и уткнулась лицом в ароматную лаванду.

Что-то не так. Каждая кость в моем теле говорила, что что-то не так. Мерек сказал бы, если бы планировалась охота. Он мог бы пригласить меня, если бы знал. Охотились редко, а тут за месяц был уже второй раз. И королева не должна была уходить сегодня. Это всегда было в день после Предсказания. Смерть в один день, жизнь на следующий. Почему замок пуст? Почему порядок изменили? И тут я поняла. У меня всегда было два стража, а теперь был один. Я была заперта в комнате, а теперь на свободе. Кто поможет, если на меня нападут? У меня был только страж, которого я считала скорее другом, чем защитником. Этот страж сражался с принцем несколько ночей назад за мою свободу. И свобода была против приказа королевы, за ее спиной. Она знала, что сделал Мерек.

Это ловушка. Ловушка. Но для кого? Для меня? Лифа? Она знает, что мы стали друзьями и говорили о запретных вещах?

И тут я поняла. Мерек действовал за ее спиной ради моей свободы. Мерек. Принц Лормеры сдался фермерскому сыну из Трегеллана. И теперь мы платили за это. Убывающая луна.

Мы отплатим за это сегодня, и я потеряю еще одного друга, которого нельзя было заводить. И я снова убью единственного друга.

Я посмотрела на Лифа, на его лице отражалась тревога.

— Твайла? — настороженно спросил он.

— Нет, — сказала я. — Обращайся ко мне как «миледи».

Он отпрянул, словно я ударила его, и побелел.

— Я чем-то оскорбил вас?

Я не обратила внимания на панику в его голосе.

— Ты слишком близок, — сказала я, голос дрожал. — Так нельзя... Я не могу быть тебе другом.

— Твай... миледи? Вы в порядке?

— Нет, — сказала я. Я оттолкнулась от земли под лавандой и сжала кулаки, чтобы скрыть дрожь. — Это ошибка. Тут может быть кто угодно, а ты не заметишь, отвлеченный разговором со мной. Ты должен работать. Ты не можешь быть моим другом, — я оторвала руки от земли и встала на ноги.

Я чувствовала его взгляд, его вес давил на меня, и я старалась дышать ровно, считала вдохи, пока сердце не успокоилось. Я посмотрела на него и застыла из-за боли на его лице.

— Что такое? Твайла, объясни, — он казался уязвимым от потрясения.

— Хватит, Лиф. Мы не можем так делать. Не можем, — я развернулась и пошла прочь, пытаюсь думать. Королева будет следить? Она любила зрелища. Я огляделась в поисках движения, знака, что нас схватят. Сколько людей она пошлет против него? Десять? Пятнадцать? Больше? Я шла по саду, сжав кулаки.

Я чувствовала Лифа за собой, ощущала его смятение, которое он выдыхал. Вес его боли был ужасным, он и злился, не пытался скрыть чувства.

В храм или в комнату? В комнату. Храм оставался уязвимым. Нам пришлось бы его покидать потом.

— Мы возвращаемся, — резко сказала я. — Быстро.

Я шла по ступенькам, и он шагал за мной, сапоги его стучали по дереву, и мое сердце ускорило от ощущения, что нас преследуют. Я двигалась быстрее, он тоже, и своей скоростью мы потревожили слуг, что скрылись за гобеленами, очистив путь.

У двери в башню я подняла юбки и побежала, ужас гнал меня вверх. Убежище комнаты уже было видно. Я потянулась к двери, но его рука опередила меня. Я по привычке отпрянула от его кожи, его близость прижала меня к стене башни, а он прижал руку к двери, закрыв ее, а другую руку протянул, чтобы я не могла пройти мимо него.

— Что я сделал? — осведомился он, глаза пылали, как лампы.

— Назад, — сказала я, вжимаясь в стену, а он нависал надо мной.

— Твайла, не делай этого. Поговори со мной.

— Назад, ради богов, Лиф. Ты слишком близко.

— Нет, пока ты не скажешь, в чем дело. Чем я заслужил это?

— Ничем.

— Не будь жестокой, — он шагнул ближе. — Не угрожай мне, будто я такой, как остальные.

— Лиф, прошу. Тебе нужно отойти. Если ты меня коснешься, то...

— Что?

— Ты умрешь. Ты будешь отравлен и умрешь.

— Да?

— Ты знаешь это. Предсказание...

— Это ложь.

Я смотрела на него, качая головой.

— Предсказание...

— Это ложь, повторил он. — Все это.

Пауза, и мой ледяной голос произнес:

— Что ты имеешь в виду?

— Ты не можешь верить в это. Подумай, Твайла. Как ты можешь быть с ядом в коже, что не убивает тебя, потому что у тебя верный цвет волос и благословение богов? Как такое возможно?

— Ты ничего не знаешь о богах и их... ты даже не веришь в них, — я слышала свой лепет, я боялась его близости и его слов.

— Думаешь, если бы были боги, они бы позволили королеве так себя вести?

— Я Донен Воплощенная. Меня помазали. Я посвятила жизнь богам...

— Ты не Донен Воплощенная. Такого человека нет. Они дали тебе титул и пустили страшный слух, чтобы заставить людей слушаться. Она использует тебя.

— Как ты смеешь? — зашипела я. — Ты не понимаешь... Как ты можешь? Ты из Трегеллана. В Лормере все иначе.

— Нет, Твайла, и я это знаю, потому что я из Трегеллана. У нас тоже были боги. А теперь нет, и страна не пала, она живет без них. Ты этого не видишь? Это все выдумка. Ты не любима богами, потому что их нет. И нет яда, что ты принимаешь, что не убивает тебя. Это ложь, наглая ложь, а ты слишком умна, чтобы верить в это, — он замолчал и провел рукой по волосам. — Утрава — не яд. Поверь, я знаю яды, моя сестра же травница, помнишь? Это ложь, чтобы ты была послушной, чтобы делала то, что они хотят. Ты это не видишь?

— Хватит! — завизжала я.

— Нет, пока ты не выслушаешь! Если боги есть, то почему они не пронзили меня за клевету? Почему я не наказан?

— Я не знаю...

— Потому что их нет, — взревел он. — Их сочинили, чтобы такие люди, как королева, были выше людей, как я, чтобы мы слушались. Это все ложь. Ты видела лисиц, что боятся богов? Видела коров в поле, пытающихся ублажить их? Если боги есть, что все и вся должны им служить, чувствовать их влияние. Но так только в Лормере. В Трегеллане их нет, как и в Таллите. Это ни о чем тебе не говорит? Дело во власти, в твоём послушании. Люди, как королева, говорят, что если мы не будем поступать, как хотят боги — она — то наши души прокляты. А скольких убила она? Чья душа должна быть проклята — ее или твоя?

— Я убийца, — парировала я. — Я казню за измену. Конечно, я проклята.

— Ты никого не убивала, — резко сказал он. — Это не правда.

— Ошибаешься.

Он раздраженно фыркнул, ударил руками в стену над моей головой, я вздрогнула.

— Как мне доказать это тебе?

— Никак.

— Нет, я могу, — медленно сказал он. — Могу.

Он склонился и прижался губами к моим губам.

## Глава 14:

Я оттолкнула его от себя изо всех сил и побежала вниз. Он схватил меня одной рукой за талию, другой зажал мой рот, подавив крик. Я боролась, но он втолкнул меня в комнату, закрыл ногой дверь. Он отпустил меня, и я потянулась за его мечом. Я убью его раньше, чем это сделает яд.

— Стой! — закричал он, снова поймал меня и прижал к груди. — Подожди.

— Ты глупый, зачем... — я всхлипывала. — Пусти, ты делаешь только хуже.

Но он не слушался, крепко держал меня, и хотя я знала, что больно бью его по ногам, он не отпускал. Я ждала, что он закашляется, упадет, и прольется жаркая кровь на меня, но этого не было. Я была в его объятиях, но он не умирал.

Через пару мгновений он отпустил меня, и я отпрянула, глядя на него.

— Я не умер, — тихо сказал он. — Я в порядке.

Я покачала головой.

— Нет, ты молод и силен. Наверное, нужно еще подождать. Ты умираешь.

— Нет. И ты не ядовита.

— Это безумие. Ты безумен.

— Это ложь, Твайла, — сказал он. — Ложь. Посмотри на меня, — он раскинул руки, глядя на меня.

Я не понимала. Я ждала, что он вскоре закашляется, начнет задыхаться, и я убью его мечом. Лучше так, чем иначе. Ожидание было болью.

— Что ты наделал? — повторяла я снова и снова едва слышно. Кожа на моей коже. Его губы на моих губах. Мы пробовали друг друга на вкус. — Ты коснулся меня. Я Донен Воплощенная, и ты коснулся меня. Что ты наделал?

— Ты не Донен Воплощенная.

— Нет, я — это она.

— Ради твоих богов, Твайла, это ложь! — взревел он. — Ты просто девушка.

**Больше книг на сайте - [Knigolub.net](http://Knigolub.net)**

Я бросилась на него, обнажив ногти, зубы впились в его кожу, я забыла, что он уже умирал от моего прикосновения. Я боролась, царапалась, как только могла, всхлипывая. Он старался оградиться, но я цеплялась за него и ударяла кулаками. Я не поняла, когда наши губы соприкоснулись, когда атака изменилась, но мои ногти впились в его лицо, удерживая его губы на моих. Поцелуи были жаркими, влажными и буйными, наши зубы встретились, когда он врезался спиной в мой комод, я ощущала кровь на его губах, там, где я укусила его. Когда я отпрянула, он смотрел на меня, и его глаза были и темными, и яркими, зеленой радужки почти не было видно из-за зрачков. Он дышал тяжело, как и я, и мы стояли и ждали. Он не упал на пол. Из носа не пошла кровь. Я еще не видела кого-то настолько живым.

Он двинулся первым, притянул меня к себе и обвил руками, жадно целуя в лоб, а я сдалась его объятиям.

\* \* \*

Он держал меня долго, ведь когда я оторвала лицо от складок его туники, тени в комнате передвинулись, падали на статую. Мы сидели на полу, я была на его коленях, как ребенок, его руки обвивали меня под моим плащом, и он целовал меня.

Он все еще был живым. Прошли часы, но он был живым. Он гладил мои руки, спину, его пальцы не покидали меня, касались обнаженной кожи, где он мог. Я все еще дрожала, но не понимала, чего боюсь.

— Твайла, — мягко сказал он, поворачивая рукой мое лицо к нему.

Мои глаза расширились, когда я посмотрела на него. Его нижняя губа опухла, на ней была царапина. Его волосы растрепались, окружали теперь его голову, как нимб. Когда я отвела взгляд, то увидела царапины на его шее.

Он приблизил свое лицо к моему.

— Ты в порядке?

— А ты?

— В полном, — он улыбнулся. — Я в полном-преполном порядке и очень-очень жив.

— Я... — я не знала теперь. Не понимала. Я была уверена только в одном. — Я предала принца. Я помолвлена с ним. Что теперь делать?

— Все будет хорошо, — сказал он. — Обещаю. Завтра все станет ясно. Верь мне еще немного.

Я покачала головой, понимая, что он не прав, но желая, чтобы он мог быть прав. Измена была горькими и сырыми зернами фенугрека. Теперь мой гроб будет в них.

— Скажи что-нибудь, Твайла, — сказал он. — Поговори со мной, прошу.

Я отстранилась от него и поднялась на ноги, голова кружилась. Ощущение тепла его кожи на моей было чем-то непривычным. Я забыла, как приятно человеческое прикосновение. Воспоминания нахлынули на меня: моя рука в руке короля, он ведет меня к маме, запах шеи мое сестренки, когда я прижималась к ней во время бури, жар ладоней брата, когда он шлепал меня по рукам и требовал поделиться вишнями с ним. Кожа на моей коже. Я не знала, что мне этого так не хватало.

Но пока мы не соприкасались, я вспомнила, кто я.

Я прошла к зеркалу. Сначала я не узнала девушку, что смотрела на меня с опухшими от поцелуев губами и спутанными волосами. Она не выглядела как сосуд для дара богов или как будущая правительница королевства. Она не выглядела как убийца. В угасающем свете дня

мои волосы сами были закатом — красным, золотым, спутанным, — и меня охватило смятение. Волосы Донен. Помолвка с принцем. Измена.

— Поговори со мной, — сказал Лиф позади меня, и я отошла до того, как он коснулся меня, потому что не доверяла себе, а должна была верить только себе. — Не отталкивай меня, Твайла. Прошу. Не закрывайся от меня и не притворяйся, что меня нет.

— Я не делаю этого.

— Делаешь. Я месяц провел в твоём обществе. Такой ты была, когда я тебя встретил. Ты изменилась к лучшему. Ты лучше, чем они. Не будь такой, как они.

— Нельзя так говорить.

— Твайла, ты не можешь отрицать...

— Не могу, Лиф, — я повернулась к нему. — Но я не понимаю, что это.

Он помрачнел.

— Знаю, слишком многое...

— Ты не знаешь! Откуда тебе? Люди умирали, потому что я — Донен Воплощенная. Они умерли из-за лжи? А Мерек? Я буду его женой, Лиф. Я помолвлена, и свадьба будет следующей весной. А то, что сделали мы, — измена. Мы совершили измену. А я казнь за такое, — я не сдержала смех, но он звучал жалко, без радости. — Как мне казнить тебя, если у тебя иммунитет?

Он молчал, глядя на меня большими глазами, его руки были перед ним, чтобы успокоить меня.

— Прошу, — я вскинула руки, чтобы не дать ему шагнуть ближе. — Мне нужно время. Нужно подумать.

Он посмотрел на меня и тихо сказал:

— Мы можем уйти отсюда.

— Ты меня не слышишь? Я выйду за принца. Я не могу уйти.

— Нет. Выходи за меня. Мы сбежим.

— Нет, Лиф. Нет из-за тысячи причин. Покинь Лормеру. Я разберусь с остальным. Я попрошу обустроить все для купания, а стражей попрошу, когда закончу. Это даст тебе время. Убедись, что ты будешь уже далеко.

Он смотрел на меня, а потом кивнул. Я отвернулась. Я не могла смотреть, как он уходит.

— Я попрошу принести тебе воду.

Он ушел, дверь закрылась за ним. И засов звякнул с укором.

Я задыхалась, чувства набегали на меня волнами. Стоило мне закрыть глаза, и он словно снова целовал меня, и от этого кружения я открывала глаза. Я была почти у двери, когда кто-то постучал, и у меня появилась жуткая надежда, что это он. Но нет, служанки принесли воду. Я безмолвно ждала у стены, а в комнату прошло больше десяти служанок с кувшинами с горячей водой. А если я коснусь одной из них? Она упадет? Кричать будет точно, но убьет ли это ее? Что, если да? А если нет?

Когда они ушли, я разделась и забралась в кадку. Вода была такой горячей, что я дрожала, пока жар не поглотил холод, что был внутри. Да, кожа пусть будет красной из-за воды.

Я смотрела на потолок, прижавшись к краю кадки, мыслей было много, они расталкивали друг друга, как женщины на рынке. Почему на нем не сработало? Почему я не отравила его? Люди погибали, когда я касалась их после Предсказания.

Я подумала о Предсказании завтра. Я провалюсь. Я разрушила веру богов в меня. Я поцеловала мужчину, с которым не была помолвлена. Я усомнилась в силах, что они дали мне. Я буду наказана, яд убьет меня. А потом боги накажут и Лифа.

Так ведь?

Я выбралась из ванны, укуталась в халат и устроилась перед статуей, что оставалась у моей стены. Вы здесь? Они не отвечали мне, как и всегда, но обычно я была спокойна, пока говорила с ними. В этот раз я ничего не чувствовала.

Я старалась отогнать страх, вне храма с ними всегда было сложнее говорить. Я провела бы там ночь, прося у них помощи, моля о прощении. Я почувствую их, когда рядом будет источник Нэхт и благовония.

Но подлые голоса в голове шептали, что я должна уметь слышать их, где бы ни была. И голос принадлежал не Лифу, а маме.

Я попыталась вспомнить, что она говорила о богах. Она говорила о службе Нэхт, но всегда образно. Мы никогда не ходили в храм молиться ей, пока я не попала в замок, я вообще не бывала в храме, и мама никогда не вспоминала богиню, лишь работала от ее имени. Причиной всему была воля Нэхт. Но когда она молилась ей?

— Твайла, ты Донен Воплощенная, значит, мы с королем — представители Нэхт и Дэга. Так жители знают, что ты благословлена, ведь мы существуем, — говорила королева.

А Лиф...

— Они сочинили это, чтобы такие люди, как королева, были выше людей, как я, чтобы мы были послушными. Все это ложь.

О, боги. Я обхватила себя руками, подражая тому, как меня обнимал Лиф. Он прав? Ни мама, ни королева не говорили, что верят в богов. Мама нуждалась в них, потому что без богов не было бы и Вечного королевства, а Пожирание грехов было бы лишь скорбным пиром. Для королевы они были страхом смерти, что делал людей послушными, хорошими и сговорчивыми.

Что за боги позволили бы маме и королеве так себя вести, принимать такие решения и играть с людьми? И если богов не было, то кто тогда я, если я не Донен Воплощенная? Если я не убиваю ради богов, то я убиваю хладнокровно. На моем гробу будет много тарелок с воронами. Больше ничего и не поместится.

Но Лиф сказал, что и это ложь. Что он имел в виду?

Когда в дверь постучали, сердце чуть не выскочило из груди.

— Да, — отозвалась я, стараясь звучать спокойно.

К моему ужасу, это был Лиф с подносом с едой.

— Твой ужин, — он кивнул на поднос. — Хотя, ты его не хочешь, наверное?

— Что ты здесь делаешь? Я сказала тебе уйти.

— Я никуда не пойду. Я прав, и завтра на Предсказании ты это увидишь.

— Лиф, если я для тебя важна, то ты уйдешь.

— Тогда я не увижу твое лицо, когда ты поймешь, что ты ошибалась.

— Ты невозможный, — проворчала я.

— Но я прав.

Я вздохнула и отвернулась от него, отчаявшись и восхищаясь его смелостью.

— Нет смысла спорить, Твайла. Я остаюсь. Я буду здесь завтра и отведу тебя на Предсказание. А потом буду принимать твои извинения, — он улыбнулся. — Но мне нужно, чтобы ты кое-что сделала для меня.

— Что?

Он протянул мне маленький пустой флакон.

— Не принимай завтра утраву. Я отвлеку их, и ты спрячешь зелье в платье. А пустой флакон достанешь, словно выпила его.

— Зачем?

— Клянусь, это не то, что ты думала. Я докажу это. Доверься мне.

— Ты только и просишь об этом.

— И я еще не подвел тебя, — отметил он. — Я буду снаружи, если понадобится, — он поклонился и покинул комнату, а я качала головой, глядя ему вслед. Какой дурак.

Я посмотрела на поднос с едой, а потом на статую. Я хотела пойти в свой храм.

Я оделась, укуталась в плащ и открыла дверь.

— Раз уж ты остаешься, отведи меня в мой храм, — скованно сказала я.

Он кивнул, лишь немного приподнялись брови.

— Да, миледи.

Я попросила Лифа подождать снаружи храма и закрыла двери. Я зажгла благовония и все свечи в комнате. А потом повернулась к алтарю. Там, где была статуя, светлело белое пятно, стена казалась тусклой, по сравнению с ним. Я опустила перед ним, закрыла глаза, глубоко вдыхая аромат благовоний. Где вы? Вы нужны мне, потому что я запуталась и не знала, по какому пути идти. Мне нужна ваша подсказка.

Но ничего не было. Ни спокойствия, ни правильности. Боги, если ни существовали, не пришли.

\* \* \*

Я снова проснулась и была готова до рассвета. Лиф постучал, когда еще было темно, и я встала с любопытным спокойствием. Я хорошо спала, к моему удивлению. Ничто не беспокоило меня. Не было снов о смерти или вывихнутых конечностях, о наказании или зеленых глазах. Не было посланий от богов. Я словно очнулась от долгого сна. И теперь шла впереди Лифа и еще одного стража, которого королева назначила сопровождать меня на Предсказание, мое платье шуршало по каменному полу, как и на ступеньках в подвалы замка.

Замок пропах охотой, едкий запах собак висел в воздухе. Неужели только вчера я беспокоилась, что королева заберет у меня стража? Я забыла это после откровений Лифа. Как я ошибалась. А теперь она обрадуется, когда поймет, что натворили мы с Лифом, избавив ее от работы, если она ее планировала.

Я должна была бояться... и дрожать, но я немела, пока ждала, когда Лиф постучит в дверь и сообщит Ральфу, что я пришла.

Я сидела на стуле и смотрела на стену, игнорируя трех мужчин, игнорируя смех призрака Тирека. Я была тихой, я знала, что случится. Может, боги откажутся от моей крови, как только Ральф добавит ее в утраву. Может, смесь почернеет, и Ральф поймет, что я предала королевство. Или небеса почернеют, и все поймут, что я предала их. Я надеялась, что я хоть успею заслонить собой Лифа и другого стража, чтобы они сбежали. Я сжимала пальца на коленях, прекратив лишь тогда, когда Ральф цокнул языком и прижал нож к сгибу моего локтя. В другой руке я держала флакон, что дал мне Лиф. Я чувствовала покалывание кожи, Лиф смотрел на меня. Я бесстрастно следила за тем, как Ральф делает порез, и я повернула руку, чтобы капля крови упала в миску, что стояла внизу для этого.

Другой страж встал рядом с Ральфом, пока он добавлял мою кровь в яд, и Лиф теперь



смотрел на них. Я воспользовалась шансом рассмотреть его. Он был бледен, под кожей проступили скулы, пальцы сжимались и разжимались на рукоять меня. Он был не так уверен, как когда говорил, что все это сказки для запугивания людей. Что он сделает, когда нас раскроют? Попытается убить Ральфа и другого стража, чтобы сбежать? Заберет меня с собой?

Ральф бросил флакон мне на колени. Я смотрела на него, сердце замерло. Вот мы и раскрыты. Ральф двигался по комнате, я увидела на полу осколки, Лиф извинился и склонился, чтобы собрать сбитые склянки. Я спрятала флакон с утравой в рукав, а пробку вытащила из пустого флакона, а потом поставила его на стол и повернулась к мужчинам.

— Простите, — сказал Лиф, поднимая большие куски стекла, Ральф отогнал его, его губы зло двигались.

А потом мы ушли.

\* \* \*

Лиф ждал, пока мы не останемся одни на ступеньках башни, а потом протянул руку.

— Отдай его мне.

Я передала ему флакон, что был до этого в рукаве, пальцы задели его руку. Я не успела остановить его, а он открыл флакон, понюхал и опустошил, мигом проглотил жидкость.

И тут же скривился, а я в отчаянии схватилась за его тунику, пока он не схватил меня за руки.

— Это рябина, — он закашлялся, и выражение его лица было бы смешным при других обстоятельствах. — Нечто похожее на ликер. Мама заставляла пить такой, когда слышала, что я ругаюсь, — он спрятал флакон в кармашек на груди. — Горькое, только и всего. И это точно не яд.

Я убрала от него руки и отвернулась. Я не приняла утраву, и никто не заметил разницы. Травник, знающий Предсказание, не заметил, и боги, следившие за моими движениями, не наказали меня. Вчера я коснулась человека, поцеловала его, и он выжил. Он выжил, хотя только королевская семья могла так. И этот человек проглотил яд, что я принимала четыре года, а теперь говорит, что это средство его матери от ругательств.

То, во что я верила, не совпадало с этим.

Лиф говорил правду. Остальные вралы мне.

Боги не благословляли меня. Я не Донен Воплощенная. Я не знала, кто я.

Я прошла мимо Лифа и поднялась по оставшимся ступенькам в комнату.

— Напиши Мереку, — сказала я, пока он не заговорил, его руки уже тянулись ко мне. — Скажи ему, чтобы пришел к моему храму.

## Глава 15:

Я ходила по храму и смотрела на дверь. Лиф ждал снаружи, готовый сообщить о прибытии Мерека, и я старалась собраться с мыслями и успокоиться. Мне нужны были факты, нужно было узнать все.

— Его высочество, принц Мерек, — сказал Лиф, и я повернулась и увидела Мерека, идущего ко мне, на его лице была тревожная маска. И тут же щит уверенности, что я создала, начал трескаться. Я не успела сказать ни слова, Мерек заговорил.

— Твайла? Так ты слышала. Уверяю, беспокоиться не о чем, — сначала его слова потрясли меня, откуда он знал, что я поняла? Но я дослушала. — Это легкая горячка,

наверное, последствия охоты.

— О чем вы? — спросила я его.

— Король. А ты позвала меня не из-за этого?

Я покачала головой.

— Что с королем?

— Как я и сказал, горячка. Он поправится. Конечно, это значит, что завтра вы не увидите, матушка приказала перенести встречу, когда мы убедимся, что он здоров, но я уверен, что это произойдет скоро.

Я смотрела на него, хмурясь. Злиться уже не хотелось.

— Это не как с твоим стражем, — он не понял выражение моего лица. — Все не так. Не беспокойся. А еще мама решила остаться завтра в замке с отчимом, — на его губах появилась тень улыбки, но она быстро угасла, ведь я все еще стояла и молчала. — В чем дело? Почему ты меня позвала? Предсказание? Что-то случилось там?

Этого мне хватило, чтобы гнев вернулся.

— Из какого растения делают утраву? — спросила я грубо.

— Не понимаю.

— Из какого растения делают утраву? — повторила я. — Я не слышала о растении с таким названием. А ведь яд берется из растения?

— Я... не знаю, — сказал он, но недостаточно твердо, и я увидела, что его глаза чуть расширились. — А что такое?

— Я поняла утром, пока мне резали руку и поили меня ядом, что я даже не знаю, что принимаю. Я знаю, что яд делает, но не знаю, из чего он. А хотелось бы. Может, я даже украсила бы этими цветами алтарь, это было бы уместно, не находите? — каждое слово было продумано. Я звучала как опасная королева, и это меня радовало, хотя он, поняв это, побелел.

— Не думаю, что это будет уместно, — сказал Мерек, повернувшись к двери боком.

— Будет сложно украсить алтарь несуществующим цветком, — спокойно сказала я, и он почти упустил это.

Почти.

— С кем ты говорила? — спросил он, и я должна была радоваться, ведь это означало, что Лиф прав, а я — не убийца. Но я была сломлена, боль пронзила голову так сильно, что тянула к земле. — Твайла, где ты такое услышала?

Я покачала головой.

— Мне не нужно было слышать это, Мерек. Я не так глупа, как все вы думаете.

— Твайла, никто не думает...

— Ты врал мне! — накричала я на наследника престола. — Все мне ввали.

— Я никогда...

— Серьезно? Никогда? А Предсказание? Как тогда умирали преступники, Мерек?

Он закрыл лицо руками, пока я говорила.

— Я объясню, — он убрал руки и протянул их, чтобы успокоить меня. — Прошу.

То, что он сказал «прошу» остановило меня, а не его лицо и руки. Я вспомнила, с кем говорю, потому что мольба звучала странно с его стороны. Я сдержанно кивнула, и он кивнул в ответ, а потом начал расхаживать передо мной, а я стояла неподвижно.

— Мы... королевство было в упадке. Люди нервничали, буйствовали. Вскоре могли бы начаться настоящие проблемы. Нам нужно было вернуть им веру. Это придумала мама.

— Конечно, — выдавила я. — Но как у вас получилось? До этого дня я верила, что убила тринадцать человек. Если не от моей руки, то как?

— Они были отравлены до того, как ты заходила в комнату, — медленно сказал он, я видела, что он взвешивает слова по моим реакциям. Я старалась сохранять внешнее спокойствие. — В их последней порции еды. Им давали немного олеандра. Всем.

— Они не знали?

Он покачал головой.

— И они умерли, думая, что это была я? Тирек думал, что я его убила?

Мерек замер и покачал головой.

— Как это понимать?

— Только он знал, что это не ты.

Я прижалась к алтарю, чтобы не упасть, пытаюсь осознать услышанное.

— Потому его убили, да? Он рассказал бы мне правду, если бы понял, что мне плохо из-за этого.

Мерек смотрел на пол.

— Он знал. Он хотел тебе рассказать.

— И его убили.

— Он любил тебя, — сказал вяло Мерек.

— Любовь ко мне нынче измена?

— Прошу, Твайла. Лормера была близка к катастрофе. Ты должна понять, — молил он, и я отпрянула, злясь. — Королевству угрожали, людям нужно было... нужна была надежда, Твайла. Людям нужно было во что-то верить. В легендах говорилось, что Донен принесет надежду...

Хотя я уже это знала, слышать подтверждение было ужасно, как и стоять в храме и не чувствовать богов. Теперь все было правдой.

— Так я символ? И все время здесь я была символом для королевства? Зачем?

Мереку было не по себе, его губы скривились.

— Отец умер. Алианор умерла. Шли годы после брака мамы и отчима, а дочь у них не появлялась. Люди... боялись того, что будет с Лормерой, если у меня не будет королевы. Она вспомнила старые легенды о Донен, о дочери богини, что пришла в Лормеру во времена бед и вернула надежду. И отчим вспомнил тебя, рыжеволосую, с таким голосом... Донен не было уже век, никто из живых не помнил прошлый раз. Мы воевали, когда пришла прошлая Донен, люди умирали, но стоило ей появиться, и как мы победили. Она вернула веру. И если бы у нас была Донен, мы могли бы успокоить страну, дать им знак, что все хорошо. И мне нужна была невеста. В королевской семье все браки совершаются по крови; и если мне выбирать кого-то другого, то она должна быть чудом.

Он смотрел на пол.

— Нам нужно было воплотить это в реальность, понимаешь? Мы не могли привести обычную девушку, назвать ее дочерью богов и посадить на трон, люди не приняли бы этого. Нам нужно было заставить их поверить, что она божественна, нужно было доказать им.

— И вы решили улучшить легенду? Новая Донен были с силой богов убивать одним прикосновением? — фыркнула я. — Да, действительно. Кто бы стал спорить, зная, что может произойти?

— Твайла...

— Меня держали в башне, ограждали от всего, пока вы притворялись, что я служу

богам? Вы дали мне красивый храм и сказали миру, что я убийца, и безграмотные люди поверили. Какое у меня право так поступать?

Он вздохнул.

— Твайла, я хотел рассказать. Но потом все завертелось, и... — он умолк. — Прости. Но так нужно было сделать. Мы не хотели быть жестокими... — он сглотнул и продолжил. — Ты была обычной девушкой. Мы не могли объявить тебя моей невестой, не исправив положение. Мама придумала утраву как доказательство. В записях о прошлой Донен говорилось, что она назначала наказания, и мама решила добавить к этому правдоподобности. Если бы мы сказали, что ты выпиваешь яд, и он доказывает, что ты такая же, как мы — избранная богами... это позволило бы сделать тебя моей невестой.

— А Ральф знал? И Тирек?

Мерек отвернулся.

— Ральф должен был знать, но мама отрезала ему язык, так что он не расскажет. Мальчик не должен был знать. Я не знаю, как он понял. Когда мама узнала...

Мне стало не по себе, я стиснула зубы, чтобы меня не стошнило. Все было из-за меня. Мужчина лишился языка, его сына убили, а нужно было просто сделать меня символом.

— Я думала, что избрана богами. Вы позволили мне петь в их честь, поклоняться им в храме. Ты вообще верил в богов, Мерек?

Он после долгой паузы покачал головой.

— Это важно?

— Да, для меня, — тихо сказала я, отвернувшись и прошла мимо него.

— Куда ты? — он следовал за мной.

— В башню. Мне нужно подумать.

— А почему не подумать здесь? — он остановил меня прикосновением, я обернулась.

— Человек, за которого мне предстоит выйти замуж, позволил мне думать, что я убийца. Вот о чем я хочу подумать.

— Это часть роли Донен. Так всегда было.

— Только я думала, что она была топором, да?

Мерек сцепил руки, умоляя.

— Те крохи, что мы нашли в легендах, говорили, что Донен посылала тех, кто уничтожал изменников Лормеры. Мама сделала процесс короче, и никто не мог покуситься на тебя. Если у тебя был иммунитет к яду, кто отравил бы тебя? Если твоя кожа убивает, кто приблизился бы к тебе? Времена изменились, у богов уже нет той силы, что была раньше. Нам нужно вернуть ее им.

Я смирила его взглядом и отвернулась.

— Не уходи, Твайла, прошу. Попробуй понять. Мы не могли рассказать тебе, ведь, чтобы верило королевство, нужно было, чтобы верила ты. Ты была ребенком, когда попала сюда, ты не смогла бы скрыть это.

— Я хранила секреты с рождения, — выпалила я. — Я стала бы Пожирательницей грехов Лормеры, помнишь?

— Если бы я был здесь... все будет иначе, клянусь. Все. И никаких секретов.

Я закрыла лицо руками, желая что-то поставить между ним и собой. Я стояла так, пальцы стали щитом, пока не успокоилась и не заговорила, не крича.

— Понять нужно многое, Мерек. На это уйдет время. Я не могу так легко все воспринять.

После паузы он кивнул.

— Можешь спрашивать меня в любой момент. Я отвечу честно на все твои вопросы.

— Спасибо, — тихо сказала я и оставила его в пустом храме.

\* \* \*

Лиф шел за мной беззвучно, пока мы возвращались по замку в мою комнату. Как только мы пересекли порог, я прижала его к двери, целуя так, словно от этого зависела моя жизнь.

\* \* \*

Мы сидели на полу рука об руку, лицом друг к другу. Тело гудело от радости, что мы соприкасались, что это не значит ничего, но при этом означает все. Я не могла перестать гладить кончиками пальцев его костяшки, ладонь, и он делал то же самое, обводил мои ногти, переплетал пальцы с моими, и мы улыбались так сильно, что от этого болели щеки, но я не могла остановиться.

— Ты должен объяснить, — сказала я.

— Ты должна извиниться, — парировал он.

— Прошу, Лиф. Расскажи, откуда ты знал. Как ты смог увидеть ложь там, где я не смогла.

Он сел прямее и посмотрел на меня, склонив голову.

— Твайла, у лормерианцев, может, армия и сильнее, но наука лучше в Трегеллане. Наши знания медицины и трав развиты сильнее, чем у вас. Мы бы знали, если бы был яд, что задерживается в коже, поверь, мы бы его использовали. Лормера век прожила без Донен, и она стала мифом, сказкой, как Спящий принц или твои песни. И вдруг она появилась. Зачем? Зачем так называемые боги послали свою дочь? Или это сделал кто-то другой и не в благих целях?

Я смотрела на него, пока думала. Донен до меня спасла Лормеру в войне. Трегеллан был подавлен, и Мерек говорил, что его бабушка была больна и не должна была пережить детские годы. Была ли последняя Донен такой же, как я? Девочкой, которую готовили для трона, если наследница умрет? Такой была Донен? Ее придумали как куклу, играющую роль ребенка богов, чтобы управлять королевством?

— Почему они не сказали мне сразу? — сказала я. — Я бы поняла, что это на благо королевства, я любила тогда королеву. Почему они не поверили мне?

Лиф рисовал круги на моей ладони.

— Наверное, из-за Пожирания грехов. Даже сейчас ты так говоришь об этом, потому что это часть тебя. Им нужно было предложить тебе что-то большее. Им нужно было дать тебе долг важнее, чтобы такой была твоя судьба. Ты из тех, кто не сомневался бы в судьбе, потому что ты родилась с определенной судьбой, — тихо сказал он. — И кто бы не променял Пожирание грехов на жизнь в замке?

— Пожирание грехов... — повторила я. Я забыла или не давала себе вспомнить, но теперь это изменилось.

\* \* \*

Я была маленькой, такой маленькой, что Мэрил была крохой. Я часами баюкала ее, утешала, чтобы она перестала вопить, чтобы ее лицо не краснело, чтобы она не прижимала коленки к груди. Мама была в своей комнате и приходила лишь, чтобы приложить ее к груди. Наконец, Мэрил уснула, а я задремала в кресле.

— Иди сюда, — дверь комнаты мамы открылась, и я вошла в душную ароматную комнату. — То, что мы делаем, — сказала она, словно мы были посреди разговора, —

древнее искусство. Оно вечно. Всегда было и должно быть.

Мои веки опускались, пока она говорила, тепло комнаты убаюкивало меня.

— До богов, до правителей были мы, — сказала она. — Нас созвали, когда они собрали королевство по кусочкам, и сказали, зачем мы это делаем. Но мы делаем это не для них, моя девочка. Мы делаем, потому что кто-то должен, потому что до богов и королей были грехи. Грехи были всегда. Ты понимаешь мои слова?

Я кивнула, чтобы проснуться, а не от понимания.

— Мы древние, — сказала она. — Мы обеспечиваем им безопасность.

\* \* \*

Я отвела взгляд от Лифа и отпустила его руку. Это имело смысл, но я не хотела этого. Не хотела, чтобы все было так просто. Я четыре года посвящала жизнь этому, двигалась к тому, чтобы стать женой Мерека. А потом поняла, что это не моя судьба, что это лишь ужасная жизнь, построенная на цвете моих волос, моем пении и идеях безумицы. И столько людей умерло из-за этого.

— В Трегеллане есть Пожирание грехов? — спросила я у Лифа. Он кивнул. — Расскажи об этом.

Он растерялся.

— Все, как здесь. Пожиратель ест с гроба, пока семья прощается. Я потом похороны. Традиции схожи, это часть церемонии.

— Нет, Лиф, тут все не так, — сказала я тихо. — Это не часть церемонии.

Он пожал плечами.

— Думаю, Пожирание грехов осталось после того, как угасла вера в богов. Может, пришлось бы слишком много менять, потому что оставили в церемонии похорон.

Символический жест. Все мои судьбы напоминали паутину, ее было легко сдуть.

— Во что верят в Трегеллане?

— Ни во что. Люди верили в богов до того, как пала монархия. Революция все изменила. У людей теперь нет времени. Но в деревушках еще есть те, кто верит в богов.

— В наших богов?

— Нет. Они верят в Дуб и Падуб.

— У вас свои боги? — сказала я. — Ты не шутишь? В Трегеллане другие боги?

Он кивнул.

— Я не шутил.

— Как боги могут быть другими, Лиф?

— Я не верю, что они есть, — тихо сказала она. — Но я верю, что людям проще жить с верой в то, что кто-то присматривает за ними.

Я вздрогнула. Вот о чем говорила мама.

— Я ничего не чувствовала в храме, — сказала я напряженно. — Ничего. Но хотела.

Он прижал меня к себе, удерживал, а я пыталась понять, что я всегда знала, но никогда не понимала.

— Прости, — сказал он.

Я покачала головой.

— Что ты будешь делать? — спросил он.

— Не знаю. Но не думаю, что останусь и буду дальше играть в дочь богини.

— А принц? — спросил он.

— Я... не могу выходить за него замуж. Не теперь. Я не могу стоять рядом с ним и его

семьей.

— Не после лжи.

— И не когда я люблю кого-то другого, — выпалила я, не подумав.

— Что? — он сел.

Я застыла, в ушах звенело. Кровь прилила к голове, к коже, когда я поняла, что сказала. Что это правда. Вдруг это стало самой правдивой вещью в мире. Я влюбилась. Вот что сс мной такое. Я полубила. Я пела о любви, но не узнала ее.

— Я люблю тебя, — прошептала я.

Он поймал слова у моих губ, прижался к ним своими и забрал мои тревоги. Я оставила временно вопросы, чтобы насладиться им, его руками на моей талии.

Как только он отстранился, мне его не хватало, я придвинулась, отчаянно нуждаясь в контакте после долгих страданий. Он обвил меня руками, я развернулась и прижалась к его груди спиной, укуталась в его руки. Так было правильно. Тут я должна быть.

— Что нам делать? — спросила я.

— О чем ты? — прошептал он у моего уха.

— Что нам делать? Что теперь будет?

— Зависит от тебя, — медленно сказал Лиф. — Чего ты хотела бы?

— Не знаю, — я покачала головой. — Я хочу уйти, но не могу. Мне не сбежать даже с твоей помощью. Но как я могу остаться?

— Ты... ушла бы со мной, если бы был способ?

Я развернулась в ответ, обхватила его голову и поцеловала.

— Так... — он отстранился, пристально глядя на меня, — это да? Ты будешь со мной? — он старался скрыть надежду, но она была заметна на лице.

— Я хочу быть с тобой, — я подумала о королеве. Она так старалась сделать меня ее марионеткой, но дала мне того, кто помешал этому. За месяц Лиф испортил четыре года ее труда. Я представила ее ярость, когда она поймет, что мы против нее, и я улыбнулась. Я прижалась к нему, наслаждаясь близостью.

— Так что будет дальше? — спросил он.

— Мы попросим у богов чуда? — слабо улыбнулась я.

Его улыбка оказалась у моего виска, он обвил меня руками и обхватил мои ладони.

— Я могу найти путь. Я проверю, но Димия вроде упоминала путь, через который слуги бегают в деревню. Завтра во время твоей встречи с королем я проверю, так ли это.

— Не выйдет, — я вспомнила слова Мерека в храме. — Встречу с королем перенесли. Он простыл после охоты, и встречи не будет, пока он не выздоровеет. О! — и тут я поняла, что он имеет в виду. — Можно пойти ночью, пока все следят за королем.

— Вряд ли Мерек будет смотреть за ним, — сухо сказал Лиф. — Он думает только о тебе. И я не знаю, где тот путь и куда он ведет. И нам нужны лошади, чтобы покинуть Лормеру. Нельзя, чтобы нас поймали при побеге. Мы должны быть далеко, когда они поймут, что мы ушли. Так далеко, чтобы нас не догнали. Она будет тебя преследовать. Она не отпустит тебя, — он нежно сжал мои пальцы. — Но и я не отпущу, — продолжил он и поцеловал меня в ухо, словно закреплял свою клятву. — Мы можем ехать через родственницу мамы. Она живет у Западного леса, я отправлю послание заранее, там мы сможем сменить лошадей, взять припасы и отправиться в Трегеллан. Поедем через север, мимо Таллита. Там они нас не догонят.

Я радостно кивнула.

— Хороший план.

— Честно говоря, Твайла, я не первый раз думал об этом, — улыбнулся он.

— О, — сказала тихо я и снова улыбнулась. Я не дочь Пожирательницы грехов. Не Донен Воплощенная. Теперь я другая, новая. Не чудовище из замка, не соловей среди шипов. — Когда мы уедем?

— Через пару дней, — сказал он. — Я успею все подготовить. Собери все, что тебе нужно с собой забрать, заранее.

— Я не хочу ничего отсюда, — быстро сказала я.

— Так даже лучше, — он улыбался, дыхание касалось моих волос.

— Нам нужно быть осторожными, — сказала я скорее себе, чем ему. Я закрывала глаза, пока он гладил мои руки, запястья длинными пальцами. — Нельзя давать им повода подозревать что-то. Путь Мерек решит, что я обдумала правду о Донен. И что я рада быть частью секрета.

— Но я еще могу целовать тебя? — спросил он. — Когда мы одни?

— Тебе так этого хочется?

— Я изголодался по ним, — хищно улыбнулся он. — Ты ведь не знаешь, какая ты милая?

Мне стало неловко в его руках.

— Хватит, Лиф.

— А если я не захочу молчать?

— Я найду способ заставить тебя молчать.

— Попробуй, — отозвался он.

Я развернулась к нему лицом, чуть приоткрыла губы. Сердце колотилось, я медленно подалась вперед и поцеловала его. Глаза закрывались, но я оставила их открытыми, а он смотрел на меня. Наши губы нежно двигались, взгляды были прикованы друг к другу. У меня кружилась голова, и я закрыла глаза, чувствуя, как он касается меня, как его язык танцует с моим.

В этот раз отстранился он и обхватил ладонью мою щеку.

— Еще пару дней, и мы будем в своем доме, в безопасности, где никто нас не тронет.

Он прижал мою ладонь к губам и поцеловал ее, а потом прижал к сердцу. Под тканью я ощутила флакон и обвела его.

— Твой флакон, — он вытащил его и отдал мне. — Пусть будет напоминанием.

Я забрала его, что-то во мне напряглось при этом. Я освободилась от его объятий, посмотрела на предмет, что управлял моей жизнью четыре года. Я бросила его изо всех сил в открытое окно, а потом повернулась к нему. Поцелуй был неизбежным, как солнце, садившееся за Западным лесом.

## Глава 16:

Я привыкла держаться вдали, чтобы никого не касаться, а теперь пришлось сцепить руки, чтобы перестать держаться за пальцы Лифа. Я едва спала прошлую ночь. Было больно отпускать его, знать, что он за дверью. Было больно знать, что он близко, не вне досягаемости. Было неправильно не касаться его, и мне не терпелось оказаться там, где я смогу провести пальцем по его руке, дать ему обхватить мою руку своими красивыми ладонями. Я не знала, что смогу чувствовать сразу и злость, и надежду, и страх, и желание, и



радость, и тревогу. Чувства жили во мне, и я боялась, что увидит все это во мне и расскажет королеве. Хотя мне хотелось, чтобы она узнала, но нужно было сначала уйти от нее подальше.

Меня пьянила возможность. Все казалось ярче, четче и лучше. Я знала, не глядя, какое выражение лица у Лифа, куда он смотрит, особенно, когда он смотрел на меня. Я чувствовала это так остро, как его руки вокруг меня раньше. Когда ветерок дул, я улавливала запах дыма и лайма и улыбалась. Его запах. Когда я поднимала руку, чтобы убрать прядь волос за ухо, его запах ощущался на моей коже.

Это было и страшно. В каждом его шаге звучало мое имя. И в каждой его Твайле было два моих Лифа, и я боялась, что мы всему замку так сообщим об измене, если они услышат наши шаги. Придется жить двойной жизнью до побега, как шпионы, которых я убивала. Я не была шпионкой, и я хотела носить чувства открыто, как свой красный плащ. Я кипела внутри, как вода в озере, от страха и надежды.

\* \* \*

Я не могла оставаться в комнате, несмотря на нехватку сна, я не могла успокоиться, и я попросила Лифа сходить со мной в сад, надеясь, что холод в воздухе означает, что мы одни снаружи и можем дальше строить планы. Но в огороженном саду я увидела на скамейке Мерека, его стражи были у противоположной стены. Паника впиалась в меня, я резко повернулась к Лифу, чтобы уйти, но он позвал меня.

— Твайла.

— Ваше высочество, — я присела в реверансе, скрыв лицо, молясь, чтобы моего страха на нем не было.

— Можешь оставить нас, — сказал Мерек Лифу.

Лиф сразу поклонился и развернулся. Он оставался у арки входа в сад, словно часовой, и я восхитилась его сдержанности.

— Я... надеялся увидеть тебя. Я надеялся, что ты придешь сюда. Знаю, я сказал, что дам тебе время подумать, но... я не хочу, чтобы это мешало нам.

— Как король?

— Лучше. Мне сказали, что ему намного лучше. Вернулся аппетит, он требует, чтобы все перестали вокруг него бегать. Думаю, он хочет, чтобы мама перестала над ним нависать. Сиделка из нее плохая.

Я не могла смотреть на него, и не только из-за злости.

— Прошу, передайте мои наилучшие пожелания, — сказала я. — Я не хотела побеспокоить вас здесь. Я оставлю вас.

— Нет, Твайла, — тихо сказал он. — Лучше злись на меня, если это все исправит между нами. Я сказал, что буду говорить правду. Так и есть. Не уходи от меня снова.

Мы неловко стояли, он ждал, что я заговорю, а я не знала, что сказать, чтобы не оскорбить. Я взглянула на Лифа, а он намеренно игнорировал нас, хотя стойка выдавала, что он прислушивается.

— Мне не хватало тебя на охоте, — сказал Мерек.

— Я не люблю охоту, — ровно сказала я.

Он вздохнул и провел рукой по темным прядям.

— Я тоже не в восторге.

— Разве? Но вы говорили королеве, что это приятное отвлечение. Вы врали? — я не сдержалась. Нужно ранить его.

Мерек кивнул, словно соглашался с этим.

— Это не ложь. Ехать свободно по лесу вне замка приятно. Но сама охота... Я не люблю зверей, которых король зовет гончими. Есть занятия лучше, чем преследовать зверей в лесу, — он замолчал. — И людей. С этим я не согласен. Этого не будет при нашем правлении.

Он смотрел на меня, но я не могла смотреть на него, когда он так говорил. Он пару минут смотрел, как я разглядываю цветы, а потом продолжил:

— Когда мы будем править, охоты не будет. Не так. Я бы хотел вернуть соколиную охоту. Это красиво, и тогда леди и джентльмены смогут охотиться с птицами. У тебя может быть свой кречет.

Я молчала, смотрела на цветы, боялась оглядываться на Лифа, он мог смотреть на нас с принцем.

— Ждешь свой концерт? Когда король поправится?

— Конечно. Вы тоже придете?

— Да, если ты позволишь.

— У нас будет свадьба. Я могу запретить?

— Мне можешь, — сказал Мерек. — Думаю, ты, как и я, любишь иллюзию выбора, хоть это и иллюзия.

Я молчала и смотрела на небо.

— Мне пора, — сказала я ровно. — Похоже, скоро дождь.

— Позволь позже позвать тебя, — спешно сказал он. — Я принесу вино, мы сможем поговорить. Я хочу все исправить, Твайла. Можно?

— Если пожелаете, — я смогу тогда изобразить примирение с ним, и нам с Лифом не нужно будет бояться, что он будет ждать за каждым углом.

— Спасибо.

Мы пошли к другому концу сада. Я видела Лифа, его плечи были напряжены, он стоял спиной к нам, давая уединиться.

— Тогда до вечера, — сказал Мерек, когда мы приблизились к Лифу. Я склонила голову, он поклонился, а потом прошел мимо моего стража, а тот проводил его яростным взглядом.

Я быстро пошла обратно в сад, он оказался рядом со мной.

— Он придет вечером? — он говорил сквозь почти сжатые губы.

— Да. Хочет помириться.

— Что будешь делать?

— Скажу ему, что понимаю, что он поступал правильно, но я растеряна и хочу подумать еще немного и все осознать. Я спрошу у него, можно ли отправить ему записку, когда я все обдумаю. Уверена, он согласится.

Лиф кивнул.

— А потом мы уедем, и он не будет нас тревожить.

На обратном пути я заглянула в храм. Теперь я видела, какие грязные стены, какой пыльный пол. Скамейки были слишком чистыми, даже не тронутые людьми. Это была просто пустая комната. И она ничего не значила.

\* \* \*

Я надеялась, что Мерек придет пораньше. Но стука не было. Лиф вошел и зажег свечи, прошел как можно ближе ко мне, наполнив воздух вокруг меня своим ароматом лайма и

кожи, я оживилась. Мы не осмеливались говорить, ведь в любой миг мог прийти принц со стражей.

Свечи догорали, мои глаза слипались. Я подошла к двери и открыла ее. Лиф посмотрел на меня с улыбкой, и я легко улыбнулась в ответ.

— Я буду готовиться ко сну, — громко сказала я. — Прощу, передай принцу, если он придет, что я устала, и мне жаль, что я его расстроила, — я понизила голос и прошептала. — И можешь сказать ему, что он просто свинья.

— Конечно, — сказал он и прошептал. — Потому я решил, что украду его лошадь, когда мы будем бежать.

Я тихо рассмеялась, а он сделал голос нормальным.

— Еще что-нибудь хотите, миледи?

Я медленно кивнула, хотя говорила:

— На этом все. Можешь отдохнуть, — я подняла голову, а он беззвучно склонился, чтобы поцеловать меня, но этого было мало. Я отошла от порога, схватила его за руки и поцеловала его по-настоящему.

Я неохотно отпрянула, свечи погасли, и я закрыла дверь. Еще немного. Я выжила тут четыре года, несколько дней — пустяки.

В дверь тихо постучали, она приоткрылась.

— Твайла, — прошептал Лиф, и я села.

— Да?

— Я оставляю твою дверь приоткрытой, чтобы знать, что ты в безопасности. Нельзя оставлять тебя на милость бродяг, что захотят зайти в комнату. Я бы не хотел, чтобы меня застали за нарушением долга.

Я широко улыбнулась и легла.

— Я восхищена твоей верностью долгу.

— Я восхищен тем, что ты восхищена мной.

Я рассмеялась, а он развернул спальный мешок и, шурша, забрался в него. Когда он устроился, я повернулась лицом в сторону двери. Я не видела его, луна была слишком тонкой, чтобы осветить его лицо, но я слышала его дыхание, шелест ткани, когда он двигался.

— Расскажи сказку, — сказал он, голос звучал странно и тихо в темноте, отличался от его голоса днем.

— Я их не знаю, мама не рассказывала сказок на ночь, — я пыталась что-то вспомнить, но вариантов было мало. — Знаешь о Спящем принце? — спросила я.

— Конечно. Эту рассказывать нельзя, — он улыбался. — Каждому ребенку в Трегеллане рассказывают эту сказку, — я молчала, и он продолжил. — А другие знаешь?

— Я толком не знаю и эту, — призналась я. — Один из братьев рассказывал мне ее давно, еще даже Мэрил не родилась. Она везде теперь, даже ты вчера упомянул. Я помню лишь, что принц заболел, уснул, и из-за этого королевство было потеряно.

Я слышала, как он двигается, а потом его голос зазвучал привычнее. Наверное, он сел.

— Я могу рассказать ту версию, что знаю. Но это не радостная сказка. Там нет счастливого конца.

— Расскажи, — попросила я.

Он глубоко вдохнул.

— Хорошо. Пятьсот лет назад Таллит процветал. Говорили, это было красивое золотое

королевство, окруженное стеной, и там было семь башен, посвященных любви, красоте, изящности, чести и... другие не помню, — я слышала, что он улыбался. — Таллит был неприкосновенным. У них была медицина и алхимия, они потеряны для нас. Люди были здоровыми и богатыми, не было нищих, почти никто не болел. Это был рай, окруженный горами и морем. И море привело их к гибели.

— Да, — прошептала я, начиная вспоминать.

— Король Таллита отправил в море корабли для исследований, и когда они вернулись, то рассказали о странных Восточных королевствах и обычаях. Они привезли специи и ткани, которых никто никогда не видел. А еще они привезли крыс. Там раньше не было крыс, но они забрались на корабли и приплыли с ними. И Таллит, где было много еды, быстро заполонили крысы. И король отправил корабли в море, чтобы они вернулись с крысоловом, и они так и поступили. Крысолов прибыл с сыном и дочерью, его тут же доставили в замок. Король предложил свою дочь, принцессу, сыну крысолова в обмен за избавление Таллита от крыс, но крысолов отказался. Он сказал, что освободит Таллит, если принц женится на его дочери. Король отказался, ведь тогда дочь крысолова стала бы королевой и родила бы наследников, чего он не мог позволить. Но крысолову не нужны были другие богатства и титулы. Он хотел выдать дочь за его сына. И когда люди начали злиться, что крысы воровали еду, загрязняли воду и кусали детей, король сдался и сказал, что отдаст сына дочери крысолова. И крысолов вытащил дудочку из кармана и заиграл. Вскоре все крысы вылезли из нор, последовали за крысоловом, пока он шел по улицам Таллита. Когда он выманил всех, он привел их к морю и утопил. Таллит был свободен, — он замолчал, и я села.

— Но это не все, — сказала я. — Принц заболел и уснул, — я замолчала, вспомнив, как Лиф сказал, что Дорин уснул. Я видела изможденного Дорина на койке. На ужасный миг он стал Мерекком, потом Лифом, и мурашки появились на моей коже.

Лиф не заметил мой новый страх.

— Он не заболел, Твайла. Его прокляли. Он уснул из-за проклятия.

— Прокляли? Кто сказал?

— Так говорят в книгах. Когда мы с Эррин были маленькими, мама всегда заканчивала на том, что крыс утопили. Мы всегда думали, что конец хороший. Не для крыс, — отметил он и продолжил. — Как-то зимой я заболел, и мне было скучно. Мама дала мне свою книгу старых мифов и легенд, чтобы отвлечь. Думаю, она забыла, что там была полная версия «Спящего принца», и я прочитал ее. Хочешь знать все?

— Да, — сказала я, хотя уже не была уверена.

— Хорошо. Когда крысолов избавился от крыс, он вернулся в замок, чтобы его дочь вышла замуж. Но король отказался исполнять условия сделки и попытался отплатить крысолову. Злой крысолов ушел и спрятался. В убежище он призвал духа и попросил ее проклясть короля и его сына, и сына его сына за обман. И дух все сделала. Только крысолов не знал, что его дочь в преддверии брака позволила принцу соблазнить ее. Она была беременна, когда проклятие ударило, и ее это тоже задело. Король, принц и дочь крысолова глубоко уснули, их никто не мог разбудить. Король умер через несколько недель, но принц и дочь крысолова спали. Каждый день крысолов приходил и ухаживал за дочерью, вливал в ее рот мед и воду, чтобы она и ребенок выжили. Но этого не хватило. Дочь крысолова родила сына во сне и умерла, и крысолов похоронил ее и забрал внука. Принц спал, хотя никто за ним не ухаживал. Он был таким же, как в день, когда уснул, может, чуть бледнее, но не умирал. Он спал, а Таллит рушился.

Я укуталась плотнее в одеяло, мне вдруг стало холодно.

— Я не виню твою маму за то, что она не рассказывала вам остальное.

— Это еще не конец, — сказал Лиф. — Около века спустя девушка из Трегеллана заблудилась. Она пошла собирать с друзьями грибы и отделилась от них. Ее искали, но найти не смогли. Думали, что ее загрызли волки, пока бродяга-минестрель не сказал, что видел ее идущей за мужчиной с дудочкой. Они шли к Таллиту.

— Крысолов, — прошептала я.

— Его внук, — ответил Лиф, я поежилась. — Тот крысолов давно умер, но ребенок, которого он нечаянно проклял, все еще жил. Он не мог умереть. Семья девушки прибыла в Таллит слишком поздно. Рядом с ложем, где был Спящий принц, лежало тело девушки, ее сердце было вырвано, а останки сжаты в окровавленных руках Спящего принца.

Я закрыла лицо руками.

— И каждые сто лет, — продолжил Лиф, — Вестник, как называли проклятого дудочника, приходил и искал жертву для отца. Говорят, он будет приходить, пока светила есть на небе, а потом Спящий принц проснется и поглотит сердца всех девушек в королевстве.

— Лучше бы ты не рассказывал, — сказала я. — Лучше бы я не спрашивала. В версии брата не было ребенка, Вестника. Я теперь спать не смогу.

Лиф тихо рассмеялся.

— За годы все перепуталось, версий столько же, сколько деревень. Это проблема сказок — их постоянно меняют. Некоторые говорят, что Вестника можно как-то призвать, но никто не знает, с помощью чего, или как его призвать, или что он сделает. Некоторые говорят, что Спящего принца можно исцелить любовью, и если Вестник принесет ему его любовь, он не заберет ее сердце, а поцелует, и Таллит вернется. Другие говорят, что все это сказки старушек, а Таллит пал из-за чумы, что смела почти всех людей. Не принимай близко к сердцу, любимая.

Я укрылась одеялом до подбородка.

— Спать так долго — ужасно. Все, кого он любил и знал, давно умерли. Я бы не хотела так проснуться, это было бы слишком печально.

— Я бы злился. Если бы меня прокляли на сон на пятьсот лет из-за того, что отец нарушил обещание, я бы хотел снести все. Представь — просыпаешься и видишь, что у гор какие-то крестьяне основали свое королевство, пока ты спал среди развалин.

— Я одна из этих крестьян, — напомнила я ему.

— Это не мои мысли. Я так о тебе не думал бы, — я покраснела, а он продолжил. — Так думал бы принц. Уснуть наследником престола, а проснуться бедняком в новом мире. Это ужасно. Но это не важно, это только сказки. Для детей.

— Хорошо, что моя мама сказки не рассказывала. Эта ей бы очень понравилась. А твоя мама узнала, что ты прочитал ее всю?

— Она поняла, когда ночью увидела, как я охраняю Эррин, — я слышала улыбку в его голосе. — Я боялся, что Вестник придет за ней.

— Она злилась?

— Нет. Думаю, она была рада, что я сел и прочитал ее. Отец ее любил книги, у нас было много полок с книгами и свитками. Но я любил гулять. Эррин училась, она всегда сидела с какой-нибудь книгой.

Я молчала, представляла юного Лифа в свете луны, он смотрел на девочку, похожую на

него.

— Хотелось бы уметь читать, — вдруг сказала я.

— Ты можешь научиться. Я могу тебя научить.

— Да? — спросила я. — И писать? Этому тоже можешь?

— Могу начать сейчас, если хочешь.

— Но уже темно.

— Точно, — я услышала, как он шлепнул себя по лбу. — Вот бы осветить комнату.

Свечой, например.

Я вытащила валик из-под головы и бросила в его сторону, улыбаясь, когда услышала его «ай». А потом я услышала, как шуршит его спальный мешок, и шаги приблизились.

— Ты в порядке? — спросила я.

— Да... — кровать прогнулась, он оперся о нее, чтобы ориентироваться в темноте. На другой стороне он нашел огниво, искры озарили его профиль, а потом зажглась свеча. Он поднял ее под головой, и я поежилась от того, как свет и тени изменили его.

— Можно перо и бумагу?

— Конечно.

Он взял их и зажег еще несколько свечей, комнату наполнил теплый свет, и он подошел к кровати.

— Подвинься.

— Что?

— Подвинься, а то я не помещусь.

— Здесь? На кровати?

— А что не так?

— Но... — моя кожа пылала, — это кровать.

— Так удобнее, чем на полу. Я не буду посягать... сильнее, чем уже делал, — он улыбнулся, и я ударила его.

— Ладно, — выдохнула я, подвинулась, укутавшись в одеяло.

Он сел рядом поверх одеял, это меня приободрило, и положил пергамент на колени. Осторожно поставив чернильницу на мои колени, он опустил в нее перо, а потом быстро нарисовал несколько линий.

— Узнаешь что-то? — спросил он, протянув мне бумагу и забрав чернильницу.

Я смотрела на буквы.

— Нет... погоди... эта буква есть в моем имени, — я указала на линии. — И эта тоже, — я отметила букву в последнем слове.

— Первая — это «Л», а вот вторая — «Т».

— Л, Т, — повторила я.

— А другие?

Я посмотрела и нахмурилась.

— Знаю, что уже их видела, но не знаю, что это за буквы, — смущенно сказала я.

— Скоро узнаешь, — сказал он и указал на первую букву. — Это «Я».

— Я, — повторила я, — но они чем-то похожи с «Л».

— Нет, они разные.

— Немного похожи. Разве так бывает?

— Вот... — он четче навел буквы пером. — Теперь понятнее?

— Да, — сказала я, хотя усваивалось все сложно. — Значит, там «Я Л».

— А потом идет «Ю», — сказал он, глядя на меня.

— Эта буква тут еще встречается, — отметила я.

— Хорошо, — просиял он. — А потом идет «Б».

— Я Л Ю Б, — сказала я, замерла, проверяя звук. — Я Л Ю Б... я люблю тебя!

Улыбка Лифа стала еще шире.

— Откуда ты знаешь?

— Звучит похоже, если произнести быстрее. Я Л Ю Б... Я — понятно, дальше люблю значит, это — тебя? — я показывала на слова, и он кивал.

— Верно. Хочешь попробовать написать?

Я кивнула, он дал мне перо и чернильницу. Я склонилась над бумагой, осторожно копируя буквы. Было тяжело двигать пером, хотя я умела рисовать, но изображать такие черты было другим делом, моя версия выглядела не так красиво, как его.

Это не помешало ему улыбнуться мне, взгляд в свете свечей был мягким. Когда я закончила, он забрал перо и чернильницу, а потом осторожно забрал у меня листок. Он подул на чернила, высушил их, а потом порвал бумагу пополам. Он безмолвно отдал мне кусочек с его надписью, а себе забрал мои каракули.

— О... — тихо сказала я, свернула листок и спрятала под подушку к первой записке. Он удивился, когда я показала первую записку.

— Ты хранишь ее?

— Конечно.

— Твай... — начал он, и мы застыли.

Дверь в мою башню открылась.

## Глава 17:

Лиф сорвался с кровати, промчался по комнате, вытащил из спального мешка меч. В моих ушах гудело, громко и высоко, будто я прижала ухо к улью, а он крикнул:

— Кто здесь? Предупреждаю, я вооружен, и я убью вас, если вы подойдете к комнате миледи.

— Лучше не стоит, — отозвался голос, мои глаза расширились.

— Мерек? — страх заполнил мое тело.

— Кто же еще? — он поднялся и оказался у порога рядом с Лифом. — Прости, что поздно... хотя ты еще не спишь, — он кивнул на свечи.

— Не сплю, — с дрожью сказала я, глядя на Лифа.

Мерек посмотрел на Лифа, а тот со скупающим видом спрятал меч и убрал спальный мешок от двери, чтобы Мерек мог войти.

— Почему дверь была открыта? — спросил Мерек, у меня пересохло во рту.

— Чтобы леди могла сбежать, если будет нужно, — сказал Лиф без паузы. — Я открыл ее, когда услышал, что кто-то возле башни. Миледи предложила так делать, когда я остался единственным стражем. Я бы задержал нарушителя, а она могла сбежать в комнату стражей и запереться там.

Мерек нахмурился.

— Почему там?

— Потому что я храню там мечи и ножи. И она ниже к земле, миледи смогла бы сбежать через окно.

Я была поражена качеству его лжи, он придал ей смысл.

— Так можно было обеспечить мою безопасность, — добавила я, хотя в голосе не было и половины уверенности Лифа, Мерек заметил это.

— Все в порядке?

— Если не считать, что в моей комнате ночью двое мужчин, я в порядке.

Они опустили головы, Лиф точно подавлял улыбку.

— Прошу прощения, — сказал Мерек. — Прости. Я не хотел, чтобы ты подумала, что я забыл. Мама поручила мне отчет о Таллите. Я вернусь завтра.

— Как пожелаешь, — сказала я.

— Кстати, — он повернулся и посмотрел на нас, — на двери башни есть засов. Его использовать лучше, чем пытаться бежать отсюда и запираться в комнате стражи.

Засов. Я забыла о нем. Как можно было?

— Точно. Лиф, так и сделай, когда принц уйдет.

Они поклонились мне и ушли. Через пару минут я услышала, как щелкнул засов, и Лиф вернулся. Мы смотрели друг на друга, мое сердце колотилось от того, как близко мы были к провалу.

— Прости, любимая.

— За что? Это не твоя вина. Если бы ты не действовал так быстро...

— Не это. Я забыл передать ему, что он свинья.

Я невольно рассмеялась.

— Нужно быть осторожнее, — сказал он.

— Как мы могли забыть про засов? — спросила я.

— Может, это и хорошо. Теперь можно сказать, что башня заперта по приказу принца.

— Да, это хорошо, — сказала я. — Не так подозрительно.

Лиф смотрел на меня, а потом на пол, вдруг застеснявшись.

— Если дверь будет заперта, мы сможем проводить так каждую ночь. Вместе. Если захочешь. Только если ты захочешь.

Я не могла ответить, кровь шумела во мне. Мы с ним ночью. Он на кровати рядом со мной.

— Да, — тихо сказала я.

Он вернулся к кровати, его шаги совпадали с биением моего сердца. Он лег рядом со мной, и я тоже легла, глядя на потолок. Через миг его рука двинулась, пальцы скользнули между моих, он легонько их сжал.

— Этого слишком много? — спросил он низким голосом.

Я не доверяла себе, потому просто покачала головой.

В ответ он склонился и поцеловал меня в щеку, я таяла.

— Я спрошу завтра у Димии про проход, пока Мерек будет тут с тобой. Можешь отпустить меня, и я посмотрю, что там. И проверю конюшни.

Я кивнула только головой. Я едва дышала, поглощенная тем, как по-взрослому ощущалось, что я лежала рядом с ним, я слушала, как он говорит о наших планах.

— Спокойной ночи, Твайла, — шепнул он мне на ухо и повернулся на бок. После паузы я отвернулась от него, и он обвил мое тело. Я чувствовала, как сильно стучит его сердце, как и мое, у моей спины, и я закрыла глаза. Его ровное дыхание на моей шее тут же убаюкало меня.

\* \* \*



Утром был приятный момент перед пробуждением, я вспоминала его тело рядом с моим, я улыбалась себе, глаза были закрытыми, а за ними — утренний свет.

— Что смешного?

Я приоткрыла глаза, а он сидел в кресле, его волосы ниспадали на плечи. Я не могла говорить, потрясенная тем, как красиво он выглядит, он склонил голову, вскинув брови.

— Не расскажешь? — спросил он.

— Мерек, — спешно сказала я.

— Мерек смешной, — улыбнулся он.

— Нет, глупый. Мерек придет сюда. Он может уже быть в пути.

Лиф покачал головой.

— Дверь заперта. И я хотел разбудить тебя поцелуем, как принц из сказки, но ты начала улыбаться, как безумная, — он склонился и коснулся губами моих, пальцы скользнули в мои волосы, он углубил поцелуй. — Так что вызвало улыбку? — прошептал он в мои губы.

— Я проснулась радостной, — сказала я. — Только и всего.

— И не было причины?

— Ничего особенного, — я улыбнулась, а он на миг поймал мою губу зубами. — Хотя, может, и есть причина.

— Расскажешь?

— Это будет нечестно. Леди не рассказывает свои секреты.

— Тогда леди может не ждать завтрак.

— Ты не посмеешь.

Он хитро улыбнулся.

— Разве?

Я улыбнулась ему как можно слаще. Он снова поймал мою губу зубами, а потом отстранился, у меня кружилась голова.

— Радуйся, что ты красивая, — сказал он и улыбнулся. — Я скоро буду.

— Жду, — крикнула я вслед, обняла себя под одеялами, потягиваясь, улыбаясь полу кровати.

Он вскоре вернулся подносом, поставил его мне на колени, а сам поцеловал меня.

— Димия пропала, — сказал он, когда я приступила к завтраку.

— Что это значит?

— Поднос принесла другая служанка, ворчливая. Я спросил, где Димия, а она сказала, что ее повысили, и ушла.

— Не удивлена, — сказала я. — Ты слышал, что она говорила о брате и королеве. Она с другим братом могла решить, что лучше не рисковать здесь. Она шла к нему в тот день, когда мы... я... — я замолчала. — Может, они решили уйти, пока королевы не было.

— Если это не королева избавилась от него, — мрачно сказал Лиф.

— Вряд ли она знает о существовании Димии. К счастью, — сказала я. — Но что нам делать? Как нам найти проход?

— План не меняем. Если отпустишь меня, пока принц будет здесь, я поищу сам.

От его слов я покраснела, вспоминая, как он шептал в темноте, мне стало жарко.

Он улыбнулся, словно знал, о чем я думаю.

— Обещай, что не влюбишься в Мерека, пока я буду ходить, — я бросила в него остатками хлеба.

\* \* \*

У меня было слишком много энергии, я напряженно сидела за вышивкой. Лиф у моих ног расплетал шелк, а я тихо пела, чтобы чем-то занять себя до прибытия Мерека. Я пыталась вести себя нормально, но не помнила, как это. Я боялась, что выдам нас, улыбаясь, хотя должна была скорбеть из-за Дорина и злиться на Мерека, или частыми взглядами на Лифа.

Стук в дверь башни прозвучал вскоре, но я хотела, чтобы это было еще раньше.

— Готова? — спросил Лиф, и я кивнула, прилаживая волосы.

Он оставил меня, а я старалась успокоить дыхание, не зная, почему я вдруг запаниковала.

— Его высочество принц, — сказал Лиф, и я встала, с уважением опустила голову.

— Твайла, — Мерек прошел в комнату. — Я надеюсь, ты хорошо отдохнула.

Не думая, я посмотрела на Лифа на пороге. Мерек проследил за моим взглядом.

— Подожди снаружи, — прогнал он его раньше, чем я успела заговорить. — Хорошо получается, — сказал Мерек, изучая вышивку, дверь закрылась за нами. — Я рад, что пригодился тебе. Но, возможно, придется оставить работу. Зал стекла доделали, я надеялся, что ты присоединишься ко мне. Мы сможем поговорить там.

— А мы не можем поговорить здесь?

— Можем, — он нахмурился. — Но я думал, что ты захочешь сходить за мной. Я еще не видел Зал, хотел, чтобы ты была со мной.

— Я не знаю, что это.

Его губы изогнулись.

— Это подарок для меня от матери. Как только она узнала, что я хочу посмотреть на Таллит, она послала за всеми текстами о Таллите, которые оказались в Трегеллане после падения Таллита. И в одном из них она нашла планы Зала стекла и решила сделать копию, как подарок для меня. Чтобы приманить меня, — он опасно улыбнулся. — Это зал зеркал, если объяснить проще. Они искажают правду, так что можно стоять перед одним зеркалом, а отражаться в других. В некоторых видишь себя сзади, хотя стоишь к ним лицом. Хочешь посмотреть? Со мной?

— Конечно, — я поправила юбки и улыбнулась ему. — Звучит интересно.

Он подошел к двери, а я позволила себе немного помрачнеть, когда он отвернулся.

— Я отведу леди Твайлу в Зал стекла, — сообщил он Лифу. — Ты не нужен. Мы вернемся позже.

— Когда, Ваше высочество? — спросил Лиф, и мы с Мереком застыли.

— Прости? — голос Мерека был холодным, удивленным, а я смотрела на Лифа, а тот — только на Мерека.

— Когда вернется леди, Ваше высочество?

— Это тебя тревожит?

— Безопасность леди — моя тревога. Единственная тревога, Ваше высочество, — сказал Лиф.

— Со мной она в безопасности, — сказал Мерек так же гладко, как Лиф. — Ты сражался со мной, и я не совру, если скажу, что справлюсь сам. Я не одолел тебя, но миледи защитить смогу. Она будет моей женой. Твайла... — он махнул мне, — после тебя.

Я замешкалась, а потом послушалась, но не услышала за собой его шаги и оглянулась, а они с Лифом безмолвно смотрели друг на друга. Никто не двигался, не говорил, они стояли лицом друг к другу. Напряжение между ними было опасным, я чувствовала шипы, словно

они прижимались к моей коже. Кулак Лифа двинулся к его поясу, я судорожно вдохнула и все разрушила. Мерек отвернулся с жутким спокойствием и оставил Лифа, направился ко мне. Я успела заметить, что рука Лифа дрожала. Мерек улыбался, несмотря на жар их беззвучной борьбы, его лицо было безмятежным.

— Идем, Твайла, — сказал он, и мне пришлось пойти за ним, оставить башню без стража, только наедине с принцем.

\* \* \*

Как и в прошлый раз, мы были без стражи, остальные кланялись и улыбались. Это поражало, с Мерексом все было иначе. Я уже не была чудовищем рядом с ним, я начинала быть королевой. Внутри мне было не по себе, но я возвращала им улыбки, склоняя голову как можно изящнее, все думая, когда Мерек заговорит о поведении Лифа... и как я буду это объяснять. Чем думал Лиф, если Мерек давал ему отличную возможность действовать по плану? Но Мерек не говорил ни о Лифе, ни о чем-то другом, пока мы шли к главному залу. Мы не добрались до его деревянных дверей, Мерек повернул налево и повел меня по коридору к восточной башне. Там жили дети королевской семьи, восточная башня всегда принадлежала принцам, принцессам и их прислуге.

Дверь башни была выше и крупнее, чем в моей башне, два стража поклонились нам. Они открыли двери, и Мерек кивнул мне заходить.

Там была небольшая прихожая, мы едва поместились, и я понимала, как близко Мерек, когда закрылась дверь.

— Отойди, — сказал он, и я послушалась, прижалась к каменной стене, а он подошел к черной ткани, свисавшей с потолка. Он отодвинул ее, открывая другую комнату. — После тебя, — он пропустил меня в Зал стекла.

Я вошла и увидела себя искаженной. Я подняла руку, чтобы проверить, и отвлеклась движением справа. Там была я в профиль, а когда повернулась на еще одно движение, то увидела в зеркале свою спину. Я кружилась, отходила и подходила, глядя, где появлюсь дальше и с какой стороны. Я не сдержалась, было смешно видеть всюду себя.

— Есть не только это, — я была окружена Мерексами. У каждой Твайлы в отражении за спиной был Мерек, и я повернулась к нему, каждая я поступила так же. — Пройди вперед. Вытяни руку, чтобы не разбить зеркала. Здесь должен быть лабиринт, — он прошел мимо меня, вытянув руку.

Он шел в зеркала, но вместо этого исчез, словно попал внутрь. Я последовала за ним, и мы оказались в другой комнате, все стены отражали нас.

— Стой, — сказал он, и я послушалась, но не опустила руку. — Смотри, — он повернулся боком, я повторила за ним, но мы просто отражались со всех сторон. — Встань на мое место.

Я послушалась, он встал на мое место, и я выдохнула. С его точки я не видела свое отражение, во всех зеркалах был он, окружал меня. Я посмотрела на него, он улыбнулся и шагнул вперед, круг стал теснее.

— Стой, — попросила я, холодок бежал по спине, все Мерексы покачали головами.

— Скажешь, где настоящий я?

Я поворачивалась, а он шагал ближе, я показывала, но каждый раз, когда выбирала его, Мерек качал головой.

— Мерек, прошу, — я кружилась и уже не знала, откуда пришла в эту комнату. — Не надо.

— Еще одна попытка, — сказал он.

Я медленно повернулась, глядя на Мереков, пытаюсь отыскать выход, пора было выбирать. Я шагнула влево и увидела щель между зеркалами, край его плеча не попал в зеркало.

— Вот, — я указала на него, но заметила движение за ним, каштановые волосы, стянутые у шеи, зеленая туника и кожные брюки. Я вскрикнула, Мерек обернулся, выдавая себя и показывая, что я угадала, но я не была этому рада.

Лиф был в лабиринте. Он последовал за нами. И спрятаться тут не вышло бы, все зеркала выдавали правду.

— Молодец, — сказал он, но нахмурился, глядя на зеркала. — В чем дело?

— Я заметила вдруг себя и не ожидала этого, — сказала я, не глядя ему в глаза.

— Тут можно запутаться, — согласился он. — Это еще не все. Больше я играть не буду. Не намеренно, — добавил он, и я пошла за ним медленно, раскинув руки.

Мы шли сквозь зеркала, среди отражений, а я пыталась убедить себя, что Лифа не может быть здесь. Ему пришлось бы идти мимо стражей, это мы слышали бы.

Мерек шел уверенно. Он не путался, несмотря на свои слова, и я старалась не отставать, пока мы шагали по залу, углы и трещины были скрыты, я их не замечала. Комната от зеркал казалась больше, хотя я знала, что она меньше. Когда я уловила свое платье и руку Мерека, я испуганно развернулась. Каждый такой раз я видела только свое испуганное лицо.

— Тебе нравится? — Мерек остановился в комнате, что словно делилась на три пути.

— Нет, — честно сказала я. — Не думаю.

— А мне нравится, — сказал он. — В таком месте нет обмана, все отражается. Вот бы и жизнь была такой.

— Мне бы тоже хотелось, — резко сказала я и прикусила губу, когда он помрачнел. — Прости. Это не твоя вина, знаю. Твоя мама будет рада, что тебе понравилось.

Он фыркнул.

— Да, она себя поздравит, я дам ей на то повод.

Он говорил, а Лиф, будто аура, появился за ним, и я вздрогнула.

— Это из-за разговора о маме? — истолковал так мою реакцию Мерек. — Я думаю, после твоих недавних открытий, я могу быть честным с тобой. Ты знаешь, какая она.

Я кивнула, притворилась, что смотрю на себя в зеркало, а сама пыталась понять, где стоит Лиф, какие зеркала его отражают. Я видела его только перед собой, позади Мерека, но знала, что это отражение, потому что видела в том зеркале и себя с Мереком. Слева и справа ничего не было видно. Мерек проследил за моим взглядом и не увидел его.

— Твайла?

— Да, прости. Просто зеркала...

— Мы с тобой так похожи, — Мерек шагнул вперед, я увидела, что лицо Лифа стало напряженным, пальцы почти сжимались на рукояти меча. — У нас есть матери, клетки и роли. Я никогда не мог кому-то рассказать... Ладно, вру, — он улыбнулся. — Я говорил с учителями и нянями, но они уходили. Я тоже одинок, Твайла, — тихо сказал он.

Движение справа заставило меня невольно повернуться, и я увидела Лифа. Он стоял под углом, чтобы только зеркало за Мереком отражало его. Мерек проследил за мной, но я знала, что ему видно только меня с его угла.

Я шагнула вперед, чтобы помешать Мереку заметить Лифа.

— Я привел тебя сюда не просто так, — сказал он. Лицо Лифа за ним отражало мои

эмоции — тревогу, напряжение.

— О?

— Моя мама... она не хорошая королева.

— Мерек, ты не должен...

— Здесь мы можем говорить искренне, мы одни. И я знаю, что ты тоже так думаешь, я следил за тобой по возвращению. Я видел, что ты хотела спасти лорда Беннела. Ты знаешь, что она плохая королева, даже если только думаешь об этом, это все еще измена, но и правда. Ей нужна слава за счет королевства, она унижает отчима, она убивает друзей. Она жестока и мстительна, и она не годится для Лормеры. Так нельзя продолжать, понимаешь? Я много видел, вернувшись, и я не могу позволить этому продолжаться ради двора Лормеры и тебя. Мама такая из-за крови. Боюсь, она безумна, она говорит о чистоте и... — он замешкался. — Я могу доверять тебе?

Он смотрел на меня, а я задержала дыхание и кивнула.

— Я просил подвинуть нашу свадьбу. Мама слаба, я такой еще не видел. Она позволила отчиму перечить ей публично, она не помешала дать тебе свободу без ее ведома. Вместе мы сможем все изменить. Пора ударить. Сыграем свадьбу, заберем королевство. Я не могу ничего, пока я не женат. А я должен что-то делать.

Я смотрела на него, а Лиф — на меня, я ничего не могла поделать.

— Но... твой день рождения...

— Это важно? — он шагнул ко мне. — Мы уже взрослые, мы всегда знали, что так будет. Чего мы ждем? Ты знаешь правду о Донен, нет смысла притворяться. Я хочу жениться на тебе сейчас же, — он скрепил заявление поцелуем.

## Глава 18:

Он был очень холодным по сравнению с Лифом. Его губы, как у статуи, прижались к моим, и они отличались от губ Лифа и жара, что полыхал между нами от прикосновений. Мерек отодвинулся от меня, склонил голову и смотрел на меня. Я взглянула на зеркала. Лифа не было видно. Где он?

— Прости, Твайла.

Я отвела взгляд.

— Мне нужно что-то говорить, Мерек?

— О чем ты? Мы помолвлены, это почти как женаты. Ты была здесь, отдала себя мне. Свадьба — формальность.

Я промолчала, он прищурился.

— Я оскорбил тебя, Твайла? Я настолько противен тебе, Твайла?

Я открыла рот, чтобы возразить, он не дал мне сказать.

— Не ври мне, — продолжил он. — Думаешь, я не заметил, что ты тревожишься сильнее за своих стражей, чем за своего принца? Не только тобой управляют. У меня никогда не было выбора.

Год назад, даже месяц назад я бы чувствовала иначе. Но не теперь.

— Не так все должно было начаться, — продолжил он. — Я знал, что будет сложно сказать тебе правду, но я думал, что ты будешь рада тому, что ты не убийца, какой себя считала.

— И ты не можешь разорвать все? — спросила я в отчаянии. — Не можешь отказаться

от меня?

Он схватил меня за руку и развернул к себе.

— Я молился за тебя, — заявил он. — Я не верю в богов, но это мне не помешало. Каждую ночь одиннадцать лет я ложился в кровать и молил богов отдать тебя мне, сохранить тебя у меня. Ты мне снилась. Я слышал твое пение, я был рад тебе. Поверь, Твайла, я не могу выбирать жену, она не была бы связана со мной. Я бы не выдержал такого. И я с трудом прождал последние два года, чтобы вернуться и быть с тобой. Ты будешь моей женой, и я рад этому. Я хочу, чтобы это была ты. Я всегда этого хотел.

Он отпустил меня и отвернулся к зеркалу, а потом заговорил со спокойствием:

— Тебя захлестнули чувства, это моя вина. Тебе пришлось многое осознать недавно. Я попрошу отвести тебя в твою комнату, чтобы ты отдохнула до вечера.

— До вечера? А что будет вечером?

— Я затеял пир в честь нашей свадьбы. Я хочу объявить об этом, пока мама слаба. Я хочу объявить официально. И ты сможешь переехать в королевские покои и готовиться к свадьбе.

Он пошел по Зале стекла, ведя меня за руку за собой, ведя сквозь занавеску.

— Прости, что я так это преподнес, — он замер у двери, я смотрела на него. — Я буду тебе хорошим мужем, Твайла. Я постараюсь сделать так, чтобы все было проще, — он поднял мою руку и поцеловал, а потом прижал к щеке, его пальцы были такими же холодными, как губы. — Сейчас верное время. Нужно ударить, пока ее жало опущено. Мы нужны королевству. Увидимся позже.

Он открыл дверь и доверил меня двум стражам сурового вида, они поклонились Мереку. Я забыла поклониться ему, и мы пошли прочь. Это теперь не имело значения.

Я не знала, где Лиф, остался ли он в Зале стекла или ушел. Если остался, то он все слышал.

Когда дверь моей башни открылась, Лиф был там.

В его глазах не было огня, я не узнала его. Тусклые глаза были красными, волосы растрепались. Стражи ушли, и я медленно подошла к нему. Он равнодушно смотрел на меня, указал мне жестом идти вперед, а потом закрыл дверь. Я поднималась по ступенькам, слушая, как он шагает за мной, медленно, не совпадая с биением моего сердца.

— Лиф... — сказала я, как только мы оказались в моей комнате.

— Наверное, мне стоит теперь звать тебя Ваше величество? — он насмешливо поклонился, а я сжалась и разрыдалась.

Я была бы рада, если бы он успокоил меня, но он не сделал этого. Он стоял надо мной и смотрел равнодушно, как я плачу.

Слезы кончились, а он не двигался, и мне оставалось лишь отвернуться от него. Я подошла к чаше и умылась, а потом его руки обвили меня, он уткнулся лицом в мою шею. Мы стояли так, моя спина была прижата к его груди, его руки цепью обхватывали меня, а я чувствовала капли на коже. Когда я развернулась, его лицо блестело от слез, и мое сердце разбивалось от того, каким сломленным он был.

— Я хотел жениться на тебе, — его голос дрожал.

Сердце страдало от его слов, сжалось от его тона, радость и ужас боролись во мне.

— И все еще можешь, — прошептала я, потянувшись к нему. — Мы можем сбежать... хоть сейчас.

Он покачал головой.

— Времени мало, Твайла. У нас есть лишь часы.

— После ужина времени не будет вообще. Нужно уходить. Я не могу выйти за него. Я не могу быть с ним.

— Он поцеловал тебя, — медленно сказал он.

— Я не хотела, чтобы он делал так.

— Я хотел убить его.

— Мы сбежим, Лиф. Это перестанет иметь значение.

— Твайла, он принц. Я не могу превзойти это.

— Уже превзошел!

Он обвил меня руками. Наши губы встретились, я чувствовала соль на его губах, и хотя я очищала их поцелуями, соль возвращалась, и я не знала, были причиной его слезы или мои.

— Должен быть способ, — сказала я. — Мы с тобой умные. Мы не из замка. Мы знаем как жить снаружи. Ты нашел путь? Это все, что нам нужно. Мы можем уйти. Можем.

Он кивнул, отпустил меня и отвернулся. Я смотрела, как он расправляет плечи, успокаивает дыхание, пока не взял себя в руки. Он стал собой, повернулся ко мне, и в его глазах был блеск мужчины, что я любила.

— Завтра ночью. Мы уйдем. Я отправлю сестре весть готовиться.

Я помрачнела и покачала головой.

— Не выйдет. После ужина он хочет переселить меня в королевские покои, чтобы я готовилась к свадьбе. Сегодня ночью.

Он побелел.

— Можно так рискнуть? Пока все готовятся к ужину?

— Мы можем рискнуть и упустить шанс?

Он прижал меня к себе, я оказалась в безопасности его объятий.

— Он не получит тебя, — прошептал он в мои губы. — Ты моя, Твайла, любимая. Я не отдам тебя, кто бы ни пытался забрать. Ни королеве, ни принцу, никому.

— Я не хочу выходить за него, — сказала я.

— И не будешь. Обещаю. Я отдам за это жизнь, если потребуется.

— Не говори так, — взмолилась я. — Не говори такие слова.

— Если они узнают о нас, они не дадут тебе выйти за него.

— И убьют тебя.

— Пускай! Я не могу вернуться, ведь возвращаться некуда.

Он не возражал, когда я потащила его к кровати.

\* \* \*

Мы лежали, а ноги и руки переплелись, мы тихо дышали, его дыхание становилось моим. Наша кожа была влажной, нас ничто не могло разделить. Мое тело было тяжелым и растаявшим, в угасающем свете дня я хотела свернуться калачиком рядом с ним и спать. Он коснулся губами моего лба, а я улыбнулась, отклонила голову, чтобы заглянуть в его глаза.

— Не о таком побеге я думал, — тихо сказал он. — Хотя я не возражаю. Ты в порядке?

— В полном, — улыбнулась я, кожа пылала, а он улыбался в ответ. — Думаю, сбежать мы сможем после пира.

— Ты думала об этом? — он приподнялся на локте, глядя на меня с приподнятыми бровями. — Когда успела?

Он улыбался.

Я покраснела и отодвинулась.

— Недавно, пока мы лежали. Если я скажу, что у меня болит голова, то смогу уйти раньше. Мы уйдем, пока они будут праздновать. К утру мы будем в милях отсюда, и никто нас не догонит. Надеюсь.

Я смотрела, как он обдумывает мои слова.

— Идем, — он отстранился от меня, помог встать с кровати, накинул плед мне на плечи. Я смутилась и укуталась плотнее, но при виде его взгляда, от этой надежды и радости, я забыла о тревогах.

Он подвел меня к окну, встал за мной, руки лежали на моей талии, он уткнулся подбородком в мое плечо и указал на солнце, садящееся за деревьями.

— Смотри, там Западный лес. За ним наш новый дом, далеко отсюда.

Я кивнула, прижимаясь к нему.

— И мы уйдем ночью. Все закончится.

— Все начнется, — сказала я.

— Все начнется ночью, — согласился он. — Но пока что нужно быть готовыми к этому пиру. Мне попросить принести тебе воды?

— Нет, спасибо, — я хотела сохранить на себе его запах.

— Мне оставить тебя переодеваться?

Я хотела попросить его остаться и помочь мне, но все же кивнула.

— Я быстро.

— Я буду снаружи, — он развернул меня, чтобы поцеловать, и я тянулась к нему. Когда я открыла глаза, в комнате заметно потемнело.

— Иди, — сказала я. — Я скоро буду готова.

Он поклонился мне у двери, глаза его пылали, и я старалась не обращать внимания на боль, что появилась, когда он тихо закрыл за собой дверь.

\* \* \*

В этот раз красное платье мне шло. Щеки все еще были румяными, и платье сочеталось с ними, я управляла цветом, а не подчинялась. Я сияла, глаза блестели, кожа светилась. Мне казалось, что то, что мы сделали, написано на мне, но мне было все равно. Пусть двор думает, что я рада свадьбе с Мереком. Пусть думают о такой причине, а я улыбалась, я горела изнутри. Мы убежим отсюда.

Лиф вошел, чтобы сопроводить меня в главный зал, и его рот смешно раскрылся, когда он посмотрел на меня, а я радостно рассмеялась. Я покружилась, глядя, как платье разлетается вокруг меня. Я шагнула в его объятия и поцеловала, его руки обхватили мое лицо. Он осторожно и нежно удерживал меня, мне стало страшно, и я прижалась к нему, желая поддержки его тела. Он вскоре отпустил меня, глаза были темными, я трепетала от обещания в них.

— Останемся чуть дольше здесь, — сказала я.

— Зачем? — он улыбнулся, а я шлепнула его рукой.

— Потому что как только мы покинем комнату, ты будешь моим стражем, а мне придется быть Донен Воплощенной. Я хочу, чтобы еще немного были Твайла и Лиф.

— После этого вечера мы будем Твайлой и Лифом.

— Знаю, — улыбнулась я. — Может, преподашь мне урок?

Он склонил голову и на миг закусил губу.

— На этих пирах танцуют?

— Порой.



— Тогда спой, иначе как танцевать?

Мир вспыхнул цветами, он взял меня за руку, и в душе звенела радость. Я тихо запела «Честно и далеко», он закружил меня по комнате. Одна рука была на моей талии, другая — на плече, и я положила ладони на его руки. Во время песни мир был идеальным, как и должен был, и я не могла быть радостнее. Я смеялась, юбки шуршали, он улыбался, подпевал смешно невпопад. Мы допели вместе, и он прижался лбом к моему, мы дышали друг другом, пока сердца успокаивались.

\* \* \*

Радость оставалась, пока мы шли в главный зал за лордами, леди и прочими придворными, пока направлялись в сердце замка. Все были в лучшей одежде, камни на дорогих шелках отражали свет свечей, мужчины скованно шагали в брюках, что одевали редко. Все общались, восторгались. Руки летали в воздухе, как мотыльки, пока они говорили, коридор наполняло острое предвкушение. Все казалось мне милее, даже лицо леди Шасты казалось дружелюбнее. Мне не придется больше на нее смотреть.

Мы подошли к двери, и они расступились, словно я уже была коронована. Все шептали мое имя, кланялись, пока я шла.

Мерек ждал у двери, золотой обруч лежал на его темных прядях, его церемониальная лента была лиловой и бронзовой поверх бархатного камзола. Он с победой протянул мне руку, радость угасла. Мы с Мерекем прошли к высокому столу мимо столиков для придворных, а те поднялись и поклонились. Он выдвинул стул справа от короля, и я позволила улыбнуться принцу.

Я поклонилась королю и королеве, а потом села. Все в королевской семье были украшены, король и королева были в коронах, в мехах на воротниках, посох короля стоял у его стула. Странно, но королева была веселой, а король — бледным, все еще приходил в себя после простуды. Я думал, все будет иначе, но королева улыбнулась мне, как гордая мать, когда я села рядом с королем. Мерек коснулся рукой моего плеча и сел рядом с королевой, а та склонилась и поцеловала его в щеку. Он напрягся и скованно улыбнулся, а королева повернулась ко мне и улыбнулась.

Я устроилась и оглядела комнату в поисках Лифа. Нить между нами привела к нему, он стоял у коридора, что вел в королевские покои. Он встретился со мной взглядом на миг и принялся разглядывать комнату, а я грелась в тепле его взгляда. Я позволила слуге налить мне вина, сделала глоток и кивнула придворным, смотревшим на меня с улыбкой. Все знали, почему мы собрались. На их лицах было счастье, все ожидали, когда поднимут бокалы за нас, и это отличалось от прошлого собрания здесь. Краем глаза я заметила, как король коснулся руки королевы, она позволила это и улыбнулась ему. Она была слабее или сдалась обстоятельствам.

Мы ели и пили, музыканты играли на арфах и флейтах песни о королевстве, что обычно пела я. Король и королева тихо общались, но мне не было слышно, зато было трогательно видеть их такими. Может, все в Лормере менялось к лучшему, может, я им и не нужна. Королева предложила королю попробовать курицу из ее тарелки, а я улыбнулась, представляя, как буду так когда-нибудь делать с Лифом. И тут я увидела, что Мерек смотрит на меня и улыбается, отвернулась к своей тарелке и принялась за еду.

Я взглянула на Лифа, а он смотрел на Мерека, щурясь, не думая, что его могут заметить.

Тут музыканты перестали играть, все повернулись к высокому столу. Под взглядами король и королева поднялись, воцарилась тишина. Лиф смотрел на меня, я — на него, мои

глаз пылали, пытаясь передать взглядом, как сильно я хотела оказаться вдали от этого места с ним.

— Мы благодарим вас за то, что вы присоединились к нам, — начал король. — Как все вы знаете, Лормеру выстроили традиции, которые делают нас сильными все время. Мы одолели столько угроз, давно и недавно, — я посмотрела на Лифа, подавив улыбку, ведь мы думали о Трегеллане, — и мы процветаем.

— И будем процветать, а не просто жить, — продолжила королева следом за мужем. — Сегодня мы смотрим в будущее, — она улыбнулась, и все улыбнулись с ней. — Как вы знаете, боги дали нам сына и дочь, но решили, что нашу любимую Алианор нужно забрать. Мы отчаялись, не понимая, чем так расстроили их. Но планы богов смертным не понять, а они, забрав одной рукой, другой вернули. Они дали нам Твайлу, нашу Донен Воплощенную, и она стала нам дочерью. Годами она жила с нами, ждала, как и все мы, дня, когда она сможет выйти замуж за Мерека и стать нашей дочерью.

Мерек встал и прошел ко мне. Я встала и позволила ему положить ладонь поверх моей, как мы делали и на помолвке.

— Потому мы рады сообщить вам, что этот момент наступит до конца года, — королева улыбнулась нам. — В последний день урожая в этом году Мерек сделает ее своей невестой, и начнется Золотая эпоха.

Комната взорвалась радостными воплями, поднимались кубки, выпивались напитки. Мерек провел меня вперед, кивая придворным и улыбаясь мне. За нами гордо стояли король и королева, а я посмотрела на Лифа.

Но он смотрел не на меня, а на короля, хмурясь, и еще один придворный делал так же. Я обернулась.

Король застыл рядом с королевой, его улыбка превратилась в гримасу, и хотя мы с Мерексом двинулись к нему, он рухнул на стол с грохотом, его руки скребли по поверхности, сбили его кубок, и тот упал вместе с ним.

Раздались крики.

## **Глава 19:**

Крики утихли так же быстро, как начались. Стражи подбежали с мечами, словно король был атакован, и они защищали его. Они начали окружать его, но король попытался сесть и отмахнуться от них. Я по привычке пыталась отпрянуть от стражи, но Мерек схватил меня за руку и отвел за стол, а сам стал щитом между мной и комнатой. Я пыталась заглянуть через его плечо, но не видела Лифа. Королева опустилась рядом с королем, прижала ладонь к его лбу. Он что-то сказал ей, но я не услышала, Мерек крепче сжал мою руку, я вскрикнула. Придворные смотрели, раскрыв рты на бледных лицах, прижав ладони к сердцам, они застыли, как статуи.

Два королевских стража попытались помочь ему встать, но он не мог, и им пришлось поднять его, подхватив и за ноги. Он стыдился того, что они выносили его из комнаты. Королева смотрела ему вслед, прижав ладонь ко рту, а потом опустила ее. Она посмотрела на Мерека и пошла за королем. Мерек взглянул на меня, щурясь, а потом отпустил руку.

— Будь здесь, — сказал он. — Ничего не ешь и не пей, но оставайся здесь, пока остальные здесь. Пусть думают, что все хорошо, что праздник продолжается. Уйдешь, когда уйдет весь двор, и пойдешь сразу в башню. Понятно?

Я кивнула, а он быстро покинул комнату, оставил меня на возвышении, окруженную стражами, все смотрели на меня. Я застыла, глядя на придворных.

— Король болеет, — сказала я дрожащим голосом. — Ничего серьезного, если боги не передумают, и Его высочество принц Мерек настоял, чтобы мы остались и продолжили праздновать.

Все смотрели на меня с подозрением. Они сели на места, но никто не ел и не пил. Они шептались, мрачно смотрели на меня, а я села, понимая, что осталась одна, что стражи исчезли. Я посмотрела на остатки еды на столе, слуги жалась у двери, словно хотели сбежать, и я знала, что все в комнате этого хотят, в том числе и я. Вскоре ушли первые из них. Я не была королевой, они не боялись меня так сильно, как ее.

— Я буду молиться за здоровье короля, миледи, — сообщила леди Шаста и встала, половина двора встала с ней.

Я посмотрела на дверь, а Лиф стоял там и хмуро смотрел на меня.

— Я тоже буду молиться, — сказала я, ловко встала и пошла так быстро к двери, что всем пришлось отпрянуть. Я слышала, как кто-то шептал «яд». Шепот преследовал меня, и я заметила, что, несмотря на их желание помолиться, никто не пошел за мной. Лицо Лифа было напряженным, он оказался рядом со мной.

— Сейчас? — тихо спросил он, но я покачала головой, в испуганной тишине следуя в башню. — Когда? — спросил Лиф, мы завернули за последний угол. — Твайла?

— Мерек сказал идти в башню, — сказала я, он открыл дверь.

— Это важно? Может, это лучший шанс для нас, — сказал он, следуя за мной по ступенькам. — Все думают о короле и... — он повернулся, а дверь башни открылась за нами. — Кто там?

Ответа не было, Лиф заставил меня быстрее пройти последние ступеньки и зашел за мной в комнату, вытащил меч и встал в дверях. Но порог пересек Мерек, прошел мимо нас с Лифом и прижался к подоконнику, встав спиной к комнате.

— Что такое? — спросила я. — Король?

— Стой у двери снаружи, — приказал он Лифу. — Никого не впускай.

Лиф посмотрел на меня, я кивнула, он скованно поклонился, впиваясь в меня взглядом, и закрыл за собой дверь.

— Мне важно, чтобы ты была счастлива, Твайла. И в безопасности, — начал Мерек, как только щелкнул засов, он все еще стоял спиной ко мне. Слова зловеще напоминали мне его мать, ее призывы о моей безопасности.

— Так и есть Мерек. Я счастлива и в безопасности.

— Нет, — он покачал головой, повернулся ко мне, и я не могла дышать. На его щеках были красные пятна, но он был бледным, как труп, волосы растрепались, хотя он всегда следил за этим. Страх впился в меня, я стала пустой. Он подошел ко мне, схватил за руки, а я боролась с желанием отпрянуть. — Ты не понимаешь. Я хочу попросить тебя сделать кое-что для меня. Для нас.

Я в смятении покачала головой, он крепче сжал мои руки.

— Это важно. Это будет звучать ужасно, но ты должна, потому что иначе... — он умолк.

— Мерек, можешь объяснить, что происходит? Ты обещал правду. В чем дело? Что случилось там?

Мерек смотрел на меня, он облизнул губы и ответил:

— Думаю, мама отравила короля. Я уверен в этом.

Я быстро моргала, пытаюсь найти смысл в его словах.

— Не понимаю.

— Похоже, просьба отчима помиловать леди Лорель была последней каплей. У них не было любви, но она не могла позволить ему захватить власть. И тут это... Вряд ли он переживет ночь. Ты сама его видела.

— Но это просто простуда еще не отступила. Отдых, время...

— Не думаю, что он болел. Она могла ошибиться с дозировкой в первый раз и попробовать снова сегодня. Он не увидит рассвет, Твайла.

— Что это за яд? Не олеандр? — спросила я, волоски на шее встали дыбом, но он покачал головой.

— Я не знаю, но я напишу знакомым в Трегеллане, опишу симптомы, может, они узнают, что стало причиной.

— Мерек, — тихо сказала я, — почему все так?

— Потому что она устала от того, что он не был мужем и королем, которого она хотела. Она думает выйти замуж снова.

— За кого?

— За меня.

Я уставилась на него, меня захлестнуло отвращение.

— О чем ты? Как можно так говорить?

— Она так сказала, — он прикрыл после этого рот, словно мог оставить слова внутри, хотя он уже сказал их вслух.

За всю жизнь ни на одном Пожирании, ни на одной казни я не видела такого потерянного взгляда.

— Я слышал ее, — он опустил руку и продолжил. — Я пошел за ней в комнату, куда унесли отчима, и ждал снаружи, чтобы услышать ее. И она сказала ему, что все кончится до рассвета, а потом останемся только мы с ней. И что она знает, что делать. И что это будет не хуже, чем выходить замуж за брата.

Я застыла, глядя на него.

— Мерек, это... безумие.

— Не я тут безумец! — прокричал он, я отпрянула, кривясь от громкости. — Это сказала она, Твайла. Она. Это она сошла с ума, Твайла. Не я. Она хочет, чтобы два дитя по крови сидели на троне. Этого она всегда хотела. Вернуть Золотую эпоху Лормеры: сестра и брат, король и королева. Но отец умер, Алианор умерла, и детей больше нет. Ты не понимаешь, что она ненавидит его за это? Она никогда не любила его сполна, он был лишь родственником, но то, что он не мог дать ей даже сестру для меня, означало, что он подвел ее. И она избавится от него, чтобы выйти замуж за меня. Она не удержит трон без короля, а я остался последним. Она выйдет замуж за меня.

Я пятилась, пока не врезалась в комод.

— Но я еще здесь. Какие у нее планы на меня? Тоже убить? Так она добьется цели?

Глаза Мерека расширились.

— Я не дожидался ее слов об этом. Как только она призналась в том, что я подозревал, я пошел к тебе.

— Призналась? Ты уже думал об этом?

— Я подозревал какое-то время... Она говорила о будущем Лормеры без нашей крови, о

том, хватит ли тебе характера быть королевой, и стоило ли заставляя меня жениться на ком-то не из нашей родословной... Я пытался сказать тебе в Зале стекла, но не вышло. А теперь отчим умирает от ее руки. Она сделала ход, Твайла.

— Нужно кому-то рассказать, — я отстранилась и направилась к двери. — Она не может так сделать, нельзя убивать короля. Это измена.

— Кому рассказать? — он оттащил меня обратно. — У кого больше власти, чем у нее? Кто ее остановит?

Я смотрела на Мерека и впервые подумала, что и он мог быть чуть безумен.

— Что нам делать? Она хотела и меня отравить... — и тут во мне вспыхнула надежда, — или заставит тебя бросить меня в ее пользу? Этого ты хочешь попросить от меня? — если так будет, я смогу быть с Лифом.

Мерек помрачнел, кожа на его скулах натянулась, а рот приоткрылся в беззвучном стоне. Лицо его было пустым.

— Если мне придется бросить тебя, чтобы она не убила тебя, — напряженно сказал он. — То ты хоть уцелеешь. Но это убьет меня, — он смотрел на меня большими глазами. — Я бы сбросился с этой башни. Жениться на матери? Как? — он пожал плечами. — Я хочу твоей помощи. У меня больше нет никого и ничего.

Я смотрела на его отчаянное лицо.

— Я не могу ничего от тебя просить, знаю, — сказал он. — Знаю, что не могу просить тебя стать мне союзником и верить после того, что я скрывал от тебя. Но я буду показывать тебе свою благодарность каждый день, всю жизнь, если ты поможешь мне. Что хочешь, нужно только назвать, и ты получишь это.

— Что мне нужно сделать? — спросила я.

— Как только отчим умрет, мы должны пожениться. Если у меня будет королева, я смогу забрать корону с тобой, и мы уберем мою маму куда-то, где она никому не навредит.

— Но она убьет меня, — сказала я. — Она убьет меня до того, как мы сыграем свадьбу.

— Нет, если все делать быстро, — он прижал мою ладонь к своей груди. — Если мы сделаем все раньше, чем она поймет. Мы можем притвориться, что хотим отложить свадьбу из-за отчима, это собьет ее. Ей не нужно трогать тебя, пока ее план в силе, ведь много смертей вызовут подозрения. А мы затягивать не будем.

Стены сдвигались.

— Когда? — сказала я.

— Завтра ночью. Нужно послать за священником, которому можно довериться, я знаю такого. Церемонии не будет. Только мы с тобой и свидетели, — он смотрел на меня с надеждой. — Знаю, я прошу совершить измену, — сказал он. — Поверь, я знаю, что не имею права ничего у тебя просить. Но это единственный шанс, Твайла. Нужно со всем закончить. Иначе мы умрем. Завтра.

Завтра. Я не буду свободной, если соглашусь. А что будет, если откажусь? Королева выйдет за Мерека, для этого она убьет меня. Я не верила, что она не постарается сохранить корону. Если я останусь, то потеряю Лифа, но если уйду... Мерек лишится жизни. Я это знала. Я видела решимость в его глазах, если я откажусь, он сделает это немедленно, пока не случилось ничего другого. Я буду его убийцей. Я уйду, зная, что его смерть случилась по моей вине. Он умрет, чтобы мы с Лифом были вместе. Его жизнь в обмен на наши.

Он взял меня за руки и опустился на колени, обвил руками мою талию, прижался щекой к моему животу. Я смотрела на него, а он — на меня, в его темных глазах был страх. Он

напоминал мать.

— Прошу, Твайла, — тихо сказал он. — Я не смогу сделать этого без тебя.

— Мерек... — я не успела продолжить, дверь распахнулась, крупный страж с красным лицом ворвался в комнату, пытаюсь оттолкнуть Лиф. Мерек поднялся на ноги с бледным лицом.

— Простите, сир, — сказал он, опустился на колени, а Мерек посмотрел на меня огромными глазами, я видела белки вокруг его темных радужек.

— В чем дело? — спросил он напряженно у стража, а Лиф перестал бороться с ним.

— Мне нужно было прийти. Настояла Ее величество, — задыхался страж. — Король мертв, — он повторил это, ведь мы лишь стояли и смотрели на него. — Король мертв.

Мерек смотрел на меня с болью и отчаянием, пальцы тянули за воротник, словно он был удавкой.

Долг или выбор. Его жизнь или моя.

Словно в трансе я опустилась перед Мерексом и закончила фразу:

— Да здравствует король.

Я кивнула ему, он просиял, морщины пропали, и он начал дышать. Он поднял меня, шепнул: «Спасибо», — мне на ухо, мое сердце разбилось.

Я отвела взгляд, Мерек поцеловал мою руку.

— Спасибо, — сказал он снова и повернулся к стражу. — Мы оставим леди молиться, — сказал он, страж кивнул мне и последовал за Мерексом прочь.

Лиф смотрел то на дверь, то на меня.

— Мы не уходим? — плоско спросил он.

— Лиф...

— Ты обещала мне. Ты сказала, что не выйдешь за него. Ты выбрала меня.

О, боги.

— Лиф... — мой голос оборвался, я не могла выдать слова, разрушить обещание. Я не могла и бросить Мерека, иначе он убьет себя. Его смерть будет нашим проклятием. И не только нашим, а все Лормеры. И все здесь будут страдать. Лормера станет Таллитом, потерянным королевством. Но Лиф этого не поймет.

Лиф кивнул и отвернулся.

— Прошу! — сказала я. — Не оставляй меня.

— Не проси меня оставаться и смотреть на вашу свадьбу, — сказал он. — Всего ты не получишь, Твайла.

— Я не хочу всего. Я хочу тебя!

— Тогда идем со мной, — его голос оборвался в этот раз, мое сердце трепетало, словно хотело выпрыгнуть из моей груди в его руки.

— Не могу.

— Почему? Что изменилось, Твайла? Что он тебе сказал?

Я покачала головой, пытаюсь понять, как объяснить ему, о чем меня попросил Мерек, почему я не могла отказаться. Слова застряли в горле, я смотрела на него.

Он долго смотрел на меня.

— Это прощание.

Он отвернулся и пошел прочь.

\* \* \*

Час спустя дверь снова открылась, я думала, что это он пришел требовать объяснений.

Но это был сияющий Мерек.

— Твайла? — он подошел ко мне. Я не двигалась после того, как ушел Лиф. Он нежно отвел меня к кровати и усадил. Он ушел и вернулся через миг с кубком, который я без вопросов опустошила. Судя по жжению, это был бренди. Стоило понять, что это алкоголь.

— Ты в порядке? — спросил он, я взглянула на него. Тело было слабым, обмякшим, я не управляла им. Я была пустой, во мне ничего не осталось. — Говори, дорогая.

Дорогая. Я закрылась в себе, в своем горе, его руки обвили меня. Не те руки, не тот запах, не тот мужчина.

— Мама отправилась к озеру молиться, — его губы скривились, я поежилась. Мы понимали, о чем она будет молиться у озера плодородия. — Я сказал ей, что мы перенесем свадьбу в свете событий. Она согласилась. И сказала, что мы можем тянуть, сколько хотим, Лормера поймет.

Я кивнула, попыталась сесть прямее.

Он убрал волосы с моего лица так нежно, что это вызвало новые слезы.

— Знаю, я напугал тебя раньше своими словами, но все будет хорошо, обещаю. Все будет хорошо, как мы и планировали. Я должен жениться на тебе, Твайла. А потом мы устроим коронацию и будем спасены.

Я закрыла глаза, а потом тут же открыла, ведь увидела в мыслях потрясенного Лифа.

— Послали за твоей мамой, — продолжил Мерек. — Как только она все сделает, его сожгут, и мы сможем пожениться. А потом тебе нечего бояться. Мы будем свободны.

Я всхлипнула так громко, что испугала его. Я качала головой, пытаюсь взять себя в руки.

— Мне как-то успокоить тебя? — спросил он.

Я покачала головой, глубоко вдохнула. Я сделала выбор и дала Лифу уйти без меня. Я сама так поступила.

— Прости.

— Не стоит извиняться. Знаю, я принес тебе только разрушение в последние дни, но еще немного, и мы будем спасены. Как только меня коронуют, я смогу управлять мамой.

Он говорил, а я осознала другие слова.

— Моя мама придет?

— Она ведь Пожирательница грехов. Хочешь с ней увидеться?

Сомнений не было.

— Нет. В этом нет нужды. Теперь моя жизнь здесь.

— Со мной, — он не старался скрывать триумф.

## Глава 20:

Каждое окно в замке закрывали, каждое зеркало занавешивали черной тканью. В главном зале убрали серебряные тарелки, заменив оловом, нельзя было, чтобы что-то могло отражать. Слуги и горничные всю ночь подгоняли черную одежду под нас для утра.

Замок готовился скорбеть по королю, Мерек оставался в моей комнате, говорил о том, что планирует делать, чего мы достигнем вместе. После часов я попросила его дать мне отдохнуть, и он обхватил мое лицо ладонями.

— Прости, любимая, конечно, ты можешь отдохнуть. Пусть твой страж закроет дверь башни за мной, скажи ему открывать только мне.

— Он ушел, — слабо сказала я. — Ему нужно вернуться домой.

— Тогда я буду твоим стражем до коронации, — Мерек поцеловал меня в лоб. — Спустишься со мной и закрой дверь, а я приду утром.

Я сделала так, стараясь не дрожать, когда его холодная рука обхватила мою щеку на прощание. Я замерла с пальцами на засове. Если я закрою, Лиф не сможет вернуться. Я вспомнила его лицо перед тем, как он уходил. Он не вернется. Я подвинула засов и медленно пошла по ступенькам в комнату.

\* \* \*

Сна не было. Я вспоминала все слова Лифа, не знала, ненавидит ли он меня теперь. Говорят, если лишит конечности, будет ощущаться ее призрак, так было сейчас со мной. Я не могла смириться с тем, что он ушел не на миг, а навсегда. Я подвела его и себя, хотя знала, что так было нужно, но этого не становилось лучше. Я сидела у окна, прижав лицо к занавеске, пока не поднялось солнце. Я искупалась и переделалась. Я ждала Мерека, чтобы он был моим стражем, но никто не приходил. Горничная не принесла завтрак, никто не пришел защитить меня, сказать, куда мне идти. Я ждала у окна, смотрела, как солнце поднимается все выше и выше, а никто не приходил. Я надеялась остаться здесь, представляла, как меня найдут через годы грудой костей у окна.

Но потом я разозлилась на себя за это. Я сделала выбор, и я заставила себя встать, расправить черное платье и покинуть башню, впервые без сопровождения.

Я готовилась видеть страх и подозрения у придворных, видеть жестокость, ведь я была без защиты, а о репутации знали все. Часть меня надеялась, что это смягчит боль от того, что он ушел, я ухватила бы за другую боль. Но коридоры были пустыми, широкими, как океан, о котором говорили братья. Я плыла по ним, как лодка без дома и якоря. Ничто не связывало меня. Не держало. Когда я пришла к королевским покоям, меня объявили стражи, и Мерек ждал с королевой, словно забыл обо всем.

— Твоя мама здесь, — сказала она, глядя на меня.

— Твайла не хочет с ней видаться, — сказал за меня Мерек. — Ее не будет на Пожирании.

Королева смотрела на тебя.

— Боюсь, придется. Такова цена за то, что становишься женой короля, Твайла. Порой приходится делать и то, что больно. Мы оставляем свои нужды ради общего блага.

Что-то тяжелое было в моей груди, я думала о том, что оставила ради общего блага, из-за нее.

— Понимаю, Ваше величество, — ровно сказала я.

Она кивнула.

— Мне нужно привести себя в порядок, лучше начать раньше. Кухни готовы. После всего мы найдем, кто это сделал, и казним.

— Есть идеи, кто это мог быть? — спросил Мерек ровным голосом с мрачным взглядом.

— Трегеллианец, — сказала королева, мое сердце екнуло. — Кто еще хотел бы убить короля Лормеры? Я подозревала, что они не такие мирные, как изображают, и теперь я уверена в этом. Ты сам сказал, Мерек, что они знают о медицине и науке больше нас. И теперь мы знаем, почему они не хотели делиться знаниями. Они хотели использовать знания во зло. Это война, Мерек. Они отправили кого-то, чтобы убить нас, это нельзя спускать с рук. Они хотят войны, они ее получают.

Я вспомнила, как Лиф рассказывал, что знал, что утрава — ложь, потому что



трегеллианцы знали о ядах, я сжала кулаки. Это общие знания. Нельзя винить каждого из них.

— Матушка, войну позволить нельзя, — сказал Мерек. — И нет доказательств, что это Трегеллан.

— Яд — доказательство, — заявила королева. — Трегеллианцы знают о ядах, это оружие труса.

Мерек посмотрел на меня, хмурясь.

— Может, стоит поговорить об этом позже, — сказал он, королева мрачно улыbnулась.

— Я не буду говорить о другом, пока все в Лормере не будет исправлено.

Она покинула комнату, шурша платьем.

Я поймала на себе взгляд Мерека, пока смотрела ей вслед.

— Ты молодец, — сказал он тихо. — Она не знает.

— Она даже не изображает горе, да?

Мерек улыbnулся, а потом рассмеялся, звук поглотили шторы.

— А зачем? Она считает, что начнет Золотую эпоху. Ее волнует только власть и корона.

— Люди поверят, что это трегеллианец убил короля?

— Наверное. Ты бы сомневалась в ней, если бы я не рассказал о подслушанном? — спросил Мерек, я вспомнила Лифа, боль сжала грудь. — И для нас лучше, если она думает, что обманула всех. Пусть верит, что план работает. Мы сможем отомстить за отчима позже.

Я смотрела на него, не веря полностью, что королева убила мужа и хотела выйти за сына, чтобы удержать трон.

— Мы отошлем ее, когда все закончится, — тихо сказал он. — У Восточных гор есть закрытое общество женщин. Она может жить там. Вдали от нас.

Он встал и налил себе вина, мы молчали, думая о своем, пока не вернулась королева с вуалью из черного кружева, что плохо скрывала блеск ее глаз. Мерек встал и протянул мне руку, а потом повернулся к королеве, ведь я покачала головой. Королева кивнула, и я пошла за ними.

\* \* \*

Я не была в этой части замка с прошлого визита на Пожирание короля. За казармами в подвале со сводами у северной башни. Там было тихо, это не вязалось в борьбой во мне. Я не могла успокоиться, у меня болело сердце то от страха, то от ужаса потери, и это не было связано с умершим королем.

Мама ждала, большая и тихая, перед гробом. Она всегда заполняла комнату, и дело было не в ее размере. Что-то в ее поведении заставляло смотреть на нее, хотя в комнате были принц и королева, она казалась властнее. Она стояла, широко расставив ноги, ее руки были скрещены на груди, она всегда была в черном. Я забыла, какая она высокая. Я изучала ее лицо, старалась найти сходство с собой. Но ничего не было. Она не смотрела на меня, глядела на гроб. Крышка была накрыта королевским гербом, еды наверху было меньше, чем у прошлого короля или Алианор. Маме это не понравится.

Мы выстроились у стены и сели на стулья для нас. И началось Пожирание. Мама работала, как и всегда: медленно и методично. Три кусочка хлеба, глоток эля, немного ветчины, еще эля. Она была непоколебимой, разбиралась с едой с достоинством лошади в поле. Я смотрела, как плоть на ее руке морщится, когда она тянется к яблоку. Хруст укуса причинял боль, но она не обращала внимание, взгляд двигался от одного угощения к другому, она двигалась вдоль гроба.

Она всегда начинала с мелких грехов — лжи, обманов, ругательств — а потом приближалась к большим. Я боялась на больших Пожираниях, что она наестся до того, как дойдет до худших грехов, но такого не случилось. Казалось, что мелкие грехи раззадоривают ее аппетит для крупных. У короля не было страшных грехов, лишь обычные. Мама предпочитала грешников страшнее.

Я смотрела на ее работу со спокойствием, это все еще было знакомо мне, хоть прошли годы, потому что это не менялось. Поодаль справа от меня сидела королева, пальцы все время сжимались на ее коленях, как угри. Мама, казалось, стала двигаться медленнее, и я поняла, что это она и делала. Королева телом пыталась ускорить Пожирание, мама своим телом замедляла его. Она не даст королева влиять здесь, она правила смертью, Пожирание шло в ее темпе. Я была зачарована, я знала, что мама сильна, но не подозревала, что настолько, что в замке королевы она заставит королеву быть ей слугой во время Пожирания. Мама победит всегда, пока играет свою роль, а она жила ради этой роли. Несмотря на отчаяние, оставался кусочек надежды, ведь я все-таки была ее дочерью, у меня тоже была сила. Я заберу листок из ее книги, буду как она. Я буду держаться, несмотря на цену. И так я выиграю.

Мерек смотрел на меня с нечитаемым лицом, а потом взглянул на работу моей мамы. Время немного изменило ее внешность, несколько седых прядей, чуть четче проявились морщины, она щурилась, чтобы увидеть, сколько эля осталось.

Я не знала, как выглядит сестра, и тут поняла, что ее тут не было. Как ученица она должна была ходить за мамой и смотреть, как делала я. Я взглянула на Мерека, но он глядел на гроб.

Хоть казалось, что все медленно, она вскоре закончила, прошел всего час. Как только все закончилось, королева встала и безмолвно ушла.

Мама смотрела на нас с Мереком, а потом закончила ритуал.

— Я отпускаю вас отдыхать, дорогой человек. Не приходи на наши луга. И за мир я плачу душой.

Я поежилась, как и всегда при этих словах, а Мерек вытащил из мешочка серебряник и дал Мей маме. Она забрала его и спрятала в складки платья, а потом поклонилась ему и повернулась уходить.

— Не поприветствуете дочь? — его голос испугал меня, он отразился от мраморных стен.

Мама повернулась ко мне и окинула взглядом.

— Она мне не дочь, Ваше величество. После того дня. Как теперь они зовут ее? «Донен Воплощенная»? — она ухмыльнулась.

— Где Мэрил? — выпалила я.

Мама взглянула на меня, словно могла видеть все мои грехи, следы рук Лифа на мне, а потом поджала руки.

— Мертва. Она заболела и умерла, — в ее глазах не было печали.

— Когда?

— Два года назад, — сказала она и повернулась к Мереку. — Это все, Ваше величество? Я знала, что не вообразила насмешку в ее голосе. Мерек крепко сжал мою руку.

— Идите, — сказал он, и она послушалась.

Мэрил была мертва уже два года. И никто не сказал мне.

Как только мама ушла, я повернулась к Мереку.

— Ты знал? — осведомила я.

— Конечно, нет, — сказал он. — Меня здесь не было, Твайла, ты знаешь.

— Но твоя мама знала, так? — прошипела я.

Он посмотрел на меня и медленно кивнул.

— Скорее всего. Прошу, Твайла, — сказал он, когда я открыла рот. — Не сегодня. Я потерял единственного отца, какого помнил, мы можем лишь разозлить ее сейчас. Мы близко, дорогая. У нас будет время наказать ее за ее грехи, — он трепетно взял мою руку и сжал, а потом отпустил и ушел.

Я смотрела на него, задетая его грубостью. Как он мог быть таким равнодушным к моей потере, когда сам тоже терял? Я пыталась вспомнить лицо сестры, но не смогла, не видела ее давно. Половину времени, что я была здесь, она была мертва. А я слушалась, потому что думала, что делаю ее жизнь лучше. А она этого не узнала. И никто не сказал мне. Никто не подумал, что мне нужно сказать.

Но, конечно, они не сказали бы, ведь я разве показывала, что мне это важно?

Я никогда не боролась за нее. Я могла попросить увидеть ее, попросить у Мерека или короля. Я могла спросить, как она, попросить кого-то узнать, пригрозить для этого. Я использовала репутацию, чтобы мне дали добавку пирожных, но не для поиска сестры. Я не пыталась даже послать ей весточку. Мне было больно из-за ее потери, но я ничего не делала с этим.

Я хотела покинуть дом матери, не быть Пожирательницей. Я ушла, зная, что моя семилетняя сестра возьмет это время себе, пока я жила в замке. Я приговорила ее к ужасу, которого не хотела, и я говорила себе, что так верно, потому что я посылала деньги домой для нее. Я врала себе, притворялась, что действую ради блага, и все это время я жалела себя. Даже сегодня я не сразу поняла, что она должна прийти.

Я принесла сестру в жертву за шанс стать принцессой. Я была жадной эгоисткой, я скрывала это за маской благочестия, смирения работе, что я делала. Что я выбрала.

Я и не ожидала, что настолько напоминала маму и королеву.

И впервые я ощутила что-то большее, чем смирение насчет свадьбы. Я заслужила это. Я заслужила остаться и все это видеть. Такая моя судьба. Теперь я поняла. Пора перестать желать невозможное и делать то, зачем я здесь. Я выйду за Мерека, стану королевой. Я заслужила.

\* \* \*

Тело короля сжигали, Мерек пил, королева сидела и писала бесконечный список в книге с кожаным переплетом, и я смотрела на нее, хотелось кричать, бить ее. Она смеялась и смотрела, как я угасаю, с длинным лицом и чистыми глазами, что становились тенями, как я прячусь за юбками богов, желаю то, чего нет. Она знала, какая я трусливая. Она поощряла это. За это я ненавидела ее больше всего.

Я представила ее лицо, когда Мерек возложит корону мне на голову. Ее корону. Моя сестра мертва, Лиф ушел. Она забрала у меня все, и теперь я поступлю так же. Я заберу то, что она ценит, и она познает страдания.

Когда колокол оповестил, что церемония закончена, королева пожала плечами, словно сбросила тяжелый плащ, а потом встала и налила вина. Она медленно допила и снова встала.

— Я должна разослать послания, — сказала она, глядя на Мерека. — Ты добавишь к ним свою печать рядом с моей. Я потребую арестовать всех трегеллианцев в стране.

Я дернулась вперед, а Мерек оторвал взгляд от бокала с вином. Лиф. Нет, он ушел

прошлой ночью. Он уже пересек границу, он далеко от нее.

— Я найду убийцу и отомщу за короля, — продолжила королева, не заметив моего ужаса. — Твайла, боюсь, у тебя прибавится работы в будущем.

Я растерянно посмотрела на королеву, пока не поняла, что она говорит о работе Донен. Мерек не рассказал ей, что я знала, что утрава — ложь. Она хотела, чтобы я коснулась тех, кто уже отравлен, невиновных.

— Я буду рада наказать тех, кто убил короля, — холодно сказала я. — Буду рада этому.

Королева с любопытством посмотрела на меня и кивнула.

— Жаль, что только смерть моего мужа заставила тебя увидеть свою ценность, — сказала она, я не знала из-за паранойи или интуиции я слышала угрозу в ее словах. — Простите, у меня еще много дел, — она пошла к двери, но обернулась. — Твой страж, Твайла. Он трегеллианец, да? Где он?

Мерек ответил за меня.

— Ему пришлось вернуться домой. Я обеспечу безопасность Твайлы. Я могу доверять только себе, если где-то неподалеку отравитель.

— Он ушел? Как странно, — сказала королева. — Единственный трегеллианец в замке ушел, как только умер король, — она ушла, не оглянувшись, а моя челюсть болела от усилий не закричать ей вслед. Я поблагодарила мысленно тех, кто слушал, что Лиф давно ушел.

— Я благодарен, — сказал Мерек, взглянув на меня, склонив голову.

— За что?

— За то, что послушалась меня. Это многого стоило для тебя.

— Как ты и говорил, еще будет время лучше.

— После этой ночи — хоть вся жизнь, — улыбнулся он.

Хотя я ничего не ела, живот крутило.

— Я отдохну немного, — сказала я осторожно. — Прошлая ночь была долгой, мне нужно подготовиться к вечеру.

— Конечно, — согласился он. — Я провожу тебя в комнату. Думаю, тебе лучше оставаться там, подальше от моей мамы. Я написал знакомому священнику из Хаги. Я буду ждать его у Водных врат вечером. Я оповещу тебя. Мы почти сделали это, Твайла.

Он взял меня за руку и повел к западной башне, принимая соблезнования придворных по пути, но он молчал, лишь порой сжимал мои пальцы.

Он довел меня до комнаты, проверил под кроватью и за шторами, он убедился, что королевы с ножом там нет.

— Запри дверь, — напомнил он мне, ушел, а я так и сделала. Но когда его шаги утихли, я убрала засов. Пусть королева нападает, если хочет, я буду готова. Я заглянула по пути в комнату Дорина и Лифа. Вещи Дорина все еще были в сундуке у его кровати — маленький оловянный солдатик и нож. Да, пусть приходит. Я должна отомстить ей за Мэрил. За меня.

\* \* \*

Но вся моя смелость оставила меня, когда я вошла в комнату, и рука зажала мой рот. Напавший втащил меня внутрь, захлопнул дверь, пока я размахивала ножом и кричала в ладонь, что пыталась меня заткнуть. Потом руки освободили меня, и передо мной оказался мой страж, его глаза пылали, он смотрел на меня, прикусив губу. Я выронила нож, все благородные мысли о принятии судьбы вылетели из головы.

Мы смотрели друг на друга, настороженно читая намерения друг друга.

А потом мы столкнулись, не зная, кто шагнул первым, кто кому подставил лицо, я знала

лишь, что бушует внутри нас, что так правильно, хотя душа короля тем временем отправлялась в Вечное королевство или в небытие.

## Глава 21:

Мы лежали вместе на полу моей комнаты, на красном ковре у моей кровати. Его пальцы скользили по веснушкам на моем плече, словно он рисовал на моем теле карту неба, соединял созвездия и спирали. Я следила за ним, он сосредоточился на этом деле, он улыбнулся, когда ему нравился рисунок, он чуть хмурился, когда не мог соединить все так, как хотел. Мы не говорили словами. Я старалась найти способ сказать ему, что ему нужно уходить, потому что королева схватит его, и его отправят в адскую комнату, где его будут пытаться ножами стражи. Но он послушается, а я не могла снова его ломать.

Он смотрел на меня, поцеловал, а потом сел.

— Нам нужно решить, что делать, — сказал он. — Я не могу оставить тебя, и я не могу держаться от тебя, если останусь, и тогда ты будешь наставлять рога королю.

— Ты должен уйти, — тихо сказала я, обретя голос. — Королева говорит всем, что короля отравил трегеллианец. Если ты останешься, то тебя арестуют и будут допрашивать.

— Тогда идем со мной. Возьми жизнь в свои руки, идем со мной. Я думал, ты этого хотела? — его губы изогнулись, словно он хотел найти нужные слова. — Я не могу остаться, какое бы безумие ни задумала королева. Я не могу остаться и смотреть, как ты становишься женой другого. Да, он будет ранен. Да, они последуют за нами, — быстро говорил он. — Но это стоит того, мы же будем вместе? Я верю в нас, верю, что должен быть с тобой, а ты — со мной. Я лучше умру, чем буду жить без тебя. Если ты не чувствуешь такого, то... — он прижал палец к моим губам, когда я попыталась перебить. — Если ты не чувствуешь такого, я пойму и уйду. Я не буду тебя беспокоить. Но подумай, прошу. Ты сможешь остаться с ним, если я заберу твое сердце с собой?

Я старалась отвести взгляд, но он не давал, держал меня за подбородок.

— Пора делать выбор, — тихо сказал он. — Не делать так, как хочет он, как я хочу или королева. Ты должна выбрать сама. Он или я. Я не буду спорить с тобой. Я не буду винить тебя за решение. Обещаю. Твой выбор... тебе решать, — его улыбка разбивала сердце, нежная, полная надежды и страха.

— Я так и знала, — твердый голос королевы расцепил нас. Она была в дверях, ее лицо было бледным, на щеках пылал румянец.

Лиф попытался закрыть мое тело своим, чтобы меня не увидели стражи, стоявшие за ней, их мечи были направлены на нас, они сжимали их руками в перчатках. Я могла лишь лежать под ним, обнаженная и замерзшая. Нет. Только не это.

Королева смотрела на нас, ярость и триумф озаряли ее лицо.

— Поднимайтесь. И прикройтесь, — приказала она.

— Дайте хоть одеться, — сказал Лиф, протянув руку, словно так мог отогнать их.

— Какое право ты имеешь просить об этом у меня? — спросила королева. — Ты отравил моего мужа, а потом спал с суженой моего сына, и ты просишь меня о позволении?

— Я не убивал... — начал Лиф, но королева повысила голос, заглушая его.

— Мы видели твой позор, одежда не скроет твои преступления. Вы оба под арестом за измену, за планирование мятежа против престола Лормеры. Быстро одевайтесь, иначе пойдете так.

Лиф открыл рот, чтобы возразить, но стражи шагнули вперед, и я в ужасе заскулила, королева могла потащить меня по замку голой. Лиф повернулся ко мне, я не могла двигаться, и он поднял меня, все еще закрывая собой, как мог. Мои руки дрожали, он одел меня в платье, словно был горничной. За его плечом я заметила, что стражи отвернулись. Но королева смотрела с улыбкой на мое унижение.

— Я люблю тебя, — прошептал он, пока завязывал шнурки на моем платье.

Я была скрыта, и Лиф оделся сам, а потом повернулся к королеве. Он двигался медленно, одевался так, словно соблазнял. Он склонился за поясом с мечом, а она махнула стражам. Мы не успели закричать, один ударил рукоятью меча по затылку Лифа, и я с ужасом смотрела, как он падает на пол. И два стража начали бить его по ребрам и спине.

— Хватит! — я обрела голос, вскочила на ноги и побежала к ним, но королева схватила меня за руки и заставила смотреть, как стражи бьют Лифа. От каждого удара я кричала и кривилась, но она держала меня с удивительной силой. Один из стражей улыбнулся мне, я оскалилась, борясь с королевой.

— Хватит, — сказала она скучающим тоном, когда Лиф перестал стонать и потерял сознание. — Уведите убийцу, — они схватили Лифа под руки и утащили из комнаты. — Ждите снаружи, — сказала она двум оставшимся стражам, они поклонились и ушли, закрыв за собой дверь. Когда мы оказались одни, она оттолкнула меня, и я споткнулась и упала в лужу крови. Задыхаясь, я смотрела на нее, стараясь передать взглядом всю ненависть. Она стояла и смотрела на меня, взгляд скользил по мне.

— Как глупо, — сказала она. — Потерять шанс выйти замуж за принца ради фермерского мальчишки. Так и лучше. Ты была бы ужасной королевой, раз так выбираешь.

— У меня никогда не было выбора, — парировала я.

— Глупая Твайла, выбор есть всегда, — фыркнула она. — Ты выбрала прийти сюда, оставить дом и семью. Ты подружилась с сыном слуги, сделав его и себя помехами мне. И ты решила лежать со стражем, который убил моего мужа. Ты помогла ему? Он научил тебя трегеллианским штучкам? Потому ты касалась его, не убивая?

— Нет! Это вы, я это знаю. И я знаю о Донен, я знаю об утр... — мои крики прервались она ударила меня по лицу, в ушах звенело.

— Сколько еще раз ты предашь королевство? — прошипела она, глядя на дверь, и я поняла, что она играет, ведь стражи слышали нас, они смогут всем рассказать.

— Вы... — начала я, но она подняла руку, чтобы я молчала.

— Будет суд, — продолжила она. — Перед всем двором ты увидишь то, что сделала, все, что сказала. Ты сломила веру королевства в себя. Ты умрешь за это, и твои грехи не будут съедены. И этого не хватит, чтобы наказать тебя за то, что ты раскрыла ноги перед другим, пока мой сын хотел жениться на тебе. Он любил тебя.

Гнев вспыхнул во мне, я отвела взгляд. Огонь в ее глазах был невыносим, ее осуждение унижало меня, захлестывая.

— Я надеялась, что ты сможешь быть хорошей для моих детей, — сказала она, склонив голову и глядя на меня. — У меня два сына, — продолжила она. — Рожденный и доставшийся по наследству, Лормера — мое дитя, как и Мерек. Я питала эту землю, как и сына, а ты подвела обоих. По твоей вине все стало таким. И Мерек это увидит. Стража! — позвала она, но дверь открыл Мерек, и меня охватил страх.

— Как это понимать? — он смотрел на мать, поглядывая на меня с тревогой.

— Спроси ее, — королева толкнула меня, и я рухнула у ног Мерек.

— Твайла? — тихо спросил он.

— Скажи ему! — крикнула королева. — Признайся в содеянном.

Я не могла рассказать человеку перед собой о том, что наделала, что хотела сделать.

— Мама, хватит. Я приказываю тебе объясниться.

— Она... — королева вскинула палец, — была со своим стражем. Здесь. В день, когда мы попрощались с твоим отчимом. Я нашла их здесь обнаженными. Она предала тебя.

Я смотрела на Мерека, видела, как гнев на его лице уступает боли.

— Это не так. Твайла, это ведь не так? Ты бы не сделала так после всего? После всех моих слов?

— Прости, — только и смогла сказать я. Этого хватило.

Он закрыл лицо руками, этот жест ранил меня.

— Я знал, — сказал он. — Конечно, я знал, что у него есть чувства к тебе. Это и слепой увидел бы. Но ты... я думал, ты поняла. Боги, какой я дурак! Я думал, ты со мной.

— Мерек, прошу... — мою мольбу прервала королева, подлетев ко мне с поднятой рукой. Еще одна пощечина прозвенела в комнате, я пошатнулась от силы удара и обхватила ладонью щеку, кожа горела.

— Не смей обращаться к моему сыну по имени, маленькая потаскушка, — прошипела она. — Ты посмела привести в замок своего любовника, а теперь просишь о помощи моего сына?

Мерек коснулся руки матери, успокаивая ее. Он холодно смотрел на меня, лицо стало маской, как когда он вернулся в Лормеру.

— Дым после сжигания отчима еще висит в воздухе. Утром ты была с нами на его Пожирании. Днем ты возлежала со своим стражем в замке, где я скорбел, — тихо сказал он. — Ты обвиняешься в измене, — повторил он слова матери. — Пощады не будет. Такова цена того, что ты сделала со мной, — он развернулся на каблуках и покинул комнату, но я успела увидеть, как дрожат его плечи.

— Знаешь, что поражает меня больше всего, Твайла? — спросил королева. Она понизила голос до шепота, тон был интимным, почти материнским. Я посмотрела на нее. — То, что ты сделала это сама. Ты потеряла его и отдала мне то, что я хотела, а я даже ничего не сделала. Лучше и быть не может. Это нужно отпраздновать, да?

Я молчала и смотрела на нее.

— Ах, точно, — сказала она. — Мы не будем тебя вешать. Мы будем охотиться на тебя. Я сама отведу тебя в лес.

— Нет...

— Да. И весь двор пойдет смотреть, — она кивнула себе. — Хотя пусть сначала ты посмотришь, как собаки съедят твоего любовника. Может, вы оба будете там сразу, и мы посмотрим, как сильно он тебя любит. Как думаешь, он попытается заслонить тебя от их зубов, когда они попытаются вырвать твое сердце? — она смеялась, а я дрожала. — Можно делать ставки. Весело будет, да? Как далеко ты убежишь? Когда окажешься на коленях? Погоди, у меня есть идея... Знаешь, что делал отец? Он резал ноги тем, на кого охотились. Он резал им ноги и оставлял в лесу. Давал час на побег. Рохес говорил, что у собак все равно преимущество. Можно поступить и так.

Она склонилась, медальон из Таллита оказался перед моим лицом, дудочник и три звезды над ним. Она прошептала угрожающе мне на ухо:

— Буду ждать ваших страданий.

Она встала и пошла к двери.

— Заберите ее, — сказала она.

Я кричала, голос срывался, стражи грубо подняли меня на ноги, их перчатки царапали мою кожу. Мои ноги были слишком слабыми, не держали меня, и они вытащили меня из комнаты на ступеньки.

Коридоры были полны придворных, лордов, леди, даже слуг, все смотрели на мое падение. Они молчали, никто не насмехался, не плевал меня. Они просто смотрели, как безмолвные статуи, как меня тащили вниз, в подземелье.

Стражи втолкнули меня во влажную темницу, я упала на гнилую солому, что покрывала землю. Дверь захлопнулась за мной, повернулся ключ в замке, и я раскрыла рот, беззвучно крича, дыхание с силой покидало тело, я разворошила солому и ударила по полу. Во тьме были лишь страх, боль и горечь потери.

\* \* \*

Немного света в подземелье было — тускло горел факел в коридоре. Было тихо, редко капала вода с потолка. Криков не было, даже моих, я сидела с кулаком у рта, чтобы не дать себе кричать.

Я не видела стража, так что тихо позвала сквозь решетку двери.

— Лиф? Лиф, ты здесь?

Я учуяла это за миг до того, как заметила движение, темницу заполнил могильный запах, инстинкты прижали меня к стене. Меж прутьев появился силуэт — длинные мускулистые ноги, плоская голова, повернутая ко мне, и много зубов, сияющих в раскрытой пасти. Я вжалась в холодный камень, пропитывая его своим потом, а существо бросилось на прутья, я не сдержала визг. Металлический звон прозвучал по темнице, когда существо ударило дверь, оно заскулило, пытаясь сорваться с цепи, которую я видела вокруг его шеи. Оно смотрело на меня сквозь прутья пустыми глазами без души, а потом отвернулось и ушло. Оно могло терпеть. Я ведь была заточена. Я слушала поверх шума крови в ушах, как оно устраивается где-то во влажном углу, и я сунула кулак в рот, чтобы не дать себе закричать.

Я смотрела во тьму, прислушиваясь. Я старалась как можно тише скользить рукой по гнилой соломе, кожу покалывало из-за ее противной липкости. Кусочек соломы впился мне под ноготь, и я чуть не вскрикнула, но рычание гончей остановило меня. Я застыла, казалось, на целую вечность, вытащила этот кусочек и продолжила искать среди соломы что-то, что можно использовать как оружие. Паника грозила захватить меня, я старалась сохранять спокойствие. Гончая не доберется до меня сквозь прутья, хотя это не избавляло от страха, что кто-то может ее впустить, если они захотят.

Я пораженно прислонилась к стене, мыслями вернулась к Лифу, которого где-то держали, сердце трепетало, когда я поняла, что он может быть без сознания или умирать после ударов стражей. Я надеялась, что так и есть, если они делали с узниками то, о чем мне рассказывал страж. Я не вынесла бы его криков. Я не хотела этого. Лучше пусть умрет.

Он мог уже умереть. Из-за меня.

Выбор. Я годами хотела его, представляла как недостижимую мечту. Было больно, но королева была права. У меня были выборы, но они мне не нравились, я их не признавала. Я постоянно жалела себя. И теперь утащила Лифа с собой вниз. Я вспоминала, как королева склонилась ко мне, дудочник на ее медальоне не оставлял моих мыслей, она говорила мне, что ждет нашей гибели.



Я была наедине с мыслями в темноте, странное спокойствие заполнило меня, несмотря на запах гончей. Слезы высохли, сердце билось ровно. Завтра уже не будет. Все пропадет. Встретятся ли наши с Лифом призраки в Западном лесу и останутся среди деревьев? Сможем ли мы там узнать друг друга? Будет ли скучать мама? Будет ли больно умирать? Сказка Лифа о Спящем принце всплыла в голове. Собаки королевы вырвут мое сердце, как делал Спящий принц. Я не винили маму Лифа за то, что она не рассказывала им всю сказку. Спящий принц. Почему-то я вспоминала сказу, Вестника, ведущего девушку к своему отцу, и я подумала о девушке, что умирала, чтобы он проснулся. Девушки, как я, призывались из домов в разрушенный замок, чтобы кормить монстра. Меня вызвали из дома в красивый замок, чтобы я стала марионеткой чудовища. И хоть я уже не верила в богов, я молилась им.

\* \* \*

Я дремала, сидя на полу, мысли путались, Спящие принцы, гончие и боги смеялись надо мной во снах. Я видела беловолосого мужчину в короне, кланяющегося богине в черном. Бог с дудочкой играл, пока собака пыталась ухватить его за ноги, над ним падали звезды. Я проснулась резко, глядя на стены темницы.

На первой охоте по возвращению Мерека он спрашивал у матери про медальон, монету из Таллита. Он сказал, что там дудочник, а она изменила изображение, чтобы оно было лормерианским. Но я видела его на медальоне. Он не был стерт, там был дудочник с тремя падающими звездами над ним. Что Лиф говорил о светилах? Я не подумала переспросить. Могло ли это быть связано с падающими звездами?

Моя кровь стала ледяной.

Не падающие звезды. Кометы. Я видела их в ночь, когда умер Дорин, три кометы пылали в темноте. Три кометы. Три звезды на медальоне.

А потом в день охоты мы с Димией слышали музыку во дворе, а Лиф — нет. Дудочку.

После этого Димия пропала.

Димия ушла из-за музыки? Последовала за Вестником?

Лиф говорил, что в старых версиях сказки Спящего принца можно было разбудить навеки, если привести к нему девушку, пока в небе эти звезды. И что Вестника призывают предметом, если кто-то знает, что это, и как это сделать. У королевы был медальон с дудочником, которого раньше там не было, но теперь он точно был здесь с нимбом из звезд.

Медальон был тем предметом.

Королева призвала Вестника.

## Глава 22:

Я встала, принялась расхаживать по темнице, платье зловеще шуршало по соломе. Гончая натянула цепь, услышав движение, но я не думала об этом, мне было не до этого.

Я была уверена, и это придавало сил, кожу покалывало. Она призвала Вестника, и он пришел. Потому что она опустошила замок. Она думала, что я все еще в башне, мне не сбежать. Она призвала его, зная, когда кометы будут в небе. У нее были люди, что отслеживали небесные явления, пути Нэхт и Дэга по небу. Она организовала охоту, чтобы забрать мужчин и леди, оставив слуг на растерзание Вестнику.

Я закрыла руками лицо, подавив стон. Димия мертва. Бедная Димия. Но хуже было, то, что если версия сказки про кометы правильна, то Спящий принц мог проснуться. Зачем? Зачем он ей? Если ей нужен Мерек, а не престол Таллита.

Я ходила по темнице, игнорируя собаку, а та рвалась на цепи ко мне.

— Мерек! — завопила я, колотя кулаками по прутьям, а потом и ладонями, когда стало слишком больно. — Мерек! Позовите принца... короля! Прошу! Кто-нибудь? — я кричала, пока не сорвала голос, руки болели. Никто не ответил. Я не знала, есть ли тут кто-то, кроме меня. Собака перестала нападать, она смотрела на меня, и взгляд говорил, что слишком поздно. Я в отчаянии опустилась на пол, сжалась, дрожа, но не от холода.

\* \* \*

Я, наверное, спала, потому что, когда открыла глаза, Мерек стоял передо мной один и смотрел сквозь прутья. Гончая тихо сидела рядом с ним, Мерек держал в руке ее цепь. Я не слышала, чтобы они двигались, это пугало меня сильнее пустого взгляда Мерека. Мы молчали, в горле пересохло от ужаса, что он откроет дверь и выпустит зверя. Он пропал из виду, мне стало еще страшнее, но он вернулся без собаки.

— Ты звала меня, — сухо сказал он.

Я встала, тело болело после сна на каменном полу.

— Мерек... Ваше величество, королева призвала Вестника, — я была удивлена спокойствию своего голоса.

Он вскинул бровь.

— Прости?

— Королева призвала Вестника из Таллита. Сына Спящего принца. Она призвала его и забрала одну из горничных, Димию, которую вы посылали найти меня в день, когда умер Дорин. Ее забрал Вестник. Спящий принц проснулся.

— Я и не думал, что ты окажешься безумной, — печально сказал он.

— Нет! Послушайте меня. Медальон, что вы дали королеве, монета из Таллита, была чистой на охоте, помните? Вы спросили, где дудочник и звезды, а она сказала, что убрала их. Но теперь там есть картинка. Я видела, когда она нашла меня. Там был дудочник.

Мерек отвел взгляд с отвращением.

— Как это понимать, Твайла?

— Она призвала дудочника! В ночь перед последней охотой в небе были кометы. Говорят, если они будут на небе, когда призовут Вестника, то сердце, которое съест Спящий принц, пробудит его. Она призвала его, опустошила замок, а он пришел и забрал Димию. Она разбудила принца.

— И ты позвала меня из-за этого? Рассказать детскую сказку? Ради богов, Твайла, может, хватит? Разве я мало страдаю? Я потерял из-за яда отчима, а моя суженая оказалась... Я пришел сюда не за этим.

— Тогда зачем? — спросила я.

— Я думал, что... у тебя есть объяснение. Что ты сможешь мне понять.

Вдруг мои глаз наполнились слезами. Я смотрела на него и видела, что он выглядит старше, уставшим. И я понимала, что он пришел, потому что хотел объяснения, чтобы поверить. Он хотел меня простить.

— Мер... Ваше величество, мне жаль. Я бы не хотела вас ранить, — тихо сказала я.

Он склонил голову.

— Хочу знать, когда это началось.

— В день перед Предсказанием, — тихо сказала я. — В день охоты.

— Ты его любишь?

— Да, — прошептала я.

Он моргнул и поджал губы. Медленно он опустился на пол, сел перед решеткой, скрестив ноги, как мальчик. Будто простить его должна была я. Я чувствовала на себе груз старой жизни, дочери Пожирательницы грехов, дарящей успокоение.

— Я еще могу жениться на тебе, — он не смотрел на меня, он глядел на лодыжки. — Если мы скажем, что он заставил тебя... — он замолчал.

Я тоже села и взяла его за руку, снова чувствуя, что извиняется он. Он не отпрянул, я заговорила:

— Мерек, он не заставлял, — сказала я нежно.

— Придворные этого не знают, — быстро сказал он. — На суде можно сказать, что он напал на тебя. Я смогу тебя простить, и мы оставим это и будем вместе.

— А если я откажусь?

— Тогда тебя приговорят к смерти.

— Выйти за тебя или умереть? Как я должна ответить?

— Скажи, что выйдешь за меня, — уголок его губ приподнялся.

— О, Мерек, — сказала я, забывшись. — Ты не заслужил такой жизни. Тебе не нужна невеста, что вышла за тебя, чтобы спасти себе жизнь.

— Знаю, но я хочу себе такую невесту. Я всегда хотел тебя, — сказал он и выглядел так печально, что я хотела сказать «да». Но не могла, и он увидел это по глазам. — Тебя будут осуждать за разрыв помолвки, — сказал он, не глядя на меня. — Это измена, потому что я принц. Но страж будет наказан на цареубийство.

— Цареубийство? Но он не убивал короля, ты это знаешь! Это была она, ты сам...

Мерек перекрикивал меня:

— Думаешь, мне есть дело? Думаешь, мне важно, по какой причине они его убьют?

— Но это все она. И она выйдет за тебя, когда убьет меня и Лифа. И соглашение с Трегелланом...

И тут я поняла весь план королевы.

— Мерек, послушай меня. Она призвала Вестника и отравила короля, чтобы добраться до Спящего принца, последнего из королевской семьи Таллита. Она хочет себе алхимика. Она хочет заставить его делать для нее золото, чтобы, когда она казнит Лифа и начнет войну с Трегелланом, оплачивать так войну. Ты слышал ее, она сама сказала, что это война, а ты сказал, что Лормере войну не вытянуть. Но с алхимиком это возможно. Мерек, она это планирует сделать! Она хочет сделать его своим алхимиком. Спроси брата Димии — у нее есть брат — Таула! Его зовут Таул! Он скажет тебе, что не знает, где она! Она бы ушла, не поговорив с братом? — я чувствовала верность своих слов, чувствовала это костями.

— Хватит, Твайла, — он поднялся и отвернулся.

— Мерек, прошу! Выслушай!

Он оглянулся на меня, со злостью поджав губы.

— Я услышал достаточно, — сказал он. — Твой суд завтра на рассвете. Прощайся со всем дорогим, — он склонил голову и ушел, оставив меня на полу. Я ждала, пока он точно уйдет, а потом у меня потекли слезы.

\* \* \*

Время шло, без солнца я не знала, когда будет рассвет, пока шаги не послышались у моей темницы. Я проснулась и встала, впилась в прутья. И судорожно вдохнула, когда два стража подошли к темнице, у одного был факел, у другого — ключи. Дверь распахнули, один из стражей махнул мне выходить.

Я медленно вышла. Я думала всю ночь и знала, что делать. Я должна рассказать двору о плане королевы. Даже если это меня не спасет. Может, кто-то прислушается и остановит ее. Стражи завели руки мне за спину и связали. Я не успела помешать, мне завязали рот вонючей тряпкой. Я пыталась кричать, но кляп работал, слышались лишь приглушенные вопли, никто не понял бы их. Они тащили меня под локти, хотя старались не касаться моей кожи, и я не знала, хочет ли королева до последнего скрывать правду о Донен.

Они вывели меня из подземелья в главный зал. Свет снаружи был тусклым, рассвет, и сердце колотилось о ребра. Все было потеряно.

\* \* \*

Двери главного зала открыли, когда мы приблизились, меня ввели внутрь. Как на суде леди Лорель, скамейки стояли рядами, все лицом к помосту, где сидели королева и Мерек. Королева старалась выглядеть мрачно, но блеск глаз выдавал ее. Рядом с ней Мерек выглядел так, словно ему было незачем жить, лента сбилась на его плече и сидела на нем криво, его волосы были растрепаны вокруг бледного лица. Я не знала, что он будет делать, когда мы с Лифом погибнут, и план королевы будет выполнен.

Меня заставили встать перед помостом, я услышала сзади звуки борьбы, я обернулась и увидела, как втащили Лифа. У него тоже был кляп, глаза были с синяками, опухшими. Казалось, он едва мог стоять после избиений, я двинулась к нему. Страж оттащил меня обратно, я могла лишь смотреть, как Лиф старается выпрямиться, пока стражи отпустили его.

— Печальный день для Лормеры, — сказала королева, не выглядя печально. — Я знаю печаль. Я потеряла дочь и двух мужей. Но это не сравнить с опустошением, что я ощутила, узнав, что девушка, которую мы знали как Донен Воплощенную, была в постели со своим стражем.

Лиф смотрел на меня с печалью, придворные шумели.

— Как? — раздался один голос, другие кричали. — Боги! Донен! — кто-то взвыл, и все эхом скандировали. — Донен, Донен, Донен, — и я не могла терпеть этого.

Королева с триумфом смотрела на меня, а потом заговорила поверх шума.

— Знаю, это больно — узнать, что мы верили самозванке, сложно поверить в такое ужасное предательство, но мы должны. Мы свидетели. Я нашла их обнаженными в ее комнате почти сразу после погребения короля. Она предала принца и всех вас. Всех нас. Но это не хуже всего. Ведь она спала с тем, кто убил короля!

Гудение заполнило комнату, словно гром, придворные говорили между собой, я качала головой, пыталась снять кляп, чтобы сказать им правду.

— Вы видели, как король упал на пиру. Его отравили. Он умер в агонии через несколько часов. Потому что этот трегеллианец, — она указала на Лифа, — отравил его. Он — шпион, и если бы я не застала его в кровати с Твайлой, он точно отравил бы и меня, и принца. И он каким-то способом смог обойти ее яд. У трегеллианцев есть такие умения. И хотя мне больно так говорить, я не могу быть уверена, что она не связана с его планом. Что она не подтолкнула его на это, предложив в оплату себя, чтобы он нашел противоядие и совершил убийство.

Лиф молчал, с ненавистью глядя на королеву, и я знала, что он все усложняет, не пытаясь отбиваться. И делала это за него, кричала в кляп, пыталась вырваться из хватки стражей.

Мерек, что до этого смотрел на дверь, ударил рукой по столу, заставив молчать двор и

меня.

— Твайла, к чему сейчас наигранность? — медленно сказал он, глядя на меня.

Что-то похожее он ведь говорил, когда я пела для его отчима?

Хорошо провести день без наигранности, да?

Я смотрела на него, и он отодвинул ленту, показывала маленький золотой цветок на груди. Одуванчик. Потому лента топорщилась, он старался скрыть его. Он моргнул, глядя на меня, и я поняла.

Он мне поверил.

— Это суд, — продолжил Мерек. — Не выступление. И мы будем вести себя соответственно. Приведите первого свидетеля, — сказал он, королева помрачнела.

— Кого?

— Первого свидетеля. Я вызвал врача из Трегеллана, чтобы он провел экспертизу. Я не позволю никому сказать, что мой суд был несправедливым. Я могу быть милосердным.

Я улыбнулась под кляпом.

— Нет! — королева встала. — Он будет защищать человека своей страны. Все они против Лормеры. Мерек, я не позволю.

Лиф потрясенно посмотрел на меня. За мной ерзали придворные, королева тоже слышала их бормотание. Она постаралась унять их взглядом, но не вышло, она это видела. Она громко вздохнула.

— Хорошо, — сказала она. — Ведите свидетеля. Но помните, — сказала она придворным, — свидетель не бесстрастен.

Стражи открыли двери и впустили небольшого мужчину с темной кожей и короткими черными волосами. Он поклонился королеве и Мереку и задумчиво посмотрел на нас с Лифом.

— Врач, у меня не осталось тела для обследования, но все в этой комнате видели, как мой отчим упал. А потом он умер. Я назову симптомы и хочу, чтобы вы поставили по ним диагноз. Это возможно?

— Да, Ваше высочество, — сказал врач.

— У отчима вдруг ослабели ноги. Он не мог управлять ими, не мог стоять и идти без помощи. Слабость растеклась по всему телу, он не мог потом и говорить. А вскоре после этого он умер.

Врач кашлянул, кивнул и заговорил:

— Ваше высочество, похоже, это связано с его мозгом, — королева подалась вперед, врач отпрянул на шаг. — Ток крови в мозг был нарушен, и это помешало управлять конечностями. Тело его не слушалось. А он умер, потому что кровь не текла туда, куда должна была.

— И откуда берется эта болезнь? — спросил Мерек.

— Обычно, — сказал врач, все задержали дыхание. — Это может случиться со всеми.

— Ложь! — завизжала королева. — Это был яд!

— Вряд ли он ошибается. Он врач. И вы хотите сказать, что смерть была естественной? — Мерек повернулся к трегеллианцу.

— Да, Ваше величество.

— Я принимаю ваш диагноз.

— Это абсурд, — сказала королева. — Яд из Трегеллана — мускусный корень — парализует нервы, приводит к удушению. Шести или восьми листьев хватит, чтобы одолеть

взрослого мужчину. Этот трегеллианец, — она указала на Лифа, — использовал его на короле, а он, — она махнула на врача, — помогает его прикрыть.

— Откуда вы знаете об этом корне, матушка? — тихо спросил Мерек. Все замерли. — Откуда вы знаете, что он причиняет паралич и удушение? Странные слова для той, что не разбирается в медицине.

Он поймал ее.

Королева молчала слишком долго.

— Травник Ральф показывал мне одну из книг. Я спрашивала его о симптомах, он подтвердил мой страх. Отсюда и слова. Я цитировала.

— Покажите медальон.

— Что?

— Покажите мне и двору медальон.

— Мерек, сейчас не время... — Мерек схватился за цепочку, вытащил медальон из ее корсета. Королева пыталась отойти, но Мерек не отпускал, и ей пришлось стоять, цепочка впивалась в ее белую шею, пока сын разглядывал медальон.

— На охоте, когда я вернулся, вы сказали, что убрали рисунок, чтобы было похоже на лормерианский, — он показал всем дудочника там. — Лорд Беннел спросил, нашел ли я Спящего принца. А потом он погиб, якобы оскорбив Твайлу. Так ли это было, матушка? Или тебя разозлили его слова о Спящем принце, которые услышали все?

— В чем дело? — прошипела королева. — Ты выжил из ума? — она отпрянула, Мерек отпустил медальон и холодно смотрел, как он падает на ее платье.

— Я отправил в Таллит отряд. Они вернутся через месяц и скажут, лежит ли в развалинах замка тело горничной. Я предупредил стражу, они закроют замок, если существо в древней одежде придет за госпожой. Травника, что ты держала под замком, забрали на допрос, твои комнаты обыскивают. Я вызываю второго свидетеля, леди Твайлу, — он повернулся к придворным.

Они не молчали. Я слышала, как люди вскакивали на ноги, чтобы увидеть меня, обвиняемая превратилась в свидетеля. Страж, что держал меня, снял повязку с моего рта. У него было такое же лицо в форме сердечка, как у Димии. Таул.

Я ощутила на себе вес взглядов.

— Твайла, будь добра, расскажи всем о своих открытиях, — сказал Мерек.

Королева была удивлена, я заговорила громко и чисто, мой певучий голос звенел в комнате.

— Вы призвали Вестника, — я смотрела на королеву, слова стирали ухмылку с ее лица. — Кулон — предмет для его призыва, вы сделали это в ночь, когда в небе были три кометы. А на следующий день увели всех из замка, чтобы он сделал работу. Я видела, как он очаровал горничную, — ее челюсти сжались, я медленно продолжала, вонзая в нее слова, как ножи. — В ночь, когда принц сообщил, что у нас будет свадьба, вы отравили короля и попытались обвинить в этом моего стража, чтобы начать войну с Трегелланом. Вы хотите, чтобы Спящий принц стал вашим алхимиком, чтобы у вас было золото для войны. Для новой Золотой эпохи Лормеры, — я опустила часть о ее желании выйти за Мерека, и он благодарно посмотрел на меня.

Все молчали, когда я допела. Реакция была лучше, чем на пение.

Заговорила королева:

— Думаешь, придворные поверят детским бредням потаскушки? Это сказка. Все знают,

что Спящий принц — сказка.

— А Донен Воплощенная? — парировала я. — Они знают, что и это сказка?

Все напряглись, я это ощутила.

— Богохульство, — прошипела королева.

— Нет никакой утравы. И Предсказания. Я никого не убивала, — сказала я. — Все изобрели вы. И вы знаете это, и Мерек, и Ральф. Из-за этого умер Тирек. Лиф не делал противоядия от утравы, потому что утравы нет. И я никогда не была ядовитой. Все это ложь, всегда было ложью. Признайте это.

Вой гнева двора оглушал, но все равно было слышно вопли королевы:

— Ты бредишь. Ты могла обмануть моего сына, но не всех их. Мой народ... — королеву прервал страж, который сообщил, что король умер. Он взбежал в зал с флаконом. Все замолчали, атмосфера была угрожающей.

— Простите, сир, — он остановился перед Мерекком, проигнорировав королеву. — Это нашли в шкафу королевы, в ее шкатулке, — он держал флакон, такой же, из которого я пила на Предсказании.

Мерек кивнул, чтобы тот передал флакон нервному врачу, тот понюхал и сказал Мереку:

— Мускусный корень, Ваше величество. Смешан с ликером.

— Это подбросили! — королева поднялась на ноги. — Вы пытаетесь подставить меня, ты и потаскушка. Арестуйте принца! — закричала она, но стражи не двигались.

— Мне не нужно тебя подставлять. Твой муж мертв, ты не удержишь трон без короля. Нужно было подумать об этом до того, как убивать его, — Мерек осмотрел придворных. — Я обвиняю бывшую королеву в измене против престола Лормеры, моего престола, — Мерек спокойно добавил. — Кто-то против? Кто-то может доказать ее невиновность?

Королева застыла рядом с Мерекком. Она смотрела на нас, сжав кулаки. И я была уверена на миг, что она убежит, но она расправила пальцы и пригладила платье. Она тяжело посмотрела на Мерека.

— И как ты будешь править без королевы? Ты не можешь удержать трон один. Пока... — она подло посмотрела на меня. — Может, ты хочешь простить потаскушку и жениться на ней?

— Она не совершала преступления, — сказал Мерек, голос дрогнул. — Я — регент Лормеры, я не вижу преступления против престола.

Королева вскинула брови.

— Ты все еще хочешь ее? Хотя я видела, как она извивалась вокруг него, пока он...

— Молчать! — закричал Мерек.

Королева смотрела на него с приподнятыми бровями.

— Ты извинишься, Мерек. За все жестокие слова и свой ужасный план.

— Нет, — сказал Мерек странным далеким голосом.

Королева улыбнулась ему.

— Я нужна тебе, Мерек, — сказала она. — Спящий принц идет. Я нужна тебе, чтобы управлять им. У меня есть тотем. Без него что он сделает?

Мерек смотрел на нее, как и все придворные, он сдавался.

— Тотем призывает Вестника, — сказала я, но не была до конца уверена. — Это не связано со Спящим принцем. Это не управляет им.

— Не смей говорить со мной, — она повернулась и свысока посмотрела на меня, я

отпрынула. Но моих слов хватило, чтобы Мерек взял себя в руки. Он потянул за медальон так, что цепочка порвалась. Они смотрели, как медальон покачивается в его руке, все опасались действий Мерека.

— Теперь тотем у меня, — сказал Мерек. — Если он и влияет на него, я смогу им управлять. Я буду тем, кто поговорит с ним.

— Он убьет тебя! — хохотала королева. — Думаешь, ты сможешь говорить с ним? Думаешь, раз говорил с посланцем в Трегеллане, то сможешь говорить со Спящим принцем? Он спал пятьсот лет. Он проснулся среди пустоты. Все, что он знал, пропало — семья, королевство. Он не будет сидеть и пить с тобой вино, глупец! Ты не знаешь, как управлять королевством, не сможешь защитить его от чудовища. Я нужна тебе.

— Нет, — сказал Мерек мертвым тоном. — Мне нужно лишь, чтобы ты ушла от меня подальше. Из замка. Из моей жизни. Я приговариваю тебя к повешению.

Слова прозвенели по комнате.

Улыбка пропала с лица королевы, как горячее масло сползает с ножа.

— Что?

— Измена карается смертью. Ты это знаешь, — Мерек не смотрел на нее.

— Ты не можешь меня повесить. Я королева.

— Нет. Моя жена будет королевой. И ты моей женой не будешь. Ты предательница.

— Я твоя мать.

Придворные молчали и смотрели на них, мы с Лифом замерли, глядя на них. Страж, что держал меня, отпустил, и, когда я повернулась, увидела, что другие ждали в дверях.

— Ты можешь прощаться со всем, пока мои люди не вернутся с телом девушки. Как только они придут, время выйдет. В темницу ее, — приказал он страже. Они вышли вперед, все хотели схватить ее, и я была рада, что Таул завел ее руки за спину. Она снова была статуей, не сопротивлялась, они спускали ее с помоста. Она не отрывала взгляда от лица Мерека, а он решительно отвернулся.

— Развяжите леди и стража, — сказал Мерек.

— Стойте! — крикнула королева, когда мои запястья развязали. Мы посмотрели на нее, она была на пороге, глаза пылали. — Не только я тут злодейка, да, Лиф? Расскажи Твайле, как ты попал сюда!

— Уведите ее с глаз долой, — приказал Мерек, стражи утащили королеву, ее смех звенел в моих ушах.

Я растерянно повернулась к Лифу, и земля ушла из-под ног.

Он был таким бледным, что синяки сияли на коже. Он не выглядел как оскорбленный. Он выглядел как человек, которого предали и бросили.

— Что она имела в виду? — спросила я.

Он смотрел на пол, а в моей груди появилась острая боль, и я знала, что так разбивается сердце.

## Глава 23:

— Прочь! — Мерек повернулся к придворным. — Все, оставьте нас.

— Что она имела в виду? — спросила я у Лифа, но он не смотрел на меня. Я шагнула к нему, но тут Мерек прыгнул с помоста и помешал мне подойти к Лифу. Он держал меня, пока комната не опустела, пока двери не закрылись, оставив нас троих.



Мерек смотрел на Лифа.

— О чем говорила моя мать, страж? Что ты сделал? Ты помог ей призвать Вестника? Помог отравить отчима? В ее обвинениях была доля правды?

— Нет, — тихо сказал он. — Нет, клянусь, я не связан с королем или Спящим принцем.

— А что тогда, Лиф? — спросила она. — Что она хотела сказать?

Он качал головой, а Мерек смотрел на него.

— Или ты говоришь, или я приведу ее обратно и допрошу, — резко сказал он. — Но мы все равно узнаем.

Лиф закрыл глаза, мы словно задержали дыхание.

— Я работал на королеву.

— Но это я знала... Она наняла тебя охранять меня, — глупо сказала я.

— Нет, Твайла. Я был нанят ею, чтобы соблазнить тебя. Чтобы ты не вышла за принца.

Как и тогда, когда умер Тирек, все краски и звуки исчезли, остались лишь него слова: «Я был нанят ею, чтобы соблазнить тебя». Они крутились в моей голове, а потом Мерек обхватил меня руками, когда ноги перестали меня держать. Я выпрямилась, взяла Мерека за руку и посмотрела на Лифа, человека, которого любила.

— Она наняла тебя соблазнить меня.

Он кивнул.

— Чтобы принц не мог на тебе жениться.

— Не понимаю, — тихо сказала я.

Лиф глубоко вдохнул и посмотрел на меня.

— Я говорил тебе, что был фермерским мальчишкой, это так, и мой отец мертв. Но мой прадедущка не был фермером. Он был капитаном трегеллианской армии, и моя семья жила в замке, как придворные, при короле. До войны. Его убили из-за войны с Лормерой.

Мои глаза расширились.

— После войны люди восстали. Они винили короля и тех, кто остался от армии, за потери. Они поймали королевскую семью и их приспешников. И прадедущку. Их казнили, и моей прабабушке пришлось бежать, чтобы спасти себя и сына. И ей пришлось врать, чтобы сохранить жизнь моему дедушке. Она вышла за фермера, что не вязалось с ее статусом придворной, но разве у нее был выбор? У них не было детей, и ферма перешла к моему дедушке, потом к моему отцу. А все из-за Лормеры.

— Не понимаю, — медленно сказала я. Мерек крепче схватил меня. Лиф смотрел влево, не в силах смотреть мне в глаза.

— Когда отец умер, у нас ничего не осталось. Мама живет в лачуге на краю мира, сестра не может покинуть дом из-за тех, кто живет там... — он замолчал и сглотнул. — Это все из-за Лормеры. Иначе я был бы при дворе. Я бы учился там, а не тайно. Не было бы восстания. Я был бы как он, — он кивнул на Мерека. — Я пришел ограбить замок. Я хотел ворваться и забрать все, что смогу, а потом увезти домой и продать. И мы заняли бы место, которое по праву было нашим.

Он взглянул на меня и опустил голову. Его пальцы сжимались по бокам.

— Я хотел денег. Чтобы вернуть ферму, поставить нас на ноги. Но меня поймали и бросили в подземелье. Я думал, что мне конец... трегеллианец воровал в замке. Но твоя королева пришла ко мне. Наверное, кто-то рассказал ей про меня. Она предложила освободить меня, заплатить много денег, если я разберусь с тобой. Мне нужно было влюбить тебя в себя, уговорить уйти со мной. Оставить его. И я согласился. Королева назначила

твоего другого стража в другое место, а я победил на отборе, — он пожал плечами. — У меня было золото, а королева помогала мстить Лормере.

Я вскинула руку, чтобы он замолчал.

— Это ложь.

Лиф скривился.

— Я должен был уговорить тебя уйти, и когда ты согласилась бы, я должен был сказать им, где и когда нас ловить. Ты была бы опозорена и выгнана, а мне заплатили бы. Но я увидел, как на тебя смотрит принц, я понял, что он простит тебя, уговорит остаться. Он победил, как и всегда. Но он бы не захотел тебя, ... если бы ты была нечистой, если бы предала его. Если бы страж получил тебя первой.

Я выбежала из комнаты, ведомая инстинктом самосохранения, мне было плохо от его слов. Я слепо бежала, пока не рухнула, меня тошнило, и я, дрожа, изливала все на пол.

Холодная рука легла на мою шею, и мне впервые понравилась холодная кожа Мерека, что унимала огонь во мне. Лиф использовал меня. Он говорил, что любил меня, он был со мной в постели, а сам планировал все это, хотел отомстить королевской семье.

Я села, Мерек посмотрел на меня, нежно вытер мне губы рукавом туники. Мои глаза слезились, он вытер и слезы.

— Я должен тебя благодарить, — тихо сказал он. — И вся Лормера. Прости, что дал тебе подумать, что не поверил тебе, но стражи ждали меня в тот момент за углом. Я не знал, кому они верны, пришлось сделать вид, что я решил, что ты врешь. Один из них был Таулом, он подтвердил твои слова о сестре. И я увидел за ужином медальон матери. Потому я послал за врачом, которого надеялся позвать для Дорина. Я знал, что она где-то спрятала яд, так что схватил травника, ведь это он мог создать для нее яд. Она готовилась к суду, а мои люди обыскивали ее комнаты. Прости, но я не мог тебе сказать. Мне нужно было, чтобы она выдала себя перед всеми, чтобы не могла отрицать, не нашла выход.

— Он врал мне, — сказала я, не обращая внимания на слова Мерека.

— Я не знал о твоём страже. Прости.

— Дорин, — сказала я. — Если бы не тот укус, этого не случилось бы. Он не пустил бы ко мне Лифа.

— Твайла... он мог умереть не из-за укуса пчелы.

— Что?

— Не уверен, но я подозреваю, что он тоже был отравлен. Ею. Чтобы толкнуть тебя в руки Лифа. Когда я узнал, что он умирает, один из лекарей говорил, что у него есть шанс выздороветь. Но потом ему резко стало хуже. Я не хотел говорить тебе это тогда. Не видел смысла. Но теперь я верю, что его отравила она.

Что-то во мне превратилось в лед, в железо. Так хитро.

— Если бы она назначила Дорину другую работу, я была бы в ужасе, — сказала я, голос звучал издали. — Я бы никому не доверяла. Была бы настороженной. Но если бы ему было плохо, а Лиф подставил бы плечо, чтобы я выплакалась... потому что я доверяла Лифу, ведь ему доверял он.

— Что мне сделать? — спросил Мерек, я посмотрела на него. — Что сделает тебя счастливой?

— Ее тело горящее там, где я увижу это.

Мерек раскрыл рот.

— Серьезно. Она пробудила почти мертвого, чтобы начать войну. Она убила моего

стража и твоего отчима и многих-многих других. Она безумна.

Мерек смотрел на меня, как на незнакомку.

— Не вешай ее, — продолжила я. — Дай ей этот яд. Я хочу, чтобы она понимала, что умирает.

— Ты не серьезно?

— О, Мерек. Я серьезно.

Да. Я впервые хотела, чтобы кто-то умер, хотела ее страданий. Но она никогда не поймет, что сделала с Дорином, с Мерекком. Со мной.

— Почему? — спросила я. — Почему она затеяла такие сложности? Почему не отдать меня сразу Вестнику, чтобы избавиться?

— Как она могла? Она сама себя загнала в угол. Она годами говорила королевству, что ты — спаситель, символ веры, посланная мне невеста, надежда Лормеры. Если бы тебя забрали, люди восстали бы, пошли бы искать тебя. И я тоже. Она сделала тебя значимой. Она сделала тебя слишком важной.

Я вспомнила бедного короля, титул и родословная не спасли его.

— И она решила опозорить меня? Испортить репутацию?

Мерек кивнул.

— Я говорил, что людям нужно во что-то верить. Они поверили в тебя. Ей нужно было сломить эту веру, чтобы убрать тебя. Если бы ты умерла, не важно из-за чего, люди решили бы, что Лормера проклята, что все пропало. Богов можно было использовать по-разному. Если бы оказалось, что ты — не Донен, что боги тебя бросили, она могла бы избавиться от тебя. Она могла бы смягчить урон новостью об алхимике и бросить тебя на съедение.

Я кивнула, едва поспевая за ним. Мерек продолжал:

— Она просила меня принести из Таллита все, что я смогу найти. Я подозревал, что она хочет знания по алхимии. Я думал, что она заставит людей учиться этому. Я не видел вреда, я тоже хотел этих знаний. И я по глупости привез ей все, включая тотем. Она, наверное, была рада, ведь так было проще, чем разгадывать шифр записей. Ей оставалось избавиться от моего отчима, обвинить Трегеллан, выйти за меня, а Спящего принца заставить делать для нее золото.

Я обвила себя руками, словно могла так не дать себе рассыпаться.

— Что делать со стражем? — тихо спросил Мерек. — Он предатель. Ты же оказалась жертвой этого.

Но это было не так. Я затащила Лифа в постель после того, как побывала в Зале стекла с Мерекком. Я рассказала ему это.

Он сглотнул, но покачал головой.

— Ты не виновата. Ты была пешкой. Но если ты захочешь его казнить, я это исполню.

Нет. Мысль появилась немедленно. Я не могла убить его. Я знала, что он сделал, и он сам признался, но я не хотела, чтобы он умер, я не ненавидела его.

Я все еще не верила ему. Пыталась, но не могла. Сердце кричало, что он лжет, что он не мог...

— Зачем его казнить? — спросила я. — Урон уже нанесен.

Мерек стиснул зубы.

— Это будет правильным наказанием ему. Пока... он не достиг успеха.

— О чем ты?

— Он не разделил нас. Если мы пойдем дальше по пути, по которому шли четыре

года...

Я печально улыбнулась.

— Ты нужна мне, — сказал он. — Спящий принц идет. Она была права, я не справлюсь один. Мне нужно, чтобы ты помогла мне остановить мою мать, я не смогу один.

— Он может не хотеть войны. Он хочет понять, что с ним случилось.

— Поверь, ни один принц не успокоится, если у него забрали замок. Ни один мужчина. Посмотри, что сделал страж, потеряв ферму. Представь, что он сделал бы, если бы у него забрали все королевство, — он замолчал. — Когда принц не спал, Лормера была деревушками в горах. А теперь тут города, деревня, столица и замок. Мы процветаем. У нас есть то, что было у Таллита. Можешь поверить, что он не заберет это? Не подумает, что может так сделать? Ты слышала мою маму, без королевы я лишь регент. Лормере нужен король. Мне нужно быть им. Будь моей королевой, Твайла. Встань рядом со мной и правь со мной, помогай сохранить Лормеру.

— Мерек, люди примут тебя королем со мной или без меня, — сказала я, коснувшись его руки. — Случившееся показывает, что старое нужно менять. Лорды поддержат тебя. Люди примут изменения, если ты будешь честным с ними. Скажи им правду. Скажи, что он идет, что они должны поверить, что ты защитишь их.

— Всю? И о тебе и Донен?

Я задумалась на миг.

— Нет. Это пусть просто увянет. Они не узнают, — румяней появился на его скулах. Я сжала его пальцы на миг. — С хорошим королем и боги не нужны. Не подведи их. Скажи им, что любишь их, что они и Лормера для тебя на первом месте. Я для этого не нужна.

— Но я хочу тебя, — улыбнулся он мне. — Не только для того, чтобы стать королем. Я всегда хотел тебя. Ты все еще невеста, которую я выбрал. Я выбрал тебя.

Он был искренним. Я могла бы согреть его холодность. Ему нужна королева, с которой он сможет поговорить. Чтобы он любил ее. Я могла быть такой, мы увидели бы, что ждет нас впереди. И если будет война, разве не лучше нам быть вместе? Лормера и мой дом.

Я обхватила его щеку ладонью.

— Я хотела бы, — осторожно сказала она, — подумать об этом. Я бы хотела прийти к тебе с решением, что только мое, а не потому, что мне так говорили делать, или потому что это дало бы мне отомстить кому-то. И не из-за войны. Если я приду к тебе, то это потому, что я выбрала тебя, без других причин. Я не хочу, чтобы ты сомневался.

Хотя он помрачнел, он кивнул.

— Я ждал одиннадцать лет, чтобы ты спасла меня, — сказал он тихо. — Я подожду еще немного.

Спасла его. Он думал, что я спасла его. Мысль быть героиней была приятной, я уже чуть не согласилась выйти за него.

— Что делать со стражем? — спросил он, прервав мои мысли.

— Я бы хотела поговорить с ним. А потом отослать. Выгнать из Лормеры. Чтобы он никогда не вернулся.

Мерек обхватил мою ладонь и поцеловал.

— Ты будешь хорошей королевой, — прошептал он. — Я буду в саду ждать твоего решения.

Он помог мне встать на ноги, осмотрел мое лицо, пригладил мне волосы и отпустил в главный зал. Я закрыла за собой дверь и повернулась к Лифу.

Он все еще стоял перед помостом, сцепив перед собой руки, он не двигался после того, как я покинула комнату. Я замерла у двери. Мы смотрели друг на друга, оценивали. Я устала от этого, я прошла к скамейке и села, ожидая.

— Прости, — сказал он, наконец.

— За что?

— За все.

Я кивнула.

— Я не знала, что она меня так ненавидела.

Он посмотрел на дверь и сказал:

— Нет, не всегда. Думаю, она ненавидела себя.

Я невольно посмотрела на него.

— О чем ты?

— Она не смогла. Она думала, что она проклята. Первая ее дочь умерла, потом муж. Она не могла забеременеть. Она хотела сохранить престол, быть величайшей королевой Лормеры. Она ненавидела себя за то, что ты была ей нужна.

Я стиснула зубы и сказала:

— Ты знал, что она хотела выйти за Мерека вместо меня? Она рассказывала тебе о своем плане? Она хотела встать на мое место. И начать войну с твоей страной. С твоим народом. Она это говорила? Лиф, она пробудила чудовище из сказки, и все мы в беде. Что будет, когда он придет? Ты думал об этом?

— Я не знал об этом. И мне все равно, что будут делать безумные правители Лормеры, — сказал он.

Я встала и пошла на него, пальцы могли быть когтями.

— Что я сделала тебе, чтобы заслужить такое, Лиф? Что сделала я, Твайла, чтобы ты хотел разрушить меня? Чтобы была война?

— Я не знал тебя, когда все начиналось, — сказал он.

— А теперь? Когда ты меня так хорошо знаешь? Боги, Лиф, я верила тебе!

Он смотрел на пол и качал головой.

— Ты разрушил мой мир, — сказала я ему. — Не королевскую семью Лормеры, а меня. И притворялся при этом, что любишь меня.

— Я не врал об этом, — сказал он спешно. — Я не врал о любви. В конце.

— Ты врешь мне сейчас! — завопила я.

Он пошел ко мне, и я знала, что если он коснется меня, я, несмотря ни на что, потеряю себя. Я ловко встала за скамейкой.

— Я хотел рассказать тебе тогда в саду травника и не смог. Пытался сказать каждый день. Если бы мы сбежали, я бы признался.

— Как ты можешь врать мне в лицо?

— Я полюбил тебя, — взмолился Лиф. — Это уже правда. Если так и не было всегда, так уже есть. Это началось не сразу, но я предавал тебя потом. Я бы сбежал с тобой. Я хотел. Я вернулся к тебе не ради денег и месте, а ради тебя.

— Ты посмел...

— Это так, — быстро сказал он. — Между нами все постоянно менялось. Я делал что-то хорошее, потом жалел о сделке с королевой и хотел порвать с ней. А потом ты поступала так, как тогда с Димией, и я обретал решимость. Но когда я увидел, как он целует тебя в Зале стекла, я понял, что любил тебя. И я хотел, чтобы наши планы осуществились.

— О, боги, — я обхватила живот, который снова крутило. — Все это было ложью. Потому ты не сбежал тогда со мной! Ты хотел меня разрушить. Разрушить и сделать так, чтобы она знала, где нас ловить.

— Но я не сделал этого, потому что полюбил тебя! Мы были впервые вместе в тот день, и я не рассказал! Я мог предать тебя, но не стал. Я бы убежал с тобой, когда вернулся. Я был готов!

— Но ты сказал ей! Она поймала нас! О, боги! — я простонала, вспомнив, как нас арестовали. Они были в перчатках, чтобы касаться меня. Они были готовы арестовать меня. Из-за него. — Ты знал, что она придет. Ты лежал со мной, ты знал, что она придет и увидит нас обнаженными. Ты унизил меня.

— Я не сделал этого! Я хотел оставить тебя и все это, но не смог. Я вернулся, чтобы забрать тебя. Я бы все рассказал тебе. Я не знал, что она придет. Прощу, Твайла, поверь мне.

— Как я могу тебе верить? Ты врешь и врал. Ты не врал лишь о лжи.

— Но ты все равно меня любишь. И я люблю, несмотря ни на что. Мы сможем, Твайла. Я знаю, начало было не лучшим, но разве не считается конец? Быть со мной?

У него были огромные глаза, зеленые, как северное сияние, и я отвернулась, я не могла выдержать его взгляд.

Шум в коридоре напугал нас, Лиф побежал ко мне, воспользовавшись шансом.

— Твайла, моя Твайла. Я отдам тебе остаток жизни. Она твоя, только твоя. Я проведу каждый час каждый день, искупая все, что сделал не так. Позволь мне. Если грядет война, тебе тут будет опасно, он не сбережет тебя. Я смогу. Прости меня. Дай доказать себя.

Нет, он не может. Не может просить прощения. Не теперь. Впервые в жизни я могла сама изменить судьбу. Я знала все, ничто не было скрыто. Я могла управлять судьбой, я могла выбирать, что будет дальше. Но что выбрать — лжеца, которого я глупо полюбила, или сломленного принца, который думал, что я его спасу.

Я снова посмотрела в глаза Лифу.

А кто спасет меня?

## Эпилог:

В старых историях героем был тот, кто размахивал мечом с благородным лицом, чтобы убить дракона и освободить принцессу. В старых историях никто не винил принцессу, что она не была осторожной, что не должна была подставлять себя.

Я жила не в таких историях.

\* \* \*

Когда огонь догорел, свет снаружи уже не давал читать, я добавила еще одно бревно к тлеющим углям в очаге. Огонь стал выше, жадно лизал новое топливо, я пошла на маленькую кухню, приготовила ужин, ничего вычурного: хлеб с соленым трегеллианским сыром. Я ела медленно, одной рукой размазывая мягкий сыр по хлебу, другой придерживая книгу, продолжая читать. Закончив, я отвлеченно поставила тарелку с крошками на камин, отраженный свет привлек мое внимание. Я смотрела, как металлическая тарелка становится из серебряной золотой в свете северного сияния, напоминая мне о другом времени, я поежилась. Я отодвинула тарелку и вернулась к истории. Я читала все старые сказки — «Красная кровь и грязное золото», «Зимняя ведьма», «Алы оборотень» — и мне хотелось больше. Я хотела выдумку, что-то невозможное, я не страницы, описывающие мир вокруг. Я

не хотела ничего, похожего на «Спящего принца».

Мерек сказал, что будет писать, и я обещала вернуться, если Спящий принц попадет в Лормеру, но шли месяцы, а он не прислал ни слова. Я следила за новостями на всякий случай, хотя деревушка, что теперь была мне домом, была далеко от Лормеры и Таллита. Никто здесь не знал, кто я, кем была, так я и хотела. Я начала здесь с чистого лица.

Я начинала верить, что Спящий принц все же мертв, что проклятие сломлено, что его сказка окончена. Знаю, это было лишь мечтой, нужно прекратить так делать. Каждый день, что проходил без новостей, делал меня свободнее. Счастливее.

Некоторые жители начали приглашать меня к себе на ужин, они беспокоились, ведь я жила одна, но я была рада остаться в доме с книгами, мне это нравилось. Я поняла, что быть одной и одинокой — это разные вещи. Я была окружена людьми, но была одинока, но здесь я была рада. Позже я заметила, что напеваю все время, я не слышала эту мелодию. Новая песня. Моя. Если придут слова, стоит записать их.

Я закрыла занавески, улыбнувшись перед этим своему пустому саду. Весной тут будут полевые цветы.

\* \* \*

Я устроилась в кресле, читала в свете огня и нескольких свечей. Веки опускались от жара и от вина, что я потягивала при чтении. Я оставила закладку меж страниц и отложила книгу, решила, что лучше отправиться спать, чем проснуться утром с затекшей шеей и книгой, врезавшейся в грудь. Я глубоко вдохнула, чтобы задуть свечи, но раздался стук в дверь, и я застыла.

Я знала этот стук. Раньше, в другом мире, я слышала этот звук каждый день. Тук-тук. Звук был знаком мне, как мой голос.

Я должна была злиться, ненавидеть. Не радоваться этому стуку.

Но я ощущала надежду, усталость покинула меня, и я открыла дверь.

**Больше книг на сайте - [Knigolub.net](http://Knigolub.net)**

## **Благодарности:**

Надеюсь, вам понравилось. Если да, то вам стоит знать, кто сыграл большую роль в создании книги.

Мой агент Клэр Уилсон. Спасибо за все. За ВСЕ. Ты просто лучшая. Я бы могла описывать все хорошие слова, но это все равно не опишет тебя полностью. Книжки не было бы без тебя. И ты тоже шикарна, Лекси Хамблин. Спасибо обеим.

Всем в «Scholastic UK», особенно, издателю Джиневре Герр. Этой книжки не было бы и без тебя. За эту и много других причин ты одна из моих фаворитов. Также поддержали Сэм Селби Смит, Эмили Ламм, Джейми Грегори, из-за которой я рыдала над прекрасной обложкой, и Рейчел Филипс. Простите и спасибо.

Мэллори Касс из «Scholastic Inc». Один редактор — это хорошо, два — просто мечта. Не знаю, что ты принесла в жертву, но это сработало, спасибо. Мне очень повезло. Спасибо всем в «Scholastic Inc.» за ваши споры о Лифе и Мереке.

Спасибо Робину Стивенсу, который сказал, что эта история достойна, хотя я думала, что она ужасна. Вы были правы. Снова. Мне это даже нравится.

Спасибо Эмили Лайонс, моей самой опасной подруге, Джеймсу Поттеру для моего Сириуса Блэка. Когда я получила первую копию, Эмили приехала ко мне в Париж, мы

читали ее на Эйфелевой башне с шампанским.

Спасибо Джим Дин, которая не переставала любить эту историю. Я рада, что мы встретились и стали друзьями. Хоть ты и из Пуффендуя.

Спасибо всем моим замечательным друзьям за ваши восторги и поддержку, за то, что заставляли смеяться. Я вас люблю.

Если я кого-то забыла, простите. Я доберусь до вас в следующий раз. Это не угроза.

Если вас не понравилось, вините этих людей. И меня, но не сильно.

И напоследок:

Если вы знаете викторианский язык цветов, то захотите перечитать части книги с цветами и применить знания.